НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НОВЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЕС

**Под редакцией
А.М. Волкова**

Москва
ИМЭМО РАН
2016

УДК 338.2(4)
ББК 65.5(4)
Новые 766

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:
кандидат экономических наук В.Б. Белов
кандидат экономических наук А.А. Невская

Под редакцией к.э.н. А.М. Волкова

Авторский коллектив:
к.э.н. А.М. Волков, А.В. Гутник, к.и.н. Ю.Д. Квашнин, к.ю.н. В.А. Оленченко,
к.э.н. А.В. Щедрин

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-07-00047
«Европейский союз как испытательная площадка новых антикризисных технологий в
условиях глобализации»

Новые 766

Новые антикризисные технологии в ЕС / Под ред. А.М. Волкова. – М.: ИМЭМО РАН,
2016. – 116 с.

ISBN 978-5-9535-0486-7

DOI:10.20542/978-5-9535-0486-7

Монография представляет собой итоговый результат проекта, выполненного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Внимание авторского коллектива сконцентрировано на новых антикризисных технологиях в странах ЕС. Несколько глав посвящены детальному анализу национальных особенностей преодоления кризисных явлений в странах ЕС. Книга предназначена для представителей российского экономического научного сообщества, а также для широкой общественности.

**New Anti-Crisis Technologies in the EU / Volkov A.M., ed. – Moscow, IMEMO, 2016. – 116 p.
ISBN 978-5-9535-0486-7**

The study is the result of the research project undertaken with support of the Russian Humanitarian Science Foundation. Attention of the authors is focused on the new antirecessionary technologies in the EU countries. Some chapters analyze in details national peculiarities of overcoming crisis phenomena in the EU countries. The edition is intended for the representatives of Russian economical scientific community and for the broader public range.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0486-7

© ИМЭМО РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Борьба с кризисом в ЕС	7
Глава 2. Великобритания	24
Глава 3. Страны Северной Европы	37
Глава 4. Ирландия	64
Глава 5. Греция	77
Глава 6. Страны Балтии	105
Заключение	113

ВВЕДЕНИЕ

Кризисы всегда были присущи капитализму. Они были глубокими и затяжными или, наоборот, ограничивались краткосрочными небольшими спадами, развивались под влиянием различных факторов (в том числе и политических – мировых и региональных войн и их последствий). В период после Второй мировой войны, когда в 1950-х годах возникло Европейское экономическое сообщество, они проявлялись относительно слабо. Первый серьезный кризис возник лишь в середине 1970-х годов в связи с нефтяными шоками и резким ростом цены на нефть. В тот период страны сами решали свои экономические проблемы, и не требовалось существенного вмешательства каких-либо наднациональных организаций.

Мировой экономический и финансовый кризис 2008-2009 гг. стал первым мировым кризисом эпохи глобализации. В глобализованном мире финансовые и экономические кризисы приобретают ряд новых свойств и характеристик (продолжительность, импортированность, каскадность и т.д.), которые требуют, во-первых, научного осмысления и, во-вторых, использования как традиционных, так и принципиально новых механизмов управления экономической ситуацией и преодоления кризисных явлений. В условиях высокой степени интегрированности экономик стран – членов ЕС кризисные явления в одной стране распространяются на другие и не могут быть смягчены или преодолены исключительно на национальном уровне. Соответственно особое значение приобретает координация действий национальных антикризисных механизмов на наднациональном уровне и разработка и применение собственно наднациональных механизмов и мер стимулирования экономического роста. Именно Европейский Союз в условиях современного кризиса стал испытательной площадкой новых антикризисных технологий, которые могут быть полезны и для других стран, включая Россию. Впервые на наднациональном уровне были созданы антикризисные механизмы в помощь странам – участницам ЕС.

Эта монография направлена на выявление особенностей средств и механизмов смягчения и преодоления современного финансового и экономического кризиса в отдельных странах Европейского Союза и интеграционной группировки в целом в условиях сильной взаимозависимости национальных хозяйств и нарастающей глобализации. Затяжной кризис, в разной степени поразивший страны ЕС и поставивший под угрозу существование европейского интеграционного объединения, выдвинул необходимость формирования и реализации единой и эффективной антикризисной политики стран ЕС как фактора стабилизации экономической ситуации и побудил к поиску новых инструментов и технологий борьбы с кризисом. Особое внимание авторы уделяют классификации стран ЕС по степени воздействия на них экономического кризиса и причинам, приведшим к неодинаковым последствиям кризиса в разных странах. В частности, проведено детальное исследование антикризисной политики в странах ЕС, наиболее сильно пострадавших от кризиса (Греция, Ирландия и страны Балтии). Особенно внимательно рассматриваются те страны ЕС, которые отличаются от других специфическими методами борьбы с кризисом.

Например, в странах Южной Европы однобокий характер экономики, ориентированной на низко-технологичные отрасли промышленности и гипертрофированное развитие сферы услуг, незавершенность реформ, направленных на повышение ее конкурентоспособности, и связанные с этим торговые и финансовые дисбалансы внутри Европейского Союза в условиях

мировой макроэкономической нестабильности спровоцировали перерастание экономического кризиса в долговой. Противодействие этому кризису предполагает, с одной стороны, осуществление серьезных мер в самих пострадавших от кризиса странах (переход к более жесткой бюджетной политике и реализация структурных реформ), с другой стороны, глубокое институциональное реформирование всего Евросоюза, создание новых институтов и механизмов, позволяющих предотвратить аналогичные ситуации в других странах, делегирование значительной части полномочий в финансовой и экономической политике с национального на общеевропейский уровень. Наиболее серьезные реформы осуществляются в Греции, где реформирование социально-экономической модели фактически означает отказ от той модели социального государства, которая функционировала начиная с 80-х годов прошлого века. На Кипре, где финансовый кризис едва не привел к краху банковской системы, впервые был использован механизм спасения банков за счет средств вкладчиков, который впоследствии может быть включен в европейскую систему реструктуризации и банкротства банков. В Испании экономический кризис спровоцировал резкое ухудшение ситуации с занятостью, что вынудило Европейский Союз перейти к единой политике в области противодействия безработице и принять соответствующую программу за счет недоиспользованных фондов ЕС. В Италии кризис привел к системным внутривластным изменениям, в результате которых были апробированы принципиально новые формы взаимодействия ведущих политических сил. В Ирландии был опробован механизм гарантирования банковских вкладов и передача плохих долгов в специализированные агентства по управлению активами. Таким образом, методология изучения проблем кризиса и выхода из него предполагает анализ специфики кризисных явлений в отдельных странах, особенно в малых и периферийных странах ЕС, и обобщение их на уровне Европейского Союза.

Для выявления особенностей преодоления кризиса и стимулирования экономического роста дана оценка опыта взаимодействия стран – членов ЕС в совместном решении этих проблем, выяснены тенденции разработки и совершенствования национальных и наднациональных антикризисных механизмов и политик и их сочетание. Была дана оценка эффективности использованных средств и методов выхода из кризиса как в отдельных странах, так и в ЕС в целом. Опыт действий Европейского Союза по преодолению кризиса имеют важную теоретическую и практическую ценность для решения подобных проблем в России. Выводы, полученные в результате исследования, можно использовать при выработке адекватной и эффективной антикризисной политики РФ.

Теории экономических циклов и кризисов, равно как и экономического роста, разрабатывались начиная с XIX века и к настоящему времени составляют солидный пласт экономической науки. Значительный вклад в исследование циклического развития экономики, причин возникновения кризисов и стратегий их преодоления внесли известные российские ученые А.В. Аникин, С.П. Аукуционек, А.И. Бельчук, М.А. Бунятин, Е.С. Варга, В.А. Гаврилов, Н.Д. Кондратьев, Л.А. Мендельсон, И.А. Трахтенберг, М.И. Туган-Барановский, А.В. Фомина, Ю.В. Шишков и др. Среди наиболее авторитетных зарубежных ученых, посвятивших свои работы данной тематике, можно упомянуть Р. Алена, А.Ф. Бернса, Дж.К. Гелбрейта, Дж.М. Кейнса, Ч. Киндлбергера, М. Козна, Э. Лундберга, К. Маркса, В. Перло, Дж. Сороса, Я. Тинбергера, Г. Хаберлера и др. Последний кризис, начавшийся в 2008 г. характеризуется целым рядом особенностей, обусловленных, в частности, его протеканием в условиях глобализации, и требующих поиска и применения новых антикризисных механизмов и технологий, отражающих реалии нашего времени. Этот кризис вновь привлек к себе внимание отечественных и зарубежных научных кругов,

результатом чего стало появление в последние годы значительного числа работ, посвященных изучению отдельных аспектов современного кризиса, специфике его протекания в конкретных странах, описанию и анализу антикризисных мер, принимаемых на национальном и, в европейском Союзе, на наднациональном уровне. В частности, исследованиями в данной области занимались отечественные ученые А.Г. Аганбегян, О.В. Буторина, А. Бузгалин, С.А. Вайн, В.С. Васильев, И.А. Горюнов, М.Г. Делягин, В.Н. Зуев, А. Косарев, А.В. Кузнецов, В.В. Моисеев, Р.М. Нижегородцев, А. Смирнов, А.А. Суэтин, Е.А. Филатов, Е.В. Чиркова, Н. Шевченко, А.Я. Эльянов и др. Из зарубежных ученых к проблемам современного кризиса проявили внимание Ж. Аттали, Р. Дункан, П.Р. Кругман, Дж. Сорос, а также ведущие экономисты, работающие в различных научных центрах и институтах стран ЕС. Вместе с тем исследований, посвященных новейшим антикризисным механизмам и технологиям, разработанным и опробованным в Европейском Союзе на национальном и наднациональном уровне, а также оценке их эффективности и направлений дальнейшей эволюции, довольно мало. Фактически отсутствуют и современные комплексные работы по этой тематике.

Представленная монография является итоговым результатом трехлетнего исследовательского проекта сотрудников Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-07-00047 «Европейский Союз как испытательная площадка новых антикризисных технологий в условиях глобализации»).

Первая глава книги посвящена рассмотрению наднациональных мер ЕС по борьбе с кризисом и национальных мер в ведущих странах и некоторых периферийных странах ЕС. В прочих главах проведено детальное исследование развития кризисов и анализ антикризисных мер в отдельных странах ЕС, как наиболее сильно пострадавших от кризиса (Греция, Ирландия, страны Балтии), где на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости пересмотра существовавших в этих странах социально-экономических моделей, так и относительно спокойно переживших кризис (Великобритания и государства Северной Европы). Если в первой группе стран противодействие кризисным явлениям опиралось преимущественно на помощь Еврокомиссии, ЕЦБ и МВФ, то во второй превалировали национальные меры. Выбор подробно рассматриваемых стран был обусловлен своеобразием протекания кризиса в их экономике и представляется наиболее интересным среди всего разнообразия кризисных явлений в странах ЕС.

Авторский коллектив монографии: введение, глава 1, глава 3 и заключение – к.э.н. А.М. Волков, глава 2 – А.В. Гутник, глава 4 – к.э.н. А.В. Щедрин, глава 5 – к.и.н. Ю.Д. Квашнин, глава 6 – к.ю.н. В.А. Оленченко.

Глава I. БОРЬБА С КРИЗИСОМ В ЕС

Мировой финансовый и экономический кризис 2008-2009 гг. стал первым кризисом глобализированной экономики. Он характеризовался рядом особенностей по сравнению с предшествующими экономическими кризисами. Во-первых, он имел каскадный характер, во-вторых, был продолжительным и глубоким, в-третьих, в ряде стран он стал импортированным, в-четвертых, в нем была необычайно велика финансовая составляющая. Некоторые малые страны, которые вошли в процессы глобализации быстрее и глубже, во время предыдущих кризисов сумели частично адаптировать свою экономику и социальную сферу к новым условиям мирового хозяйствования. В результате этот кризис оказался неоднородным среди стран по своей силе, глубине и различным параметрам. Те страны, которые смогли адаптировать свою экономику к новым условиям, смогли пройти его легче, поскольку в них уже были созданы отдельные элементы противостояния транслируемым через глобальные экономические связи внешним шокам.

С последнего квартала 2011 г. вновь проявились кризисные явления, прежде всего в области задолженности. Здесь мнения специалистов расходятся. Часть из них считает, что новый кризис является продолжением кризиса 2008-2009 гг. Другие считают, что это самостоятельный кризис. По ряду признаков он является продолжением предыдущего кризиса, поскольку экономический и финансовый кризис в глобальной экономике начинает приобретать новые черты и, в частности, становится каскадным. Этих каскадов может быть два и более. В настоящее время неясно, преодолен ли и этот кризис. Этот кризис ударил по более слабым и максимально открытым экономикам. Сила национального капитала препятствует проникновению кризиса в национальную экономику и он действует в глобализированных отраслях, поэтому он может сопротивляться кризисным явлениям.

Борьба ЕС с кризисом: наднациональный уровень

Финансовый и экономический кризис 2008-2009 гг. стал серьезным испытанием для ЕС. Только за пять лет на преодоление кризиса была потрачена огромная сумма – 4,5 трлн евро, или 37% совокупного ВВП государств ЕС¹.

Финансовый кризис зародился в 2007 г. в США и был вызван резким ростом объемов неплатежей по ипотечным кредитам на фоне серьезной коррекции рынка недвижимости и последующим обвалом рынка структурированных финансовых инструментов, обеспеченных ипотечными облигациями. Иными словами, основной причиной кризиса стала недооценка рисков в условиях внедрения финансовых инноваций и расширения рынка кредитования. Как следствие, крупнейшие мировые финансовые институты были вынуждены списывать переоценивающиеся активы с балансов. По данным Банка международных расчетов, с середины 2007 г. по март 2009 г. объем списаний превысил 1 трлн. долл. Одним из наиболее драматичных моментов стала потеря ликвидности финансовой системой, вследствие чего активность на межбанковском рынке оказалась парализованной².

Мировой финансовый кризис начался в сентябре 2008 г. с краха американского «Lehman Brothers» и перехода под контроль государства крупнейших

¹ Буторина О.В. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 99.

² «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 182.

американских ипотечных агентств «Fannie Mae» и «Freddie Mac». Потрясения на американских финансовых рынках отразились на Европе через денежные рынки. Оказавшись в трудном положении, американские банки не смогли предоставлять ежедневные кредиты своим европейским партнерам. Иссошение каналов денежного обращения сразу же сказалось на финансовой системе Европы. Из-за нехватки наличности европейские банки стали ограничивать рост активов и наращивать пассивы. Объем трансграничных займов резко сократился. Ситуация в европейской экономике оказалась хуже, так как в Европе основным источником финансирования бизнеса являются банки, а в США – фондовый рынок. В результате 2009 г. оказался очень сложным для европейской экономики. ВВП и капиталовложения сократились, безработица, дефицит государственного бюджета и государственный долг увеличились.

По мнению О.В. Буториной, экономический кризис в ЕС возник в связи с тем, что переход Евросоюза к высшей стадии региональной интеграции – валютному союзу – был продиктован, прежде всего, геополитическими мотивами, а его институциональная и экономическая база были проработаны недостаточно³. Из-за роста численности стран-участниц в 2004 и 2007 гг. не только заметно усложнился процесс принятия решений, но и усилилась качественная неоднородность группировки. При отсутствии в ЕС политического союза Европейский Союз не имеет полноценного общего бюджета. Его бюджет составляет несколько больше 1% совокупного ВВП стран-членов, а его средства главным образом идут сельскому хозяйству и отсталым регионам. Единая денежно-кредитная политика полностью передана наднациональному органу – Европейскому центральному банку, а экономическая политика Европейского Союза и государств зоны евро построена на принципах межправительственного сотрудничества, где Совет ЕС и Европейская комиссия разрабатывают наиболее общие ориентиры экономического развития, за реализацию которых отвечают национальные правительства.

Таким образом, до кризиса в ЕС не было определенной стратегии развития экономики и были неразвиты инструменты регулирования экономики. Только по мере углубления кризиса страны-члены ЕС начали предпринимать совместные меры по выходу из него.

Первым отреагировал Европейский центральный банк. В сентябре-октябре ЕЦБ увеличил объемы ликвидности, пролонгировал сроки операций длительного кредитования с трех до шести месяцев и др. Тем не менее, рынок межбанковских кредитов остановился. Банки, обладавшие свободными средствами, предпочитали размещать их на счетах центральных банков, а не одалживать партнерам. Для того, чтобы банки могли кредитовать друг друга, ЕЦБ снизил ставку рефинансирования с предкризисных 4,25% до 1% к маю 2009 г. Но все эти меры оказались неэффективными. Таким образом, ЕЦБ, начав с традиционных антикризисных мер кредитно-денежной политики, впоследствии был вынужден перейти к нестандартным методам регулирования: временному сужению коридора официальных процентных ставок, переходу к аукционам с фиксированной ставкой и полным удовлетворением заявок, расширению списка ценных бумаг, предоставляемых под обеспечение кредитов, принятию программы выкупа обеспеченных ипотечных облигаций, увеличению сроков кредитования до 12 месяцев, предоставлению банкам годовых кредитов в неограниченном объеме под минимальный процент и др.⁴

³ Буторина О.В. Кризис в зоне евро: ошибки или закономерность? // Современная Европа. 2012. № 2. С. 82-86.

⁴ Подробнее о мерах ЕЦБ см. «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 183-194.

3 октября 2008 г. президент Франции Н. Саркози предложил провести Европейский саммит, на котором предполагал обсудить пути выхода из мирового кризиса. Во Франции стали обсуждаться предложения о создании европейского фонда спасения европейской экономики объемом в 300 млрд евро, а в Нидерландах – об общеевропейском резервном фонде помощи пострадавшим банкам. Практически сразу Германия высказалась против какого-либо общеевропейского плана. Канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Н. Саркози исключили вероятность создания общеевропейского фонда для выхода из финансового кризиса. Такого же мнения была и Великобритания.

По ходу усиления кризиса большинство стран предпочли защищать свои банки путем выделения государственных гарантий банкам. На саммите Европейского союза в Париже 12 октября 2008 г. лидеры стран ЕС высказались в пользу гарантирования межбанковских депозитов и вложения средств путем приобретения их акций. Правительства ведущих стран ЕС обязались предложить программы выхода этих стран из кризиса. 15-16 октября 2008 г. на саммите ЕС в Брюсселе разговор шел об улучшении системы финансового регулирования и надзора за банками.

26 ноября 2008 г. Европейская комиссия предложила программу стимулирования экономики в объеме 200 млрд евро (1,5% от ВВП ЕС). Считалось, что каждая страна предпочтет свои собственные меры выхода из кризиса. Так, Великобритания считала, что для выхода из кризиса необходимы рост государственного долга и стимулирование расходов населения. Но с этим была не согласна Германия.

11-12 декабря 2008 г. Еврокомиссия утвердила совместный План европейского экономического восстановления, который был нацелен на оживление экономики, проведение структурных реформ и последующее развитие как ЕС в целом, так и отдельных стран. Для этого предполагалось стимулировать потребительский спрос. Была также разработана инвестиционная стратегия по улучшению эффективности использования энергии и инфраструктуры для стимулирования НИОКР и предусматривались мероприятия по сохранению рабочих мест и повышению конкурентоспособности экономик. В этот план входили долгосрочные меры, и он следовал Лиссабонской стратегии устойчивого развития. В совокупности на поддержку населения и реального сектора экономики было выделено свыше 400 млрд евро. При этом расходы отдельных стран были выше. В июне 2009 г. Европейский инвестиционный банк повысил ежегодные размеры кредитования национальных программ с 45 до 60 млрд евро⁵. Это происходило в соответствии с принятыми Еврокомиссией 28 января 2009 г. рекомендациями по выходу из кризиса, которые имели юридическую силу, поскольку страны-члены ЕС должны были согласовывать сферы, которым в каждом государстве уделялось приоритетное значение для улучшения состояния дел⁶.

По мере развития антикризисной политики ЕС стали отчетливо выделяться англосаксонская и континентальная модели⁷. Англосаксонская включала в себя воздействие государства на финансовый сектор вплоть до национализации проблемных банков. Для континентальной были характерны два подхода –

⁵ Шевченко Н. Эффективность антикризисной политики ЕС // Мировое и национальное хозяйство: Издание МГИМО (У) МИД России. 2009. № 3-4 (10-11). URL: http://www.mirec.ru/index.php?option=com_content@task=view@id=138.

⁶ Зуев В.Н. Антикризисная политика Евросоюза // Международная экономика. 2009. № 10. С. 8-9. URL: <http://www.panor.ru/upload/iblock/6e0/stat-2009-10.pdf>.

⁷ Подробнее см.: Клинова М. «Возвращение государства»: «скорая помощь» в кризисе или устойчивая тенденция / Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 18-31.

французский, предусматривавший осуществление серьезного вмешательства государства в промышленность, и германский, предполагавший более сдержанную политику вмешательства со стороны государства. Комиссия ЕС разработала в рамках программы реформирования финансового сектора меры согласно принятому 4 марта 2009 г. документу «Стимулирование экономического восстановления». В отличие от предшествующих действий, которые были в основном направлены на оживление экономики, в этом документе ставилась цель перехода к стадии подъема и усиления согласования политики между государствами-членами ЕС⁸.

В ходе проходившей 19-20 марта 2009 г. в Брюсселе сессии Европейского совета были разработаны документы, говорящие о согласованности позиций ЕС относительно путей и инструментов выхода из мирового кризиса. Европейский совет одобрил предоставление авансовых выплат из структурных фондов и фонда сплочения, снижение странами-членами ЕС ставок налога на добавленную стоимость, а также действия ЕЦБ по поддержке малого и среднего бизнеса. Большое внимание уделялось мероприятиям по сохранению рабочих мест. Страны также разработали и провели программы помощи финансовым учреждениям наравне с усилением надзора за ними. Например, Еврокомиссия рассмотрела предложения о развитии Европейской системы финансового надзора и о создании Европейского совета по системным рискам с целью предотвратить повторение финансового кризиса⁹.

На исходе 2009 г. и в начале 2010 г. появились признаки оживления, но тут выяснилось, что Греция находится на грани дефолта (см. главу по Греции), и ей потребовался кредит в объеме 110 млрд евро. 25 марта 2010 г. согласно специальному плану помощи, разработанному Н. Саркози и А. Меркель и принятому на саммите Европейского Союза в Брюсселе, Греция получила в виде кредита треть необходимой суммы от МВФ, а две трети – от 15 стран-участниц еврозоны в обмен на обязательство провести масштабные структурные преобразования. Затем в ноябре 2010 г. жертвой кризиса стала Ирландия, получившая аналогичный кредит на сумму 85 млрд евро. Весной 2011 г. в предкризисном состоянии оказались Португалия и Испания, которым пришлось в срочном порядке вводить режим жесткой бюджетной экономии. Португалия почти сразу же была вынуждена обратиться за внешней поддержкой и получила от тех же доноров 78 млрд евро в виде займов, а в обмен обязалась реализовать программу бюджетной консолидации – повысить доходы, сократить госрасходы и таким путем последовательно уменьшать бюджетный дефицит¹⁰. Летом развернулся спекулятивный ажиотаж вокруг долговых обязательств Италии и Испании. Это создавало реальную угрозу дальнейшему существованию всей зоны евро. Уже в начале 2010 г. стали появляться, в частности, исходящие от Германии предложения исключать из еврозоны государства, оказавшиеся в кризисе, и в первую очередь Грецию, и приостановить вступление новых членов в зону евро. Выдвигались предложения исключить из нее также Испанию, Ирландию и Португалию, а также Италию. С декабря 2009 г. по июнь 2010 г. курс евро снизился с 1,5 до 1,2 евро за доллар.

По мнению О.В. Буториной, в еврозоне «причины кризиса можно условно разделить на две группы. К первой относятся изъяны конструкции европейского валютного союза, как изначальные, так и появившиеся в ходе его «эксплуатации».

⁸ Буторина О.В. Антикризисная стратегия Европейского Союза: ближние и дальние рубежи // Полития. 2009. № 3. URL: <http://www.mgimo.ru/files/120984.pdf>.

⁹ Зуев В.Н. Антикризисная политика Евросоюза // Международная экономика. 2009. № 10. С. 9-10. URL: <http://www.panor.ru/upload/iblock/6e0/stat-2009-10.pdf>.

¹⁰ Подробнее см. Н.М. Яковлева Португальская экономика в кризисном пике / Свободная мысль. 2013. № 3. С. 49-62.

Ко второй – непредвиденные деформации экономических механизмов, возникшие после введения единой валюты. Речь идет о приостановке действовавших ранее автоматических стабилизаторов экономики и возникновении новых проциклических факторов»¹¹.

Таким образом, в 2010 г., после некоторого затишья, возник кризис суверенных долгов, и экономический кризис вновь начал набирать обороты, а его центр пришелся на еврозону. На это ЕЦБ отреагировал рядом мер: принятием второй программы выкупа обеспеченных облигаций, снижением основной ставки рефинансирования до 0,75% (в июле 2012 г.), принятием программы выкупа облигаций проблемных стран, предоставлением банкам неограниченного объема ликвидности.

10 мая 2010 г. министры финансов стран-членов ЕС приняли решение о создании стабилизационного фонда (Европейский инструмент финансовой стабилизации – European Financial Stability Facility, который впоследствии превратился в Европейский стабилизационный механизм (European Stability Mechanism, вступил в силу 8 октября 2012 г.) для помощи государствам зоны евро, которые испытывали проблемы в связи с ростом государственного долга – прежде всего Греции, Италии, Испании и Португалии. Основная цель этого фонда заключалась в выкупе государственных облигаций и прочих долговых инструментов стран, оказавшихся в тяжелой экономической ситуации, при поддержке германского министерства управления долгом. Германия выдвинула условие, а остальные страны приняли его, что Германия возглавляет фонд и контролирует эмиссию всех облигаций через национальное министерство финансов. В финансировании стабилизационного фонда принял участие МВФ, который должен был внести 250 млрд евро и кредиты на сумму 60 млрд евро. Европейский Союз также предполагал использовать двусторонние займы на сумму 440 млрд евро под гарантии стран – членов ЕС. Испытывавшим потребность в этих средствах странам-участницам должны были предоставлять кредиты под 5%. Функции этого фонда были ограничены по времени и истекли 30 июня 2015 г.

Предполагалось, что заложенный в основание стабилизационного фонда механизм финансовой помощи должен опираться на систему государственных гарантий, которые правительства стран-членов ЕС предоставляли Европейской комиссии. Под эти гарантии Еврокомиссия должна привлекать кредиты под низкие проценты. Данные средства поступали странам, которые оказались в сложном положении. Основным условием получения средств из стабилизационного фонда являлось принятие национальной программы серьезного сокращения расходов государственного бюджета и оздоровления финансовой системы страны. В сентябре 2010 г. министры финансов государств ЕС в Брюсселе утвердили установление наднациональной системы финансового контроля в ЕС.

В декабре 2010 г. саммит Европейского Союза, прошедший в Брюсселе, постановил создать с июня 2013 г. постоянно действующий стабилизационный фонд для укрепления стабильности евро и экономик стран ЕС. Страны зоны евро создавали стабилизационный механизм, который применялся для укрепления стабильности единой европейской валюты. Были также созданы Европейский совет по системным рискам (European Systemic Risk Board), который осуществляет надзор за финансовой системой для предупреждения и снижения системных рисков для финансовой стабильности в Европейском союзе, и Европейская система финансового надзора – Единый надзорный механизм (Single Supervisory Mechanism),

¹¹ Подробнее см.: Буторина О.В. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 98-115.

который должен координировать действия национальных надзорных органов и разработать единые стандарты в этой области.

В январе 2011 г. была обсуждена проблемы роста размеров Европейского фонда. Министр финансов Германии Вольфганг Шойбле, а также Франция высказались против этого. В то же время Бельгия выступила за удвоение фонда до 1,5 трлн евро. Поэтому было решено не форсировать этот вопрос и решения о структуре и размере фонда не было принято.

В условиях усиления кризиса все чаще возникал вопрос об едином управлении еврозоны. Франция считала, что эти проблемы надо решать на саммитах стран-членов ЕС. Германия полагалась на независимость государств при условии сохранения бюджетной дисциплины. Обе страны полагали, что Европейскому Союзу нужен механизм постоянного регулирования национальных государственных бюджетов.

Неудачей закончилось обсуждение о взимании общеевропейского налога с банковских операций. Министр финансов Швеции Андерс Борг выступил с заявлением, что введение нового налога на банковские операции отрицательно скажется на подоходном налоге и может стимулировать компании перевести свою финансовую деятельность в третьи страны за пределы ЕС. Германия и Франция считали, что этот налог станет определенной компенсацией средств на спасение национальной финансовой системы. А в июне 2011 г. председатель Европейского центрального банка Жан-Клод Трише выступил с предложением создать общее министерство финансов, которое проводило бы бюджетную политику всех государств зоны евро. Только в октябре 2012 г. Европейская комиссия одобрила предложение 10 государств ЕС ввести налог на финансовые операции. Для акций и облигаций ставка налога составляет 0,1%, а для деривативов – 0,01%. Сумма налоговых сборов может достигать 50-60 млрд евро. Налог будут уплачивать обе стороны сделки – каждая в своей стране.

В марте 2011 г. была достигнута договоренность об объеме фонда финансовой стабильности – 700 млрд евро, а летом 2011 г. было принято решение увеличить объем и полномочия Европейского фонда финансовой стабильности, созданного в мае 2010 г. Для поддержания стабильности евро предполагались прямая скупка облигаций стран-должников, гарантии по их займам и рекапитализация банков. Государства ЕС предполагали увеличить фонд до 2 трлн евро (на тот момент размер стабилизационного фонда составлял 440 млрд евро). Взносы государств зависели от размера их экономики, поэтому ведущими странами стали Германия (на нее приходилось 27% фонда), Франция (20%), Италия (18%) и Испания (12%).

Летом 2011 г. участники совета министров стран ЕС озаботились проблемами финансовых систем, в том числе ведущих банков Европы. В то же время Брюссель считал, что для разрешения долгового кризиса зоны евро необходима эмиссия единых облигаций. Но канцлер Германии Ангела Меркель выступила против выпуска еврооблигаций, поскольку проблемные страны зоны евро должны осуществить структурные реформы, а эмиссия еврооблигаций приведет к долгам, а не к стабильности.

В сентябре 2011 г. во Вроцлаве прошло заседание Совета по экономическим и финансовым вопросам. Греции был выделен очередной транш при условии выполнения ее обязательств перед ЕС и МВФ о снижении дефицита бюджета. Германия выступила против роста фонда спасения государств-должников и вновь против выпуска еврооблигаций.

В декабре 2011 г. вступил в силу пакет из шести законов, карающих за нарушение финансовых правил и отклонение от общей экономической политики.

Были введены надзор за программами реформ в государствах-членах ЕС, унификация систем заработной платы, общие стандарты для статистических данных и т.д. Контроль за этими мерами осуществляла Европейская комиссия, которая усилила контроль за финансовой политикой отдельных стран. Новые правила повышают эффективность надзора за бюджетной дисциплиной, а санкции становятся превентивными и почти автоматическими.

В конце 2011 г. и начале 2012 г. Европейский центральный банк провел крупные операции рефинансирования на общую сумму 2 трлн евро. Эта мера, а также финансовая помощь нуждающимся странам через Европейский инструмент финансовой стабилизации ставили цель ограничить распространение кризиса.

В марте 2012 г. все страны ЕС, за исключением Великобритании и Чехии, решили учредить бюджетный союз (*fiscal compact*), для чего был подписан Договор о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе. Его участники обязались не принимать дефицитных бюджетов, при этом лишь в случае экономического кризиса допускается отрицательное сальдо не более 0,5% ВВП.

Таким образом видно, что Европейский Союз добился наибольших успехов в проведении экстренных антикризисных мер и в институциональной надстройке системы стабилизации финансовых рынков. Перестройка и укрепление механизмов бюджетной консолидации идут медленнее.

Проявления кризисов в отдельных странах: национальный уровень

В странах ЕС мировой экономический и финансовый кризис наиболее активно проявился в 2008-2009 гг., тогда как в отдельных странах (например, в Швеции) наиболее сильные кризисы наблюдались несколько ранее. Отголоски кризиса во многих государствах ЕС ощущаются и сегодня. При этом меры его преодоления были во многом схожи. Прежде всего это масштабные вливания государственных средств в национальные экономики, повлекшие за собой быстрое увеличение дефицита бюджетов и стремительный рост государственного долга. В числе стандартных антикризисных мер можно назвать усиление стимулирования потребления, организацию общественных работ, обеспечение устойчивости функционирования денежно-кредитной сферы. Однако использовались и другие меры, принимавшиеся под диктатом Еврокомиссии, ЕЦБ, МВФ и иностранного капитала.

Прежде всего вкратце рассмотрим особенности течения кризиса и его преодоления в большинстве стран ЕС и в отдельности в тех странах, на которых авторы специально остановились в силу их особенностей (см. главы 2-6).

В Германии падение ВВП в 2009 г. составило 5,1%. Правительство использовало кейнсианские методы поддержки экономики, приняв ряд конъюнктурных программ, а также программ по поддержке системных банковских институтов. Благодаря широкомасштабным программам поддержки, экономика Германии достаточно быстро вышла из кризиса и уже в 2011 г. преодолела докризисный уровень.

Ведущее место среди государственных антикризисных программ было отведено стабилизационному фонду спасения банков «Соффин», учрежденного в конце 2008 г. в целях системной поддержки банковской системы Германии. Располагая правом выдачи гарантий ликвидности на сумму до 400 млрд евро и участия в капиталах проблемных банков на сумму до 80 млрд евро, он справился со своей задачей. Совокупный объем предоставленных в 2008-2012 гг. гарантий составил примерно 168 млрд евро. Фонд обеспечил участие государства в капиталах проблемных банков на 18,8 млрд евро (включая «Хипо Реал Эстейт» – 9,8 млрд

евро и «Коммерцбанк» – 6,7 млрд евро). Понесенные фондом «Соффин» убытки за этот период его деятельности составили 23 млрд евро.

Выход из кризиса 2008-2009 гг. во многом был обеспечен за счет государственных программ поддержки предприятий, предоставляющих сотрудникам возможности неполной занятости. Численность таких работников резко выросла в 2009 г., достигнув рекордной величины почти в 1,2 млн человек. Сокращенный рабочий день в условиях кризиса позволил многим немецким компаниям, в первую очередь малым и средним, сэкономить на издержках на оплату труда и сохранить свои позиции на рынке¹².

Принятый в начале 2009 г. конъюнктурный пакет предусматривал ряд мер для стимулирования личного потребления (снижение минимальной ставки подоходного налога с 15 до 14%, повышение необлагаемого минимума на 4,4% и увеличение детских пособий), расширение государственных инвестиций в инженерную и социальную инфраструктуру, увеличение ассигнований на поддержку инновационной активности малого и среднего бизнеса, программы кредитования и гарантий для предприятий, испытывающих финансовые трудности¹³.

В целом объем антикризисных пакетов в 2008-2009 гг. составил 85 млрд евро, из которых около 50 млрд евро пошли на снижение налоговой нагрузки на бизнес и физические лица, 26 млрд евро – инвестиции и 9 млрд евро – непосредственную помощь предприятиям. Государственные инвестиционные программы были направлены в основном на решение инфраструктурных проблем (строительство автобанов и учебных учреждений). 18 млрд евро из второго пакета были направлены на инвестиции в образование и НИОКР, 13% средств этих пакетов пошла на поддержку «зеленых технологий». Самой популярной мерой антикризисных пакетов стали премии в размере 2500 евро за покупку нового и более экологичного автомобиля взамен машины возрастом 9 лет и старше. Таким образом удалось резко увеличить продажи автомобилей, и спрос на германские автомобили в 2009 г. сократился лишь на 4%. В ходе кризиса профицитный бюджет сменился дефицитным, а государственный долг составил 80,5% ВВП в 2011 г.¹⁴

Великобритания пострадала от мирового экономического кризиса 2008-2009 гг. относительно меньше, чем периферийные страны – члены ЕС, исключая скандинавские страны. Британское правительство использовало традиционный пакет антикризисных мер, нацеленных на поддержку национальной финансовой системы и стимулирование экономического роста, и в 2010 г. достигло экономической стабильности и затем медленного улучшения. Однако кризис высветил риски продолжающейся финансовализации и деиндустриализации экономики Великобритании, поэтому правительство начало разрабатывать долгосрочную программу модернизации и структурной перестройки национальной экономики (подробнее см. главу 2).

Экономическое положение во Франции явно отличалось в худшую сторону от ситуации в Германии и в ряде малых европейских стран, в первую очередь, скандинавских. Правда, ВВП в 2009 г. сократился на 3,1% при снижении инвестиций на 10,6% и экспорта на 13,1%. Однако темпы экономического роста в последующие годы не превысили докризисного уровня из-за вялого внутреннего спроса. Осенью 2008 г. правительству в срочном порядке пришлось принимать антикризисные меры,

¹² Подробнее см. «Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Том 2 / Отв. ред. И.С. Семененко – М.: ИМЭМО РАН, 2014, с. 7-12.

¹³ А. Кузнецов. Германия: неоправдавшийся экономический оптимизм в год выборов / Год планеты. Экономика, политика, безопасность. Выпуск 2009 года. – М.: Наука, 2009, с. 231.

¹⁴ Подробнее см. «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 25-29.

выражавшиеся в огромных бюджетных вливаниях. Эти меры были направлены на поддержку наиболее пострадавших от кризиса отраслей экономики и покупательной способности населения. Французское правительство также занялось восстановлением национальной банковской сферы. Тринадцати крупнейшим банкам были предоставлены государственные гарантии по межбанковским кредитам на сумму 320 млрд евро и выделены 40 млрд евро на цели рекапитализации. В результате крупных банкротств в банковском секторе не было. Не менее 2 млрд евро получили за 2008-2010 гг. автомобильные компании. Была также оказана существенная поддержка строительной отрасли. Помощь от государства получили малые и средние предприятия, которым было облегчено восстановление оборотных средств и улучшен доступ к кредиту. Прямая финансовая поддержка была оказана ведущим фирмам, имеющим стратегическое значение для экономики страны (например, крупнейшие автомобильные компании «Рено» и «Пежо-Ситроен» получили заем по 3 млрд. евро на 5 лет под 6% годовых при условии сохранения рабочих мест¹⁵). Стимулировались как спрос, так и предложение: поощрялись инвестиции, создавались новые рабочие места, расширялся экспорт.

Упомянутые действия были прописаны в декабре 2008 г. в государственном Плане оживления экономики общей стоимостью 26 млрд евро. Это была рассчитанная на 2 года всесторонняя комплексная программа, концепция и принципы которой примерно соответствовали Европейскому плану восстановления экономики. В 2009 г. бюджетные расходы выросли на 50 млрд евро. В сочетании с сокращением бюджетных доходов это привело к резкому увеличению бюджетного дефицита до 7,5% ВВП в 2009 г. Налоговое и социальное бремя стало усиливаться. В ноябре 2011 г., в условиях нового ухудшения мировой конъюнктуры и расширением обязательств Франции в рамках ЕС (финансирование греческого долга, долгов других стран-членов), был принят План жесткой экономии, предусматривавший значительное уменьшение налоговых и социальных льгот. Меры в данной области должны были за 2 года обеспечить сокращение бюджетного дефицита на 18 млрд евро. Но всего за 3 года – с 2009 по 2012 г. – общий объем обязательных платежей вырос во Франции с 42,5% до 45,3% ВВП. Такого уровня налоговое бремя не достигало никогда. Резко увеличился и государственный долг Франции – с 66% в 2005 г. до максимального исторического уровня 90,6% ВВП в 2013 г.¹⁶

Северные страны, где экономическая ситуация сильно варьировалась по странам и, следовательно, подходы к решению экономических проблем были разными, активно использовали антикризисные меры в различные периоды своего экономического развития. В Швеции, ситуация в которой значительно отличалась от большинства других стран, кризис 1991-1993 гг. был намного сильнее, чем последующие кризисы. В 1991-1993 гг. наблюдались падение ВВП, банковский кризис, рост процентных ставок, значительное увеличение безработицы, валютный кризис и т.д. После того кризиса Центральный банк Швеции (Риксбанк) ввел цель в области инфляции, парламент (Риксдаг) – потолки государственных бюджетных расходов на три года вперед, а правительство сократило государственный сектор. Финансовый и экономический кризис 2008-2009 гг. и его последствия проявились в Швеции слабее благодаря институциональным реформам после предшествующего кризиса (подробнее см. главу 3).

¹⁵ А. Преображенская. Антикризисная политика во Франции: первые итоги / Год планеты. Экономика, политика, безопасность. Выпуск 2009 года. – М.: Наука, 2009, с. 246.

¹⁶ Подробнее см. «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 46-61.

В Нидерландах в 2009 г. падение ВВП составило 3,5%. До этого такое падение отмечалось в 1930-х годах, а спад вообще был в 1982 г. Важнейшей причиной кризиса было ухудшение мировой конъюнктуры. Голландский экспорт снизился в 2009 г. на 12%, безработица к 2010 г. увеличилась с 4% до 8-9%, появился дефицит государственного бюджета (свыше 5% от ВВП в 2010 г.). Государственная помощь потребовалась многим голландским компаниям, в особенности банкам.

В октябре 2008 г. с учетом резкого спада кредитной активности банковских учреждений правительство Нидерландов решило выделить 20 млрд евро на поддержание банковского сектора экономики с целью предотвращения ситуаций с банкротством компаний. В 2008 г. каждый финансово стабильный и жизнеспособный банк, как и любая страховая компания, мог запросить финансовую поддержку со стороны государства. Этим воспользовались крупные финансовые институты: крупнейший банк ING Groep получил 10 млрд евро, AEGON – 3 млрд евро, SNS REAAL – 750 млн евро. Для обеспечения стабильности финансовой системы правительству Нидерландов фактически пришлось национализировать несколько крупных банков: Fortis Nederland, SNS REAAL, ASR и др. При этом отмечалось, что переход данных учреждений под контроль государства – лишь временное явление, призванное не допустить их банкротства, и в конечном счете все они будут возвращены в частный сектор. Этот процесс начался в 2013 г.: правительство объявило о продаже своего пакета акций Fortis Nederland финансовому конгломерату ABN AMRO. Эти меры позволили стабилизировать ситуацию в финансовом секторе. ING Groep уже в 2010 г. вернула государству 5 млрд евро. Правительство также начало масштабную реформу финансового сектора с намерением усилить контроль за деятельностью финансовых учреждений.

За 2009 и 2010 гг. правительство Нидерландов выделило свыше 7 млрд евро на преодоление последствий кризиса. Они пошли на меры по стимулированию экономики, пособия по безработице, создание новых рабочих мест. Большое внимание уделялось также строительству. Несколько миллиардов евро было выделено на строительство школ, дорог, мостов, дамб, обновление портов. Были выделены также деньги на программу укрепления побережья, так называемый проект Дельта. В 2009 и 2010 г. было выделено свыше 400 млн евро на поддержание проектов по строительству жилья. Правительством был также создан фонд поддержки малых и средних предприятий.

Прирост ВВП в последние годы составлял около 1%, безработица снизилась лишь до 7%. Но вернуться к докризисным показателям удалось лишь в 2015 г.

В Ирландии впечатляющий экономический рост был прерван в 2008 г. финансовым и экономическим кризисом. Правительство Ирландии не было готово к кризису и поэтому первые антикризисные меры были скорее спонтанными и традиционными. Борьба с кризисом была осложнена тем фактом, что этот кризис был в значительной степени импортирован в Ирландию и определялся внешними факторами. Основной целью усилий государства была стабилизация банковской и, в более общем смысле, финансовой системы страны. К 2014 г. финансовая и экономическая ситуация в Ирландии улучшилась и появились признаки возрождения. Однако научные, политические и правительственные круги Ирландии столкнулись с необходимостью переосмыслить уроки кризиса и разработать превентивные антикризисные меры и механизмы, действенные в стране с исключительно открытой внешнему миру экономикой (подробнее см. главу 4).

Как и во Франции, мировой экономический кризис и последовавший за ним кризис в зоне евро в Италии скорее обострили ранее возникшие диспропорции в экономике, чем породили новые проблемы. Со II квартала 2008 г. по II квартал 2009 г. ВВП неизменно сокращался: в целом в 2008 г. на 1,2% и в 2009 г. на 5,5%. Но и

после этого его динамика была неустойчивой. Специфика протекания кризиса в Италии была следующей. Во-первых, страна меньше многих других пострадала от разбалансирования мировой банковской системы, поскольку итальянские банки слабо участвовали в международных операциях с деривативами и были скорее связаны со швейцарскими финансовыми институтами, а не с американскими и британскими. Положительную роль сыграло и наличие в Италии крупного сектора кооперативного кредита, устойчивость которого была задана институционально. За годы кризиса в стране не разорился ни один банк. Во-вторых, благодаря относительно невысокому уровню ипотечной и общей задолженности населения в Италии не возникло ситуации «лопнувшего пузыря» в сфере недвижимости. Тем не менее летом 2008 г. биржевая капитализация крупнейших итальянских банков резко снизилась, а условия кредитования частного сектора ужесточились. Кроме того, сокращение экспорта на 35% за три года вместе с падением инвестиций отбросили итальянскую экономику назад на целое десятилетие. По оценкам, кризис в Италии был на 75% импортированным.

Антикризисные меры правительства Италии в 2008 г. были аналогичны тем, которые проводили другие страны ЕС – бюджетная экономия, рекапитализация банков, поддержка ликвидности, гарантирование вкладов. Особое внимание было уделено малому бизнесу. Декреты 2009 г. делали больший упор на стимулирование совокупного спроса и облегчении налогообложения предприятий. В частности, стимулировался вывод из употребления автомашин старых моделей путем дотирования покупки новых, экологически более чистых. Учитывая наличие крупного бюджетного дефицита и огромного государственного долга, Италия могла вводить лишь нейтральные для бюджета, т.е. компенсируемые поступлениями стимулирующие меры. Совокупный объем этого вмешательства был скромнее, чем у большинства ведущих стран. В 2009 г. 38% средств было направлено на поддержку предпринимательства в виде дополнительных кредитов и субсидий, 23% – в инвестиции в инфраструктуру, 20% – на поддержку доходов населения, 19% – на затраты, связанные с политикой на рынке труда. Антикризисные меры правительства подверглись критике из-за способа их проведения: низкой транспарентности (по рекапитализации банков), низкой эффективности (в отношении поддержки предпринимательства) и социальной несправедливости (в плане сокращения бюджетных расходов). Главными жертвами бюджетной экономии стали государственные служащие, университеты и региональные бюджеты.

Важнейшим фактором развития мирового кризиса стал долговой кризис зоны евро, особенно ее южноевропейской периферии. Этот кризис начался весной 2010 г. (см. выше). В Италии государственный долг увеличился с 106,3% ВВП в 2008 г. до 127% в 2012 г. В абсолютном выражении суверенный долг Италии оказался на третьем месте в мире, после японского и американского. По мнению зарубежных инвесторов, затяжная депрессия в экономике ставила под сомнение способность страны обслуживать свою текущую задолженность. В отличие от малых стран европейской периферии (Греции, Ирландии и Португалии) Италия была слишком крупным объектом для спасательных операций. В середине ноября 2011 г. к власти пришел «технический» кабинет М. Монти, задачей которого стало безотлагательное проведение реформ: стабилизация финансового положения и создание условий для возобновления экономического роста¹⁷.

Финансовый и экономический кризис в Испании оказался самым масштабным, глубоким и продолжительным за всю историю испанского капитализма. Пик кризисного падения пришелся на 2009 г. и составил 3,8% ВВП. Последовавший

¹⁷ Подробнее см. «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 67-78.

вслед за этим пятилетний экономический спад носил неустойчивый характер. Факторами негативного воздействия на прирост ВВП явились отрицательные темпы роста как личного, так и государственного потребления (в течение 2008-2012 гг. на 13%), а также инвестиций. Объем промышленного производства за 2007-2011 гг. упал более чем на треть. С особой силой экономический кризис сказался на жилищном строительстве (сокращение на 80%). Тяжелым следствием экономического спада стало резкое увеличение банкротств. Государственный долг Испании вырос с 40,2% ВВП в 2008 г. до 86% в 2012 г. Резко увеличился и бюджетный дефицит – примерно до 10% ВВП. Безработица выросла с 8,3% в 2007 г. до 25% в 2012 г. Единственный положительный фактор – экспорт товаров и услуг, доля которого в ВВП выросла с 24% в 2009 г. до 32% в 2012 г. Это привело к улучшению сальдо торгового баланса.

Уже в конце 2007 г. была запущена программа чрезвычайных антикризисных мер, которая в мае 2009 г. была включена в План стимулирования экономики и занятости (так называемый «план И»), который представлял собой беспрецедентную программу стимулирования внутреннего спроса, занятости и деловой активности с выделением значительных бюджетных ассигнований. Самые значительные средства (только в 2009 г. 100 млрд евро) были брошены на обеспечение финансовой стабильности частной банковской системы. С целью сохранения доверия населения к финансовым институтам были созданы два фонда. К началу 2012 г. в результате процесса централизации число сберегательных касс в Испании сократилось с 45 до 11. Согласно «Плану И» на 2008-2009 гг. только за счет «налоговых каникул» и дополнительных налоговых льгот малые и средние компании получили 46 млрд евро в форме облегченного доступа к кредитным ресурсам. В целом «План И» не привел к ожидаемым результатам по выходу страны из кризиса.

Значительную поддержку со стороны государства получили и отдельные отрасли промышленности, в первую очередь автомобильная. Два плана с бюджетами в 1,8 млрд евро предусматривали налоговые льготы и финансовую поддержку при покупке нового автомобиля или автобуса взамен старого со сроками эксплуатации от 10 лет и выше. В феврале 2009 г. оба этих плана стали частью Интегрированного плана развития автомобильного и железнодорожного транспорта с общим объемом ассигнований 4 млрд евро.

В июле 2012 г. правительство Испании приняло «Программу стабилизации и роста на 2012-2015 гг.», представляющую собой полный пакет антикризисных мер. Была повышена ставка налога на добавленную стоимость, сокращена зарплата чиновников и служащих, снижен ряд социальных выплат, в том числе размер пособий по безработице. В июле 2012 г. была достигнута договоренность между правительством Испании, Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ о предоставлении Испании помощи в размере 100 млрд евро на реструктуризацию и рекапитализацию банковской системы¹⁸.

В Португалии с наступлением кризиса на первый план выдвинулась задача удержать от банкротства национальные предприятия, стабилизировать финансовый рынок, затормозить рост безработицы. Одной из первых мер было сокращение вдвое ставки налога на малый бизнес. Пытаясь поддержать деловую активность, правительство сокращало налоги и увеличивало расходы, что вело к быстрому росту бюджетного дефицита. В итоге государственный долг, не превышавший 8% ВВП в 1990-х годах, вырос к 2011 г. до 97%.

Поскольку банковская система Португалии почти не участвовала в международных финансовых спекуляциях, она оказалась относительно устойчивой.

¹⁸ Подробнее см. «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 79-95.

Однако слабость конкурентных позиций португальской промышленности в сочетании с бюджетным дефицитом и низкими темпами роста экономики потребовала финансовой поддержки ЕС (см. выше). Долговая ситуация лежала в самой структуре и характере специализации экономики Португалии. К числу ее фундаментальных слабостей относятся невысокая конкурентоспособность (основу промышленности страны составляют 330 тыс. малых и средних предприятий, из которых только 5% ведут экспортные операции), негибкость рынка труда, отставание в области образования и подготовки кадров, низкие темпы роста производительности труда, избыточное государственное регулирование. Согласованная с ЕС и МВФ программа структурных реформ включала более широкую сферу действий, чем антикризисные соглашения с Грецией и Ирландией – от реформы правовой системы до вопросов, связанных с содержанием вооруженных сил. Среди главных мер экономии в бюджетной политике – ограничение дорожного строительства и резкое снижение расходов на содержание административного аппарата. На рынке труда – это постепенное сведение к нулю размеров компенсации при увольнении постоянных работников, что должно сделать этот рынок более гибким. В качестве неизбежного следствия предстоявших реформ ожидалась как минимум двухлетняя рецессия¹⁹.

Особое внимание было уделено Греции, где антикризисные меры вызвали радикальный пересмотр социально-экономической модели. Глубокий экономический кризис был дополнен по существу крахом системы государственных финансов. Неолиберальная политика страны вызвала серьезные социальные последствия и в 2012 г. привела к краху прежней партийно-политической системы. Согласно оценке результатов этой политики, показатели страны по большинству макроэкономических показателей (включая финансовую статистику государства) ухудшились по сравнению с предкризисным периодом. Однако благодаря давлению со стороны властей ЕС, Греция наконец начала проводить долгожданные реформы не только в планировании бюджета, но и в таких областях, как трудовое законодательство, социальное страхование, здравоохранение и образование (подробнее см. главу 5).

Страны Центральной и Восточной Европы, демонстрировавшие с начала 2000-х годов впечатляющий экономический рост и повышение благосостояния населения, сильно пострадали от мирового финансового и экономического кризиса. Экономический спад в регионе оказался глубже по сравнению с большинством других регионов, а в некоторых странах ЦВЕ его масштабы были даже больше, чем во время трансформационного спада начала 1990-х годов, со всеми вытекающими последствиями для занятости и доходов населения.

В числе причин высокой уязвимости экономики региона к внешним шокам привели крупные макроэкономические диспропорции в докризисные годы (низкий уровень национальных сбережений, что привело в условиях наращивания инвестиций к существенному дефициту платежного баланса и значительному увеличению внешнего долга еще до кризиса) и сверхвысокая открытость экономики большинства стран и их глубокая зависимость от Западной Европы. Резкое снижение притока прямых иностранных инвестиций стало следствием утраты доверия инвесторов к региону из-за сильной несбалансированности его экономики. Отсутствие доступа к кредитам привело к глубокому инвестиционному спаду в регионе и снижению потребления населения.

Сила ударов кризиса была неодинаковой. От падения внешнего спроса больше других пострадали Словакия, Венгрия, Чехия и Словения – страны с самой высокой в регионе экспортной зависимостью экономики и концентрацией экспортного производства в созданных иностранными инвесторами автомобильной и

¹⁹ Подробнее см. А. Авилова. Португалия: правый поворот / Год планеты. Экономика, политика, безопасность. Выпуск 2011 года. – М.: Идея-Пресс, 2011, с. 375-380.

электротехнической промышленности, наиболее затронутых кризисом. Наибольшие проблемы из-за остановки притока капитала возникли у стран с плохими макроэкономическими балансами – Венгрии, стран Балтии и Юго-Восточной Европы. Самой защищенной от удара мирового кризиса оказалась относительно хорошо сбалансированная и менее интегрированная в европейский рынок экономика Польши, которая не погружалась в рецессию даже на короткое время.

Антикризисная политика в странах ЦВЕ, в отличие от многих других стран, почти не содержала бюджетных стимулов из-за недостатка денег у правительств. Хронические дефициты государственных бюджетов, которыми страдали все страны ЦВЕ, кроме Болгарии, с началом кризиса резко выросли (в большинстве случаев до 6-9% ВВП) вследствие падения бюджетных доходов из-за больших потерь в производстве ВВП и во внешней торговле при одновременном увеличении расходов (в том числе на выплату пособий возросшему числу безработных), что повлекло за собой рост государственного долга. В этих условиях правительства отдали приоритет не поддержке экономики, а бюджетной консолидации.

В 2010-2011 гг., вслед за оживлением мировой экономики и торговли, в большинстве стран ЦВЕ возобновился экономический рост, однако регион показал один из самых слабых результатов восстановления экономики в мире: его ВВП увеличивался всего на 2-3% в год. При этом динамика в странах оставалась неравномерной и даже разнонаправленной. Например, в Словении небольшое оживление экономики отмечалось только в 2010 г., после чего вновь началась рецессия, а Хорватии не удалось остановить сокращение ВВП даже на время.

Медленное восстановление экономики не позволило справиться с обострившимися проблемами на рынке труда: уровень безработицы, пик которой пришелся в регионе на начало 2010 г., остался во всех странах значительно выше, чем был до кризиса (от 7 до 32%). Особенно остро стояла проблема занятости молодых людей – среди них в регионе не имел работы каждый третий.

Слабая или отрицательная динамика экономика большинства стран ЦВЕ объяснялась тем, что единственным ощутимым стимулом экономического роста остался внешний спрос. Восстановление внутреннего спроса не наметилось ни в части инвестиций, ни в части личного потребления. Важной причиной слабого кредитования было то, что западноевропейские банки практически не увеличили объема операций в регионе. С прямыми иностранными инвестициями дела обстояли еще хуже. Росту внутреннего спроса препятствовала и проводимая политика жесткой бюджетной экономии и улучшения платежных балансов в результате сокращения импорта для производства и потребления. Однако эти усилия не остановили роста государственной задолженности, поскольку в условиях сокращения государственных доходов правительства были вынуждены прибегать к новым заимствованиям.

Начавшаяся повторная экономическая рецессия в еврозоне обернулась для стран ЦВЕ резким замедлением и даже остановкой роста экспорта. В итоге в 2012-2013 гг. в Венгрии, Словении, Хорватии и Чехии вновь отмечалось сокращение ВВП, а экономика большинства других стран, включая ранее наиболее успешную Польшу, пришла в состояние стагнации²⁰.

Влияние мирового финансового и экономического кризиса на Чешскую Республику оказалось не столь драматичным. В 2008 г. ВВП страны увеличился на 2,6%, а в 2009 г. произошло его падение на 4,8%, обусловленное прежде всего снижением экспорта и личного потребления. Кризис сопровождался повышением инфляции и безработицы. В последующие несколько лет страна так и не вышла на

²⁰ Подробнее см. «Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Том 2 / Отв. ред. И.С. Семененко – М.: ИМЭМО РАН, 2014, с. 315-318.

предкризисный уровень (в 2012 и 2013 гг. ВВП вновь сокращался). Лишь в 2014-2015 гг. произошел возврат к докризисным показателям.

Антикризисные меры были приняты осенью 2008 г. и включили мероприятия по поддержанию стабильности бюджета. Была снижена ставка налога на прибыль для юридических лиц, что компенсировалось для бюджета снижением обязательных социальных расходов. Были увеличены гарантии по кредитам для малых и средних предприятий, зарплата в бюджетном секторе, инвестиции в НИОКР и в транспортную инфраструктуру. В январе 2009 г. был принят очередной пакет антикризисных мер, Его основные усилия была направлены на улучшение бюджетного баланса. Следующий пакет мер, названный «Национальным антикризисным планом», был представлен в феврале 2009 г. и нацелен на те же самые области, которые чешское правительство выделило как ключевые с самого начала кризиса. Всего для реализации этих мер потребовалось 41,5 млрд чешских крон (около 1,5 млрд евро), что составляет 1,1% ВВП Чехии. Все эти меры вступили в силу с июля 2009 г. Тем самым в условиях кризиса правительство сделало ставку на фискальные меры и повторило выбор ряда других стран²¹.

Большая устойчивость чешской экономики была обусловлена запасом экономической прочности, который был достигнут в предшествующие годы. В то же время кризис показал некоторые перекосы в развитии страны, к которым можно отнести чрезмерную ориентированность на экспорт (который составляет примерно 80% ВВП и свыше 80% которого идет в ЕС) и зависимость от иностранных инвестиций, а также наличием в качестве основного партнера Германии. Поэтому во время кризиса сильнее всего пострадали внешняя торговля (объем экспорта в 2009 г. сократился на 15%), промышленность (сокращение составило 14,8%, особенно сильно сократилось производство машин и оборудования и металлургия – на 28%) и прямые иностранные инвестиции (они сократились более чем наполовину). В 2009 г. дефицит государственного бюджета составил 4,9% ВВП.

Ухудшение экономической ситуации в стране поставило вопрос о поиске дополнительных источников доходов государственного бюджета. В 2008-2010 гг. в Чехии была проведена радикальная реформа налоговой системы, которая принципиально изменила приоритеты налоговой политики: переход от прогрессивной к плоской шкале налога на доходы физических лиц; особый порядок исчисления налоговой базы по налогу на прибыль для индивидуальных предпринимателей; установление «порогового значения» доходов для исчисления платежей на социальное страхование; усиление фискальной функции налогов в сфере потребления (повышение НДС, акцизных ставок, местных налогов и сборов.

Меньше всего кризис 2008-2009 гг. затронул банковский сектор экономики Чехии. Несмотря на то, что 97% банков находились в иностранной собственности, их зависимость от внешних факторов была низкой: основная часть кредитов выдавалась резидентам страны преимущественно в национальной валюте. Поэтому кризис прошел достаточно безболезненно для чешских банков.

В Болгарии практически до конца 2008 г. влияние кризиса в стране было сравнительно слабым. Особенно это касалось финансовой системы. Причиной этому послужила общая отсталость болгарской экономики и ее слабая интегрированность в мировую финансовую систему. На Западе кризис начался с инвестиционных банков, но в Болгарии их нет, а связи коммерческих банков с иностранными финансовыми институтами всегда были достаточно слабыми. Влияние кризиса на болгарские банки выразилось в ограничении поступления из-за

²¹ Подробнее см. «Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова и Е.С. Хесина. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. с. 153-156.

рубежа кредитов и повышении ставок по иностранным кредитам. И все же под ударом кризиса обрушились многие крупные банки, пенсионные фонды, страховые компании. Сильный удар пришелся на Болгарскую фондовую биржу.

В целом влияние на болгарскую экономику оказало снижение внешнего спроса и притока иностранного капитала. Кризис проявился в глубоком спаде промышленного производства на 14% и ВВП на 4,9% в 2009 г. Резко снизился объем машиностроения, химической промышленности и строительства, в которые до кризиса было вложено много иностранного капитала. За годы кризиса внешний долг государства, включая государственные гарантии, увеличился незначительно (с 3,9 млрд евро в 2008 г. до 4,28 млрд евро к концу 2010 г.), составив 11,9% ВВП и оставаясь значительно ниже Маастрихтских критериев. Усилился отток населения, преимущественно молодого.

Болгария была одной из немногих стран, которые не стали стимулировать рост своей экономики, и сократила государственные расходы. В марте 2010 г. правительство Болгарии приняло пакет мер для поддержки занятости, домашних хозяйств и бизнеса. Антикризисный пакет предполагал использование 1,6 млрд левов бюджетных средств. Приоритетом стало обеспечение стабильности государственного бюджета. Основными инструментами правительства Болгарии по выходу из кризиса стали уменьшение государственных расходов, поощрение занятости и осуществление благоприятной для болгарских и иностранных инвесторов налоговой политики. Были увеличены финансовые резервы государства для борьбы с возможными шоками. Для поддержки конкурентоспособности болгарских предприятий государство осуществило безвозмездную финансовую помощь более чем 600 предприятий на сумму 741,7 млн левов. Вместе с тем восстановление экономики проходит медленно.

В отличие от западных стран ЕС Болгария не использовала инструментов помощи кредитным институтам, а банковский сектор не прибегал к финансовой помощи государства и поддерживал государственный бюджет, покупая государственные ценные бумаги.

Страны Балтии очень сильно пострадали в ходе мирового экономического кризиса 2008-2009 гг. Особенно важным был тот факт, что правительства стран Балтии оказались совершенно не готовы действовать в кризисных условиях. В странах Балтии экономическая ситуация определялась политикой экономических кругов северных стран и наднациональных органов ЕС, Ни национальные правительства, ни Еврокомиссия не проводили надлежащие меры. Противодействие процессу кризиса происходило без какой-либо программы и стало синтезом национальных мер, деятельности иностранного капитала и антикризисных директив ЕС. В результате вся тяжесть кризиса была переложена на население балтийских государств (подробнее см. главу 6).

Страны Балтии, которых после вступления в ЕС в 2004 г. стали называть «Балтийскими тиграми», пошли путем внешних заимствований, причем Латвия еще в конце 2008 г. договорилась с ЕС, международными организациями (МВФ, ЕБРР, Всемирный банк) и странами-донорами (Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, Чехия, Польша, Эстония) о предоставлении кредитов в размере 7,5 млрд долл. под обязательства о структурном реформировании экономики за счет увеличения налогов и сокращения бюджетных расходов, в особенности на социальную сферу. Литва и Эстония старались обойтись без политически обязывающих кредитов, пытаясь решить проблему растущего дефицита бюджета путем снижения его расходной части, увеличения налогов, сокращения социальных расходов и заимствований на рынке. За 2009 г. в Литве государственный долг международным организациям вырос в 9,5 раз.

Политика государственных заимствований была направлена на поддержание макроэкономической стабильности, а не на смягчение последствий кризиса для населения. Это вызвало широкий рост недовольства в обществе, которому правительства стран Балтии могли предложить лишь дальнейшее ожидание помощи извне и обещание нормализации после вступления в еврозону. Правительства пошли на сокращение зарплат, повышение безработицы, что вызвало рост эмиграции в страны ЕС, и увеличение налогового бремени. При этом добиться соответствия Маастрихтскому критерию по бюджету удалось лишь Эстонии.

Во всех странах Балтии острым дискуссионным вопросом являлось вступление в зону евро, которое их лидеры рассматривали как панацею от всех экономических бед. Основные надежды связывались в случае введения евро с ростом доверия, а, значит, и инвестиционной привлекательности экономик стран.

По мнению большинства зарубежных экспертов, выйти из кризиса странам Балтии, в особенности Латвии и Литве, помогла политика жесткой экономии. Кризис в странах Балтии оказался наиболее глубоким среди стран ЕС. Суммарное падение ВВП Эстонии только за 2008-2009 гг. составило 18,3%. Уровень безработицы вырос с 4,7% до 19% в 2010 г. Средняя заработная плата сократилась на 10-20%. Эстонский экспорт сократился на 25%. Стоимость цены на недвижимость снизилась на 40%. В Эстонии, как имеющей лучшие экономические показатели и наиболее развитые институты среди трех стран, больший упор был сделан на либерализации рынка с целью повышения конкурентоспособности экономики. При этом был повышен пенсионный возраст и урезаны зарплаты в государственном секторе. Иностранные наблюдатели считают, что Эстония представляет собой пример успешного выхода из финансового кризиса (это единственная страна еврозоны с положительным сальдо государственного бюджета).

Представляется интересным, что в соответствии с докладом Европейской счетной палаты об эффективности работы Европейской комиссии в пяти наиболее пострадавших от кризиса странах, на процесс выхода из кризиса мог благоприятно повлиять теневой сектор экономики, который особенно силен в Латвии. В докладе говорится о том, что в частном секторе зарплата сотрудников снизилась минимально.

Несмотря на критику непопулярных антикризисных мер, агентство Bloomberg в 2011 г. отметило, что мероприятия по экономии государственных средств и сокращению расходов, предпринятые странами Балтии, являются примером борьбы с кризисными явлениями в экономике для таких стран, как Греция, Испания, Португалия и Ирландия.

Значительные попытки преодолеть экономический кризис предпринимались путем принятия решений на наднациональном уровне в рамках Евросоюза. Латвия оказалась на грани банкротства, что вынудило правительство страны обратиться в ЕС за финансовой помощью. В 2009 г. Совет ЕС на уровне Совета министров финансов принял решение предоставить Латвии кредит на общую сумму 3,1 млрд евро в качестве помощи в преодолении финансового кризиса. Латвии также был предоставлен кредит от Европейского банка реконструкции и развития, который выплачивался стране ежегодно вплоть до 2011 г. К 2014 г. правительству Латвии удалось вывести страну из кризиса во многом благодаря кредитам и финансовой помощи со стороны Евросоюза. В отличие от Латвии, Литва встретила финансово-экономический кризис с уже имевшимся у нее накопленным резервным фондом, в который поступали дотационные средства из ЕС. Эстония стала получать помощь от ЕС после вступления в еврозону. Практически все программы по преодолению последствий кризиса были спонсированы из структурных фондов ЕС. Страны Балтии получали дотации из фондов ЕС в объеме примерно 20% бюджета.

Глава 2. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

До финансового и экономического кризиса экономика Великобритании на протяжении целого ряда лет характеризовалась стабильным ростом и низкими темпами инфляции. Разразившийся более 8 лет назад кризис в полной мере затронул Великобританию и резко изменил экономическую ситуацию в стране. Рецессия быстро распространилась практически на все отрасли национального хозяйства и оказалась довольно продолжительной. Уже к концу 2008 г. было зафиксировано значительное падение ВВП, которое продолжилось и в 2009 г., достигнув 6.3%. В 2010 г. произошло некоторое улучшение макроэкономических показателей, но в целом они все еще были не сопоставимы с предкризисными.²²

Как и в других развитых странах мира, в Великобритании серьезно пострадала банковская система: в разгар кризиса многие банки страны оказались на грани банкротства. Чтобы удержаться на плаву, они были вынуждены пойти на массовые сокращения штатов и изменение условий кредитования, что, в свою очередь, негативно отразилось на производственном секторе и повлекло за собой спад в экспорте и импорте товаров и услуг.

В сфере занятости сложилась крайне тяжелая ситуация, характеризовавшаяся стремительным ростом безработицы. При этом многие жители Великобритании, потеряв работу, продолжали нести бремя погашения ранее взятых кредитов, но из-за банковского кризиса утратили возможность относительно дешевого перекредитования для выплат ближайших долгов, а ситуация на рынке недвижимости не позволяла им использовать собственное жилье в качестве залога для получения наличных денег. Как следствие, увеличилось число персональных банкротств. Снижение покупательной способности и радикальный пересмотр приоритетов в расходах потребителей весьма отрицательно сказались на розничной торговле, приведя к банкротству множество мелких и средних компаний в этой отрасли.

Вместе с тем распространение в Великобритании кризисных явлений способствовало разработке новых и существенной коррекции прежних стратегических планов экономического развития страны, поскольку высветило структурные и функциональные недостатки британской экономики.

В то время как другие страны повышали конкурентоспособность своей экономики за счет снижения ставок налогообложения бизнеса, устранения барьеров для предпринимателей, финансирования масштабных инфраструктурных проектов, совершенствования системы образования и профессиональной подготовки, стимулирования капиталовложений в различные сектора экономики, и, как следствие, наращивали экспорт, в Великобритании преобладающими оставались иные тенденции. Качество образования среди школьников, являющееся фундаментом будущего экономического успеха, по сравнению с другими странами постепенно снижалось.росло число работников, не обладающих соответствующими навыками и знаниями, что, с одной стороны, создавало препятствия для их успешного трудоустройства, а с другой – затрудняло процесс планирования будущих инвестиций в расширение бизнеса и в создание новых рабочих мест. Одновременно с каждым годом становились все более непреодолимыми барьеры, препятствующие созданию новых, прежде всего малых и средних компаний, их выходу на рынок и закреплению на нем. Улучшению и развитию инфраструктуры также уделялось недостаточное внимание и

²² Office for National Statistics. Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/office-for-nationalstatistics> (accessed 07.09.2014).

финансирование. Несмотря на продолжавшийся формальный экономический рост, еще до наступления кризиса отмечалось постепенное падение конкурентоспособности экономики страны. Увеличился корпоративный налог. Великобритания начала сдавать свои традиционно крепкие позиции в сфере образования. Как следствие, страна стала в глазах инвесторов утрачивать привлекательность как место ведения бизнеса. Таким образом, структурный кризис в экономике Британии начался задолго до финансового и экономического кризиса, который всего лишь высветил давно зреющие внутренние экономические противоречия и стал катализатором еще более глубоких потрясений. Страна уже достаточно длительное время жила в долг, потребление превышало производство, инвестиции – сбережения, импорт – экспорт, усиливались диспропорции в экономике, рост ВВП достигался лишь за счет ограниченного числа секторов, что подтверждает проведенный статистический анализ данных FT500 Global по капитализации 25-ти крупнейших британских, немецких, французских, американских и японских компаний.

Такой статистический анализ позволяет выявить специфику крупного бизнеса в разных странах. В США и Японии отмечается более равномерное отраслевое распределение капитала среди компаний, входящих в число 25 крупнейших. В США большой процент от совокупной рыночной капитализации этих компаний приходится на средне- и высокотехнологичные производства (35,7%) и сектор нефинансовых услуг (21,1 %). Традиционно высокий процент от совокупной капитализации в средне- и высокотехнологичном производстве выявлен в Германии (55,6%) и Японии (43,8%). Во Франции значимое место в экономике занимают такие отрасли, как добывающая промышленность (15,5%) и финансовые услуги (15,4%), однако и число фирм, занятых в этих отраслях, и их совокупная рыночная стоимость существенно меньше, чем в Великобритании. Также во Франции большая доля в совокупной капитализации 25 крупнейших компаний страны приходится на фирмы, действующие в средне- и высокотехнологичных отраслях (24,9%) и прочей обрабатывающей промышленности (35%).

Среди 25 крупнейших по капитализации британских компаний, попавших в список FT500 Global, 7 компаний относятся к добывающей отрасли, и на них приходится 37,3% от совокупной рыночной капитализации всех рассматриваемых британских компаний. Из этих семи компаний 3 являются нефтегазовыми и 4 – горнодобывающими. Но несмотря на то, что нефтегазовых компаний меньше по численности, их суммарная рыночная капитализация превосходит капитализацию горнодобывающих компаний. Таким образом, на компании, работающие в нефтегазовой отрасли, приходится больше половины от общей рыночной капитализации добывающих отраслей, что свидетельствует о большей степени концентрации финансовых ресурсов в ней.

Доля сферы услуг в ВВП Великобритании колеблется в районе 70%. Среди 25 крупнейших компаний сфера услуг занимает второе место после добывающей отрасли по процентной доле от их общей суммарной рыночной капитализации, что несколько не преуменьшает ее значимости. Сфера услуг уступает добывающей отрасли из-за особенностей ведения бизнеса в данном секторе. В отличие от добывающей отрасли, впрочем, как и банков, где успешность компании зачастую зависит от ее размеров и капитализации, сфера нефинансовых услуг имеет несколько иную специфику, не требующую укрупнения бизнеса. Проведенный анализ 25 крупнейших компаний наглядно показывает, что рыночная капитализация финансовых компаний значительно выше, чем тех, что заняты в нефинансовом секторе. В список 25 крупнейших попали 9 компаний, работающих в сфере услуг, из которых 4 компании относятся к сектору нефинансовых услуг, а 5 занимаются

банковским делом и страхованием. Суммарная капитализация компаний из сферы услуг составляет 34,4 % от общего значения, но на долю компаний, предоставляющих нефинансовые услуги, приходится 14,4%, а на долю финансовых – 20,4%.²³

Вышеприведенные показатели свидетельствуют о высоком уровне «финанциализации» британской экономики и, одновременно, о значимости добывающей отрасли. В то же время средне- и высокотехнологичные отрасли производства, равно как и сектор нефинансовых услуг в процентном соотношении занимают последние позиции. Очевидно, что такая отраслевая структура не может способствовать рациональному и продуктивному функционированию экономической системы. И хотя по списку 25 компаний сложно судить о структурных особенностях экономики в целом, анализ крупнейших по капитализации компаний, аккумулирующих вокруг себя значительную часть ограниченных ресурсов, позволяет судить об основных тенденциях в направлении изменений структуры экономики.

Высокий уровень капитализации добывающей отрасли стал следствием «голландской болезни», когда после обнаружения нефтегазовых ресурсов на территории Соединенного Королевства в их добычу было вложено колоссальное количество средств. Впоследствии это могло стать и результатом переоценки значимости данной отрасли в экономике, отодвигая на второй план не менее важные для ее стратегического развития отрасли. Такое распределение в отраслевой структуре, несомненно, ведет не только к быстрому увеличению доходов, но и к ряду негативных последствий для будущего экономики.

Рост британской экономики в докризисный период отчасти был обусловлен увеличением производства в добывающих отраслях, в первую очередь, в нефтегазовой, несмотря на сокращение в последнее десятилетие природных запасов. В соответствии с оценками экспертов, уровень добычи в дальнейшем будет снижаться, результатом чего станет некоторое давление на темпы роста ВВП в сторону понижения.

Приблизительно такая же ситуация складывалась и в финансовом секторе. Стремительный рост финансовой структуры (финансово-кредитной сферы, фондового рынка) привлек массивные капиталовложения в эту отрасль, которая в Британии развивалась и укоренялась значительно лучше, чем во многих других странах, в силу геополитических и экономических особенностей. Достаточно вспомнить особую роль лондонского Сити. Высокие темпы роста нематериального производства стали причиной нарастающей деиндустриализации экономики. Сфера услуг и особенно финансовый сектор в процессе развития и укрупнения хозяйствующих субъектов оттягивали на себя значительную часть капитала, по сути, отбирая его у производственных отраслей. Материальное производство не получало должного финансирования из-за несбалансированного отраслевого распределения капитала и в течение достаточно долгого времени заметно отставало по темпам развития. Постоянно происходило последовательное снижение объемов промышленного производства, а предпринятые правительством меры по диверсификации производства не увенчались успехом. В условиях возрастающей «финанциализации экономики» продолжается процесс сдвига от производства товаров к производству финансовых услуг, при котором в совокупном конечном продукте уменьшается доля промышленного производства и увеличивается доля услуг. Положительное влияние на экономический рост финансовый сектор оказывает на ранних стадиях развития, но на определенном этапе его воздействие

²³ FT Global 500 2013: <http://www.ft.com/intl/indepth/ft500>

на экономику в целом может стать негативным, поскольку он начинает составлять сильную конкуренцию другим отраслям в условиях ограниченных финансовых и нефинансовых ресурсов.

Статус мирового финансового центра и высокая доля финансового сектора в условиях кризиса усугубили действие неблагоприятных внешних и внутренних факторов на экономику Великобритании, долгое время жившей не по средствам. Стремясь повысить конкурентоспособность лондонского Сити на мировых финансовых рынках, британское правительство в течение длительного времени последовательно ослабляло контроль над кредитной политикой банков и неэффективно использовало имеющиеся рычаги регулирования. В результате у банков еще до кризиса образовались большие объемы “плохих” и “сомнительных” долгов, а их собственные долги существенно превышали пределы разумного. Как следствие, в период острой фазы финансового кризиса, когда требовалось принятие быстрых и радикальных мер, государство оказалось не в состоянии своевременно и адекватно вмешаться в ситуацию.

В долгосрочной перспективе можно ожидать сохранения сильной зависимости британской экономики от внешних факторов, в том числе и негативного характера. Это обстоятельство обуславливается сохранением и усилением доминирующей роли финансового сектора и добывающих отраслей в промышленности Британии.

Решение задачи повышения доли средне- и высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности в экономике Британии осложняется сохраняющейся привлекательностью добывающего и финансового секторов экономики, которые по-прежнему способны оттягивать на себя основные потоки капиталовложений. Из 25 крупнейших британских компаний в отраслях средне- и высокотехнологичного производства оказались только 3 компании. Из этих компаний одна действует в аэрокосмической и оборонной промышленности, а две – в фармацевтике. В списке 500 крупнейших компаний мира в настоящее время отсутствуют компании, которые представляют британскую автомобильную промышленность. Все крупные компании в этой отрасли были поглощены ТНК из других стран. Так, например, Aston Martin, частная компания по производству автомобилей, была продана из-за финансовых трудностей еще в 1975 году североамериканским предпринимателям, но им не удалось наладить безубыточное производство, и в 1987 году американский концерн Ford выкупил 75% акций компании, а в 1993 г. получил над ней полный контроль. Bentley с 1998 года входит в состав германского концерна Volkswagen Group. Jaguar и Land Rover с 2008 года принадлежат индийской компании Tata Motors и т.д.²⁴

Выбранная страной модель экономического роста со временем доказала свою неустойчивость и привела к повышению уровня государственного долга и бюджетного дефицита. Постоянно росли государственные расходы на поддержание экономического роста, который на практике оказался нестабильным из-за несбалансированных между отраслями капитальных вложений, что привело к застою в значимых, но менее привлекательных с финансовой точки зрения отраслях экономики, и снижению их конкурентоспособности. Вследствие этого Британия оказалась слабо подготовлена к новым глобальным вызовам и быстрому решению проблем.

В условиях кризиса средства, выделенные правительством на финансовую поддержку отдельных регионов и отраслей Великобритании, быстро истощались, да и положительный эффект от их использования был невелик. Многие эксперты

²⁴ FT Global 500 2013: <http://www.ft.com/intl/indepth/ft500>

полагали, что спасение финансовой системы в прежнем виде бессмысленно и не приведет к стабилизации и росту экономики, а позволит лишь некоторое время удерживать ее на плаву. Для улучшения ситуации и возврата к росту страна должна сменить приоритеты в отраслевой структуре и, прежде всего, дефинанциализировать экономику. Для Великобритании как государства, имеющего статус мировой финансовой державы, где доходы от финансовой отрасли составляют значительную часть бюджета страны, такое решение будет очень непростым.

Тем не менее, становилось все более очевидным, что финансиализация и деиндустриализация экономики Великобритании снизили ее потенциал в противостоянии кризисным явлениям.²⁵ Вместе с тем правительство отчетливо понимало, что отказ от масштабной помощи сфере услуг (и, прежде всего, финансовому сектору) в разгар кризиса и падения практически всех социально-экономических показателей будет губителен для экономики страны, принимая во внимание чрезвычайно высокую долю этой сферы в ВВП и структуре занятости и ту роль, которую она играет в национальном хозяйстве и обществе в целом. Следовательно, первоочередными задачами британского правительства являлись поиск дополнительных средств в условиях заметного сокращения налоговых поступлений и стабилизация ситуации в банковском секторе.

По мере усиления влияния кризиса на финансовый сектор Британии банки стали с большей осторожностью оценивать реальную стоимость активов, находящихся на балансах их партнеров, и постепенно свели к минимуму их кредитование. Первыми под удар попали сравнительно небольшие банки, предоставлявшие кредиты своим клиентам за счет заимствования средств у других банков и с началом кризиса лишившиеся возможности получения кредитов на межбанковском рынке. Стремясь избежать паники и обвала в банковском секторе, правительство в сентябре 2008 г. национализировало два небольших банка – Northern Rock и Bradford & Bingley.²⁶ Однако проблемы в банковском секторе оказались гораздо более глубокими, и спасением двух банков их решить не удалось. Уже в октябре 2008 г. был национализирован ряд крупных банков, таких как Royal Bank of Scotland и Lloyds. К весне 2009 г. под контролем правительства оказалась уже половина банковской системы страны.²⁷ Спасение банковской системы привело к стремительному росту бюджетного дефицита и государственного долга, что в краткосрочном плане еще больше обострило экономическую ситуацию в стране, а в среднесрочной перспективе затормозило процесс выздоровления экономики и возвращения ее на траекторию роста.

После преодоления острой фазы банковского кризиса с помощью ряда неотложных мер, принимаемых «по ситуации», правительство Великобритании разработало и начало осуществлять долгосрочную антикризисную стратегию, в основе которой лежали сочетание жесткой финансовой и мягкой монетарной политики и структурные и институциональные преобразования в экономике. В рамках пакета антикризисных мер предусматривалось, в частности, сокращение дефицита бюджета и последующее постепенное снижение государственного долга до приемлемых значений. В целях экономии государственных средств был

²⁵ Хесин Е.С. Экономика Великобритании: угроза рецессии сохраняется. [Khesin E.S. Ekonomika Velikobritanii: ugroza retsessii sokhranyaetsya [UK Economy: the Threat of a Recession Remains]] Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2360#top (accessed 07.09.2014).

²⁶ <http://www.theguardian.com/business/2009/dec/15/northern-rock-split-management-teams/> 2009.15 December.

²⁷ UK Government interventions in the financial sector 2007 to 2015 22 May 2015

file:///C:/Users/GAV/Downloads/ukpublicsectorinterventionsinthefinancialsector22may15_tcm77-404993.pdf

предложен целый комплекс мер: сокращение бюджетов большинства министерств и ведомств; замораживание на несколько лет заработной платы госслужащих; отмена или уменьшение ряда пособий для различных категорий граждан и т.д. Большое значение придается также проведению пенсионной реформы, которая долгое время откладывалась²⁸.

Вместе с тем было очевидно, что такая политика ведет к падению платежеспособного спроса на внутреннем рынке и тормозит экономический рост. В этой связи для стимулирования реального сектора экономики, роста потребления и поддержки британского рынка долговых ценных бумаг в период, когда был произведен масштабный выпуск государственных облигаций, начала реализовываться программа количественного смягчения, направленная на наращивание денежной массы в стране.

Предполагалось, что программа количественного смягчения поможет достичь планового уровня инфляции и поддержать низкий уровень процентных ставок по государственным ценным бумагам, что, в свою очередь, побудит инвесторов вкладывать деньги в другие, более доходные ценные бумаги. В итоге, несмотря на то, что реализация этой программы была сопряжена с многочисленными рисками, с ее помощью правительству удалось стабилизировать рынок ценных бумаг в самый сложный период экономических потрясений в стране.

Кроме того, для оживления внешней торговли в 2008–2009 гг. планомерно ослаблялась национальная валюта. Это стало возможным благодаря тому, что Великобритания, не вошедшая в свое время в еврозону, сохранила за собой право проведения самостоятельной денежно-кредитной политики.²⁹

2013 год стал для экономики Британии переломным: страна начала выходить из депрессии, причем темпы роста оказались выше, чем прогнозировалось ранее. Положительные тенденции начали просматриваться в годовом исчислении. Наилучшие показатели продемонстрировал сектор услуг, причем не только финансовых и деловых, но и общественного питания и розничной торговли, гостиничного хозяйства и т.д. В промышленном производстве ситуация в годовом исчислении оказалась не столь благополучной, и его темпы роста не смогли достичь положительного значения. Безработица в Британии начала снижаться и к 2013 г. достигла 7,1%, что на 3,8% лучше аналогичного показателя в среднем по ЕС. Государственный долг Великобритании продолжал расти и составил 74,5% от ВВП.

В конце 2014 года в Великобритании ВВП на душу населения в реальном выражении оказался на 6,2% выше, чем минимальный показатель 2009 года. Основной рост, так же как и в 2013 г., наблюдался в сфере услуг. В отраслях строительного и промышленного производства достичь уровня 2008 г. пока не удалось, но динамика развития дает повод для оптимистических прогнозов. По мнению экспертов, экономика Великобритании стала одной из самой быстро растущих среди стран Большой семерки, хотя ряд стран смогли восстановиться от последствий кризиса гораздо быстрее: экономика Германии вернулась к докризисному уровню уже в 2010 г., а Франции и США – к 2011 г.³⁰

Согласно данным Национального бюро статистики (ONS), за 2015 год в целом рост ВВП Великобритании составил 2,2%.

²⁸ Джордж Осборн представил бюджет Британии на 2012 год. [George Osborne Presented a Budget of Britain in 2012 (In Russ.)] Available at:

http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2012/03/120321_uk_osborne_budget.shtml (accessed 07.09.2014).

²⁹ Финансовый портал ChangeCurrency.ru.: <http://changecurrency.ru/gbp-usd/>

³⁰ Key figures on Europe. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014:

<http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3930297/6309576/KS-EI-14-001-EN-N.pdf/4797faef-6250-4c65-b897-01c210c3242a>

Ситуация, скрывающаяся за общим показателем, не содержит ничего нового: промышленное производство развивается существенно более низкими темпами по сравнению со сферой услуг. ВВП теперь на 6,6% выше, чем минимальный показатель в 2008 г., но активность в строительном секторе ниже аналогичного показателя на 4,2%, а активность в производственной сфере – на 6,7%, отмечается в данных ONS. Между тем сектор услуг вырос на 11,6% по сравнению с уровнем 2008 года. В перспективе следствием такого дисбаланса могут стать замедление и неустойчивость общего экономического роста страны. Экономика Великобритании за 2015 год в целом выросла меньше, чем в 2014 году, когда ВВП увеличился на 2,9%. Однако ее развитие в 2015 году осталось устойчивым.³¹

Добившись стабилизации экономической ситуации и постепенного улучшения основных макроэкономических показателей, правительство начало переходить от неотложных антикризисных мер к долгосрочной программе модернизации экономики и решения структурных и институциональных проблем, обнажившихся в период кризиса. Особое внимание уделяется инновационному развитию и производству товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью. К числу приоритетных направлений, в частности, отнесены медицинские технологии, создание новых материалов, перспективная энергетика, биотехнологии, микро- и нанозлектроника. При финансовом содействии правительства создаются центры для развития высокотехнологичных отраслей, реализуется национальный план развития инфраструктуры. Большое внимание уделяется “зеленой” экономике. Предполагается, что совершенствование законодательства в области экологии усилит приток инвестиций в эту сферу. Особое внимание в новой программе обращено на совершенствование системы образования, рассматриваемой в качестве основы накопления и развития человеческого капитала. В целях увеличения занятости в частном секторе в регионах страны созданы зоны предпринимательства, где действуют пониженные ставки налогообложения, упрощены системы регулирования и правила ведения бизнеса. Большое значение придается поддержке малого и среднего бизнеса, для которого помимо снижения налоговых ставок были введены вычеты из налогооблагаемого дохода до 100% понесенных расходов на НИОКР. По мнению британских чиновников, эти меры позитивно отразятся на конкурентоспособности экономики страны, ускорят рост ВВП и приток иностранных инвестиций.³²

Для повышения эффективности банковской системы и минимизации рисков осуществляется комплекс мер по совершенствованию системы финансового регулирования. Кроме того, правительство проводит реструктуризацию крупных банков путем их раздробления и отделения розничных операций от остальных финансовых услуг.

Затяжной кризис зоны евро, дальнейшая ориентация ЕС на укрепление наднациональных механизмов и углубление интеграции в бюджетно-финансовой сфере, легальная и нелегальная миграция, выплата взносов в общие фонды ЕС подтолкнули Великобританию к реализации уже давно зреющей идеи ее выхода из Европейского союза. В июне 2016 года в Великобритании состоялся референдум по членству страны в ЕС, за выход проголосовали 51,9% британцев. Многие эксперты до конца не верили в подобное развитие событий и считали, что Великобритания вряд ли решится на такой шаг, так как страна, лишь недавно преодолевшая

³¹ Office for National Statistics. Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/office-for-nationalstatistics> (accessed 20.10.2014).

³² UK Balance of Payments, The Pink Book: 2016: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/unitedkingdombalanceofpayments/thepinkbook/2016>

серьезный финансово-экономический кризис и находящаяся на этапе проведения структурных преобразований в экономике, в случае выхода из ЕС создает себе новые труднопреодолимые проблемы, которые, несомненно, будут иметь неблагоприятные последствия в кратко- и, вероятно, среднесрочной перспективе.

Сразу после оглашения результатов референдума мировые рейтинговые агентства понизили суверенный рейтинг Великобритании. Например, международное рейтинговое агентство Standard & Poor's снизило долгосрочный кредитный рейтинг Великобритании в иностранной и национальной валютах с наивысшего "AAA" до "AA" с "негативным" прогнозом.³³ По мнению целого ряда аналитиков, исход референдума окажет негативное воздействие на рост ВВП Великобритании как минимум в краткосрочной перспективе. В частности, эксперты ОЭСР снизили ожидания в отношении экономического роста на 2017 г. с 2,1% до 1%.³⁴ Банк Англии также прогнозирует ускорение инфляции относительно целевого показателя в 2% в первой половине 2017 года. Стремясь добиться некоторой стабилизации положения и ослабить панические настроения среди инвесторов, Банк Англии в августе 2016 г. опустил базовую ставку с 0,5 до 0,25%.³⁵ Не исключено, что до конца года ему придется еще раз снизить процентную ставку, чтобы увеличить или хотя бы сохранить прежний уровень финансирования дефицита бюджета Великобритании за счет привлеченных средств.

Brexit спровоцировал среди инвесторов всплеск неуверенности в отношении перспектив роста и привлекательности британской экономики. Реакция международных инвесторов и финансистов на Brexit привела к падению курса фунта стерлингов до отметки 1,37 доллара, что является новым минимумом за период, превышающий 30 лет.

Дальнейшие последствия для экономики Британии будут зависеть, среди прочего, от переговоров между ЕС и Великобританией по поводу сохранения и степени присутствия этой страны в Европейском экономическом пространстве и способности правительства адекватно заполнить многочисленные пробелы политического и экономического свойства, которые возникнут после выхода из ЕС.

На сегодняшний день самым важным торговым партнером Великобритании является ЕС. В 2015 г. на его долю приходилось 44% экспорта британских товаров и услуг (222 млрд ф. ст.) и 53% импорта (291 млрд ф. ст.). Великобритания импортирует больше товаров и услуг из ЕС, чем экспортирует в него: в 2015 г. ее дефицит в торговле товарами и услугами с ЕС достигал 69 млрд ф. ст., в то время как сальдо торговли со странами, не входящими в ЕС, было положительным и равнялось 30 млрд ф. ст. Вместе с тем, с начала XXI века торговля Великобритании с Евросоюзом относительно ее торговли с другими регионами мира медленно сокращалась: доля экспорта, приходящегося на ЕС, в ее совокупном экспорте снизилась с 55% в 2002 г. до 44% в 2015 г., а доля импорта из ЕС в ее совокупном импорте упала с 58% в 2002 г. до 50% в 2011 г., но затем несколько возросла (до 53%) в 2015 г.³⁶ Развитие торговых отношений Великобритании с ЕС в новых условиях будет в значительной мере определяться результатами переговоров с ЕС о ее статусе. В настоящее время вероятным представляется довольно широкий спектр вариантов взаимоотношений Великобритании с ЕС: от членства страны в Европейской экономической зоне (ЕЭЗ) до получения в ЕС статуса «третьей

³³ <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/30/eus-credit-rating-downgraded-after-uks-vote-to-leave>

³⁴ <https://www.oecd.org/eco/outlook/OECD-Interim-Economic-Outlook-September-2016-handout.pdf>

³⁵ Inflation Report Bank of England. November 2016

<http://www.bankofengland.co.uk/publications/Documents/inflationreport/2016/nov.pdf>

³⁶ <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/unitedkingdombalanceofpayments> thepinkbook/2016

страны» и регулирования взаимной торговли унифицированными принципами и правилами Всемирной торговой организации (ВТО). Вариант вхождения в ЕЭЗ технически близок к членству в ЕС и позволит Великобритании в основном сохранить доступ к единому рынку Евросоюза, однако при реализации этого варианта британцам придется согласиться с принципами свободного трансграничного перемещения товаров и услуг, капитала и трудовых ресурсов, а также платить взносы в бюджет ЕС, причем Великобритания уже будет не в состоянии оказывать прямое влияние на выработку Комиссией ЕС норм, правил и регламентов. Если же итогом переговоров с ЕС станет признание Британии «третьей страной», то произойдут наиболее масштабные изменения в текущих отношениях Великобритании с ЕС: у Великобритании отпадет необходимость соблюдать принципы свободного трансграничного перемещения товаров и услуг, капиталов и трудовых ресурсов и платить взносы в бюджет ЕС, а торговля между ЕС и Великобританией будет регулироваться традиционными мерами тарифного и нетарифного контроля.

Кроме воздействия на торговлю, выход Великобритании из ЕС в долгосрочной перспективе, вероятно, затронет потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ), британские взносы в бюджет ЕС, иммиграционный процесс и рынок труда и т.д.

Степень влияния на приток и отток ПИИ в настоящее время представляется неопределенной, поскольку потоки капитала в Британию и из нее находятся под воздействием разнообразных факторов. Доступ к единому рынку является важным для инвесторов мотивом, но далеко не единственным. Великобритания в состоянии ввести на своей территории дополнительные льготы для иностранных инвесторов и этим отчасти компенсировать эффекты от выхода из ЕС.

Поскольку выход из ЕС является процессом, а не одномоментным актом, Великобритания продолжит платить взносы в бюджет ЕС до тех пор, пока она формально и юридически остается членом Евросоюза. Вклад Великобритании в бюджет ЕС в 2015 г. составил порядка 8,5 млрд ф.ст., что составляет около 1% от общего объема государственных расходов и эквивалентно 0,5% ВВП³⁷. В дальнейшем взносы будут зависеть от конкретных договоренностей Великобритании с ЕС, определяющих ее статус относительно Евросоюза после выхода. Если Великобритания сохранит свое место в ЕЭП, то, скорее всего, она продолжит платить взносы в бюджет ЕС, как и все остальные члены Европейской экономической зоны.

Выход Великобритании из ЕС будет иметь ощутимые последствия для рынка труда, которые с большой степенью вероятности опосредованно отразятся в краткосрочной перспективе на темпах экономического роста, замедляя их. Эти последствия будут двоякого рода. Во-первых, на состоянии рынка труда скажется возможное ужесточение иммиграционного режима после выхода Великобритании из ЕС, которое создаст работодателям некоторые трудности с наймом работников из других стран ЕС/ЕЭП. Степень этих трудностей будет зависеть от направления и глубины изменения иммиграционного законодательства. Не исключено, что в стране ускорится переориентация на привлечение преимущественно высококвалифицированных мигрантов с одновременным ограничением притока мигрантов, способных выполнять лишь неквалифицированную работу. Кроме того, очевидно, что работодатели попытаются частично компенсировать изменения в иммиграционных правилах за счет замещения трудовых мигрантов гражданами

³⁷ Briefing paper. Brexit: impact across policy areas. Number 07213, 26 August 2016: <file:///C:/Users/GAV/Downloads/CBP-7213.pdf>

Великобритании, хотя привлечение британских граждан к неквалифицированной и низкоквалифицированной работе может оказаться проблематичным и, в любом случае, будет сопряжено с увеличением заработной платы в отраслях, столкнувшихся с дефицитом рабочей силы, и, следовательно, ростом издержек работодателей.

Во-вторых, результатом выхода Великобритании из ЕС может стать некоторое ухудшение положения наемных работников. В настоящее время трудовое право Великобритании в значительной мере основывается на трудовом законодательстве ЕС, которое в установлении минимальной заработной платы, максимальной продолжительности рабочего дня и рабочей недели, минимальной продолжительности оплачиваемых отпусков и ряде других аспектов регулирования взаимоотношений между работниками и работодателями имеет безусловный приоритет над национальным законодательством. Правительство Великобритании, подчиняясь решениям Комиссии ЕС, последовательно интегрировало наднациональные нормы трудового законодательства ЕС в национальные законы и регламенты, однако далеко не всегда соглашалось с ними и пыталось их оспаривать. В частности, сопротивление вызывало ограничение времени работы. Аналитики расходятся во мнениях относительно того, какие изменения правительство будет вносить в трудовое законодательство Британии и насколько оно в конечном счете будет отличаться от трудового права ЕС, однако если условия труда станут существенно менее благоприятными по сравнению с таковыми в странах ЕС, высока вероятность сокращения притока высококвалифицированных специалистов из континентальной Европы в Великобританию и, соответственно, возникновение дефицита работников в некоторых передовых отраслях.

Еще одним негативным последствием выхода Великобритании из ЕС для ее экономики станет прекращение поступления средств из структурных фондов ЕС. Хотя Великобритания в ЕС является чистым донором, некоторые ее отстающие в развитии регионы и отрасли получают значительную поддержку из бюджета ЕС через Европейский фонд регионального развития (ЕФРР) и Европейской социальный фонд (ESF). Для предотвращения коллапса наиболее проблемных регионов и отраслей правительству страны придется вносить коррективы в региональную и структурную политику и перераспределять и изыскивать дополнительные средства для финансирования развития этих регионов и отраслей.

Выход Великобритании из ЕС также приведет к появлению серьезных проблем в сельском хозяйстве страны, поскольку он означает отказ от Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) и сопряженных с ней субсидий и режима регулирования и, как уже упоминалось, изменение миграционного законодательства. Таким образом, возникает большая неопределённость в отношении будущей динамики сельскохозяйственного производства, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, поскольку встанут вопросы замещения субсидий ЕС поддержкой национального государства, доступа продукции отрасли на единый рынок и обеспечения сельского хозяйства трудовыми ресурсами, так как в настоящее время британские фермеры в значительной степени зависят от дешевого труда мигрантов. Некоторые аналитики полагают, что правительство Великобритании и региональные органы власти окажутся не в состоянии сохранить нынешний уровень субсидий для фермерских хозяйств: сейчас поступающие из ЕС субсидии сельскохозяйственных производителей составляют примерно 50-60% от дохода британских ферм. Хотя правительство Великобритании в рамках «перехода на новые внутренние договоренности» гарантирует нынешний уровень прямых субсидий до 2020 г., определенность относительно уровней государственной поддержки после 2020 г. отсутствует, и есть предположения, что правительство Великобритании ограничится

целевыми субсидиями.³⁸ Вместе с тем выход Великобритании из ЕС может оказать и позитивное влияние на развитие ее сельского хозяйства: он заставит британских фермеров гораздо активнее искать новые рынки сбыта за пределами объединенной Европы и повышать конкурентоспособность и, возможно, экологичность своей продукции, а государственная сельскохозяйственная политика станет более простой, понятной и предсказуемой и сосредоточится на приоритетных и наиболее конкурентоспособных секторах сельского хозяйства страны.

Последствия выхода Великобритании из ЕС для рыболовства также пока представляются весьма неопределенными. Покинув ЕС, Великобритания получит исключительное право на добычу рыбы в своей экономической зоне (ИЭЗ) на расстоянии до 200 миль от берега, что позволит ей вести переговоры с ЕС о доступе британских рыбаков к ИЭЗ ЕС и/или допуске рыбной продукции на рынок ЕС в обмен на разрешение рыбакам из стран ЕС заниматься промыслом в ее ИЭЗ и договариваться с ЕС о благоприятных для британских рыбаков квотах на вылов рыбы в водах Евросоюза. При этом очевидно, что если Великобритании не удастся договориться с ЕС о свободном доступе продукции рыболовного и рыбоперерабатывающего комплекса страны на рынок ЕС, отрасль окажется в состоянии стагнации, поскольку даже частичная переориентация на новые рынки потребует довольно продолжительного времени. Кроме того, открытым остается вопрос о масштабах финансовой поддержки отрасли со стороны государства.

Особое беспокойство после выхода Великобритании из ЕС вызывает британская сфера финансовых услуг. Поскольку на эту сферу приходится значительная доля ВВП и численности занятых, негативное развитие событий в этой отрасли способно существенно затормозить рост британской экономики в целом и даже привести к кратковременному экономическому спаду. В настоящее время большинство действующих в Великобритании норм регулирования сферы финансовых услуг было установлено на наднациональном уровне в рамках ЕС, и вполне вероятно, что в основном эти нормы после выхода из ЕС останутся неизменными, хотя некоторому реформированию финансовое законодательство, скорее всего, подвергнется. Некая неопределенность грядущих перемен настораживает большинство работающих в лондонском Сити фирм, особенно иностранных, часть которых уже начала изучать варианты передислокации в другие европейские и мировые финансовые центры. Главным вопросом для финансовых учреждений остается судьба «единого паспорта», так как в случае выхода Великобритании из ЕЭЗ они не смогут пользоваться режимом «единого паспорта», и станут такими же участниками рынка ЕС, как и финансовые организации других стран, не входящих в ЕЭЗ.

Связи Великобритании с энергетическим рынком ЕС после ее выхода из объединения, скорее всего, сохранятся, однако остается неясным, как выход повлияет на энергетическую политику Великобритании. Ключевой проблемой для отрасли будет сохранение доверия со стороны инвесторов на энергетическом рынке Великобритании, что позволит стране продолжить реализацию широкомасштабных и дорогостоящих энергетических проектов и обеспечить взаимодействие этой британской отрасли с рынком ЕС. Новое правительство уже объявило, что Департамент по вопросам энергетики и изменения климата должен стать частью вновь создаваемого Департамента по вопросам бизнеса, энергетики и промышленной стратегии (DBEIS), что даст правительству возможность проводить более скоординированную и продуктивную политику в этой сфере. В целом, однако,

³⁸ Briefing paper. Brexit: impact across policy areas. Number 07213, 26 August 2016: <file:///C:/Users/GAV/Downloads/CBP-7213.pdf>

представляется, что выход Великобритании из ЕС сам по себе не окажет существенного воздействия на темпы и направления развития британской энергетики, и замедление роста в этой отрасли возможно лишь в случае приостановки роста или даже сокращения объемов производства в энергоемких отраслях промышленности и, соответственно, падения спроса на энергоресурсы с их стороны.

Пока еще слишком рано говорить о том, как повлияет выход Великобритании из ЕС на национальных поставщиков транспортных услуг, однако очевидно, что на транспортном комплексе будут сказываться макроэкономические последствия «Брекзита»: например, если в стране увеличатся темпы инфляции, начнут расти тарифы на транспортные услуги, а если выход из ЕС повлечет за собой спад в экономике, неизбежно возникнут трудности с финансированием крупных транспортных инфраструктурных проектов и произойдет замедление темпов роста отрасли.

Прогнозы последствий выхода Великобритании из ЕС разделили экспертов на два лагеря. Одни склонны считать, что экономику Британии ждет глубокая рецессия. К этому лагерю относятся, как правило, противники выхода Британии из ЕС. Еще задолго до референдума правительство, Банк Англии, многие представители академических кругов и международные организации предсказывали, что экономика Британии будет развиваться значительно хуже, чем если бы она оставалась в составе ЕС. Другие, хотя и не отрицают, что трудностей и спада в экономике страны не избежать, уверены, что кризис окажется краткосрочным и суммарный положительный эффект от выхода в перспективе перекроет все негативные последствия.

Прогнозы по степени негативного влияния на экономику Британии еще довольно продолжительное время будут варьироваться в зависимости от жесткости позиции ЕС на переговорах с Великобританией и тех договоренностей, которых удастся достичь по целому ряду вопросов. Для ЕС выход Великобритании также создает немало проблем. Прежде всего, ЕС опасается, что выход Великобритании спровоцирует «эффект домино», который может положить конец идее о единой Европе. Соответственно, ряд политиков и чиновников из ЕС призывают показательно «наказать» британцев и заставить другие страны задуматься о последствиях их возможного выхода для собственных экономик. С другой стороны, в Евросоюзе накопилось множество нерешенных проблем, таких как не до конца преодоленные последствия финансового и экономического кризиса 2008 г., огромный приток легальных и нелегальных мигрантов, высокий уровень безработицы, наличие в ЕС стран со слабой экономикой, которым постоянно нужна финансовая поддержка и т.д. Таким образом, перед ЕС объективно встает вопрос о том, насколько целесообразен «жесткий» сценарий «развода» с Великобританией, способный не только ввергнуть Великобританию в новый экономический кризис, но и нанести ущерб самим странам ЕС, особенно если принять во внимание высокую степень взаимозависимости экономик Великобритании и Евросоюза (например, 45% британского экспорта направляется в ЕС, а 55% импорта Великобритании поступает из ЕС).³⁹

В настоящее время Великобритания по-прежнему входит в состав ЕС и будет оставаться в нем до тех пор, пока не обратится к статье 50, которая инициирует официальные переговоры о выходе. Кроме того, сам процесс выхода из Евросоюза займет не менее двух лет. Следовательно, пока Великобритания экономически

³⁹<https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/unitedkingdombalanceofpayments/thepinkbook/2016>

находится в том же положении, как и до официального объявления итогов референдума, и до сих пор не произошло какого-либо существенного ухудшения макроэкономических показателей, которое предрекали очень многие экономисты и политики. Некоторые негативные эффекты, отмеченные вскоре после объявления результатов референдума (падение курса фунта стерлингов, паника в лондонском Сити и т.д.), являются следствием первичной реакции субъектов экономических отношений на неожиданное для многих решение и неопределенности условий и продолжительности процесса выхода, будущих договоренностей Великобритании с ЕС и длительности периода адаптации британской экономики к функционированию в новой экономической и институциональной среде. Очевидно, что экономика Великобритании испытает некоторое снижение темпов роста и, возможно, даже спад в ходе приспособления к новым условиям хозяйствования и взаимоотношениям с Евросоюзом и другими частями мира, однако этот кризис почти наверняка окажется непродолжительным и вряд ли потребует разработки и применения каких-либо новых специализированных антикризисных мер.

Глава 3. СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Страны Северной Европы активно использовали антикризисные меры в разные периоды своего экономического развития. Но, несмотря на схожесть модели социально-экономического развития («скандинавской» или «шведской» модели), их экономический цикл зачастую различался. Особенно большие отличия наблюдались с 1970-х гг. в Швеции.

В течение 110 лет (с 1870 по 1980 г.) в Швеции ВВП в расчете на душу населения в реальных показателях рос в среднем на 2,5% в год. По мировым стандартам это очень высокая цифра. А в течение четверти века после второй мировой войны этот прирост был еще выше. Апогей был достигнут в «рекордные» 1960–1965 гг., когда ежегодный прирост ВВП на душу населения в среднем составлял 5,3%. В течение 1960-х годов Швеция была одной из богатейших стран мира – по показателю ВВП на душу населения, который в начале 1970-х годов на 15% превышал средний уровень для западных стран. А в начале 1990-х годов Швеция значительно отстала и находилась точно на среднем уровне, поскольку Швеция сильно пострадала в период кризисов 70-х – начала 90 годов. В этот период предпринимались многочисленные антикризисные меры, но они дали надежный результат лишь в середине 90-х годов. Во многом они носили характер импровизаций, и это усложняло ситуацию в стране. Страна пережила много серьезных экономических проблем, пока не оказалась в общей линии мирового развития.

Экономический кризис 2008-2009 гг. и рецессия 2011-2013 гг. затронули экономику Швеции так же, как и других стран. Однако в этих случаях спады произошли в Швеции исключительно из-за падения мировой конъюнктуры, а не по внутренним причинам.

Кризисы 70-х годов

После успешного развития в 50-60-х годах самоуверенность шведских экономистов и политиков была высокой, и вмешательство государства в экономику усилилось.

Практически все западные страны в 1970-х годах оказались в схожем положении. Но шведский спад в 1970-х годах был значительно ощутимее, чем в большинстве других стран. Он начался немного позже, чем в остальном мире, но зато был продолжительнее и глубже.

Кризисные 1970-е годы оказались резким контрастом по сравнению с предшествующим периодом. Темпы прироста ВВП замедлились более чем в два раза: в период с 1971 по 1975 г. они равнялись 2,7% в год, а в 1976–1980 гг. вообще упали до 1,3%. Сильно замедлился рост производительности труда. Рост объема промышленного производства прекратился вовсе: в 1982 г. объем промышленного производства не превышал уровень 10-летней давности, до первого нефтяного кризиса.

Уже в начале 70-х годов положение обострилось. Правительство стало проводить жесткую рестриктивную экономическую политику для преодоления дефицита платежного баланса, для чего осуществлялось жесткое ограничение предоставления кредитов, которое многие шведские экономисты называли «идиотской остановкой»⁴⁰. Улучшение платежного баланса было достигнуто ценой

⁴⁰ Подробнее см.: Волков А.М. Экономика современной Швеции (проблема накопления капитала). М., Наука, 1987, с. 32.

роста безработицы и замедления роста зарплаты. Утверждалось, что 1971-1972 годы были «потерянными годами» для шведской экономики.

В конце 1973 г. начался нефтяной кризис. Цены на нефть повысились в четыре раза. В результате этого в странах, ввозящих нефть, возросла инфляция и снизилась покупательная способность. Большинство стран решило сократить реальную заработную плату и объем промышленного производства. Поэтому в 1974-1975 гг. произошел глубокий экономический кризис в мире. Экономическая политика была направлена на борьбу с инфляцией за счет роста безработицы.

Швеция пошла другой дорогой, отчасти из-за более высокого уровня амбиций, когда это касалось занятости, отчасти из-за новой ситуации в парламенте страны. Выборы в риксдаг в 1973 г. привели к «патовой ситуации». Оба политических блока получили одинаковое число мандатов в новом однопалатном риксдаге. Правительство и оппозиция договорились о так называемых «соглашениях в Хага». Было принято решение о поддержании занятости, снижении налогов для стимулирования экономики и субсидировании работы на склад.

Цель состояла в том, чтобы «перебросить мост» через мировой экономический кризис. Для Швеции 1974 г. был годом высокой конъюнктуры, отчасти вследствие того, что повышение цен на сырье во всем мире способствовало развитию шведской лесной промышленности. Надежды возлагались на то, что другие страны постепенно преодолели последствия роста цен на нефть. К тому времени, когда экономика других стран оживится, Швеция попыталась бы последовать за подъемом мировой конъюнктуры. Таким образом Швеция могла бы «перепрыгнуть» через экономический кризис.

Поначалу казалось, что такая стратегия приведет к успеху. В 1976 г. мировая конъюнктура улучшилась, и создалось впечатление, что Швеция при помощи экспорта сможет избежать глубокого кризиса, какой пережили другие страны.

Но этого не случилось в результате роста издержек, который заметно ослабил конкурентоспособность промышленности. Значительное повышение прибылей в 1974 г. и рост инфляции в результате увеличения цен на нефть привели к резкому повышению зарплаты. Кроме того, повышение взносов предпринимателей еще больше увеличивало издержки на зарплату. К тому же начал расти курс кроны. Это было связано с тем, что Швеция в то время участвовала в валютном сотрудничестве со многими другими европейскими странами, чьи валюты входили в так называемую «валютную змею». Когда вырос курс немецкой марки, то вслед за ней повысилась и крона. Постепенно это привело к тому, что для шведских предприятий было все сложнее вести конкуренцию на мировом рынке. Снижение объема экспорта привело к сокращению объема промышленного производства.

Падение производительности труда и растущие издержки еще более усугубили проблемы с конкурентоспособностью. С 1974 по 1976 г. издержки на рабочую силу на единицу продукции в Швеции выросли приблизительно на 20% по сравнению с издержками стран-конкурентов⁴¹. Снижение конкурентоспособности, падение производительности труда и рост издержек создали большие проблемы для шведской экономики. Журнал «Экономист» отмечал, что «потеря конкурентоспособности шведской продукции стала расплатой за стремление остаться в стороне от общей линии мирового развития»⁴².

Последствием этого стал самый тяжелый промышленный кризис за всю современную историю Швеции. За период 1973–1977 гг. платежный баланс ухудшился на величину, составившую 5% ВВП. Число занятых в промышленности снизилось более чем на 10%. Особенно сильно пострадали так называемые

⁴¹ Эклунд К. Наша экономика. М., Московская школа политических исследований, 2004, с. 398.

⁴² The Economist, 1977, Aug. 27, p. 67

базовые отрасли промышленности – черная металлургия, судостроение, горнодобывающая и легкая промышленность. Впервые за многие годы в 1977 г. ВВП сократилось на 1,6%.

В 1976 г. в Швеции сменилось правительство и новое правительство буржуазных партий для борьбы с кризисом провело девальвации: дважды осенью 1976 г. и одну летом 1977 г. (на 3, 6 и 10%). В августе 1977 г. Швеция прекратила сотрудничество в «валютной змее».

Положение с относительными издержками из-за девальваций несколько смягчилось. В 1979 г. конъюнктура для шведской промышленности улучшилась. Поэтому правительство сочло возможным проводить политику стимулирования потребления. В 1979-1980 гг. цены на нефть вновь сильно возросли. Но с ростом государственных расходов и дефицита бюджета вырос импорт и дефицит платежного баланса. Поэтому Швеция стала брать кредиты за границей для покрытия дефицита платежного баланса. Затем уровень мировых процентных ставок стал повышаться и кредиты оказывались все более дорогими.

Из-за низкого уровня использования производственных мощностей и снижения прибылей с 1976 по 1982 г. промышленные инвестиции в машины и сооружения уменьшились более чем на 40%. Это был самый глубокий и длительный спад промышленных инвестиций в Швеции. Это все означало сильное сокращение сбережений в Швеции. Чистая норма сбережений упала с 12–14% ВВП в середине 1970-х годов до 3% в 1982 г.⁴³.

Снижение сбережений было в основном связано с сокращением накоплений в государственном секторе. Однако частные сбережения не смогли компенсировать это сокращение. Предприятия и домашние хозяйства стали в больших объемах покупать государственные ценные бумаги. Из-за низкой прибыльности инвестиций при росте дохода от надежных государственных ценных бумаг все большее число предприятий стали размещать свои средства в финансовые активы вместо инвестирования их в реальный капитал. Так эти финансовые инвестиции вытеснили капиталовложения из производственной сферы. В Швеции все более процветали сделки и спекуляции.

В это же время ухудшилось положение на рынке труда. Потребовалось более широкое участие государства в области политики на рынке труда для борьбы с ростом безработицы, что, в свою очередь, привело к росту государственных расходов.

Дефицит бюджета финансировался за счет кредитов за границей и в финансовой системе страны. Поэтому кредитный рынок жестко регулировался. Банки принуждались покупать государственные ценные бумаги по заниженным процентам. Коммерческие банки становились хранилищами государственных облигаций. Значительно вырос «серый» кредитный рынок.

Растущий дефицит бюджета и его финансирование стали одним из факторов высокого уровня инфляции – примерно 10% в год. Инфляция также росла за счет роста издержек и повышения расходов на заработную плату. Швеция стала вползать в стагфляцию. В 1981 г. ВВП вновь сократился на 0,5%.

В конце 70-х годов сократилась занятость в промышленности, но зато увеличилось число занятых в государственном секторе, прежде всего в сферах здравоохранения и дошкольного воспитания. Быстрый рост государственного сектора и крупные субсидии отраслям, оказавшимся в сложном положении, помогли сохранить безработицу на низком уровне в 1970-х годах. В начале 80-х годов кризис государственных финансов привел к ужесточению бюджетной политики. Когда

⁴³ Эклунд К. Наша экономика. М., Московская школа политических исследований, 2004, с. 404.

прирост числа занятых в государственном секторе стал медленнее, увеличилась открытая безработица.

Проведение экономической политики осложнялось тем, что различные проблемы требовали решений, которые часто противоречили друг другу. Поэтому политики искали более простых путей. Возможностью быстро повысить конкурентоспособность является девальвация. Этот способ использовали в 1976-1977 гг. Теперь была предпринята еще одна попытка. В 1981 г. курс шведской кроны был понижен на 10%. Но этого было недостаточно. В течение 1982 г. продолжались падение производства, ухудшение платежного баланса и бюджетного дефицита и рост безработицы. Поэтому возвратившееся к власти социал-демократическое правительство еще раз прибегло к девальвации кроны на 16% осенью 1982 г.⁴⁴

В Дании, которая в 1973 г. вступила в ЕЭС, годы кризиса (сокращение ВВП наблюдалось в 1974-1975 и 1980-1981 гг.) сменялись годами экономического роста, а безработица заметно выросла и превысила 10%. В Норвегии (которая здесь рассматривается для лучшего сопоставления с другими северными странами) в 70-е годы был бурный экономический рост (ежегодный прирост ВВП был не ниже 4%), что объяснялось началом освоения нефтяных месторождений. ВВП сократилось лишь в 1988 г. из-за резкого падения цен на нефть. В Финляндии происходил экономический рост, хотя в 1975-1977 гг. ВВП не превышал 1%.

Экономический рост в 80-х годах

Воздействие двух девальваций 1981 и 1982 гг. на конкурентоспособность оказалось очень сильным. Относительные издержки в шведской промышленности с 1981 по 1983 год в связи с двумя крупными девальвациями сократились более чем на 20% по сравнению с важнейшими странами-конкурентами⁴⁵. В результате произошел быстрый рост экспорта. Торговый баланс стал сводиться с большим положительным сальдо. Безработица не превышала 3,5%.

Рост производства и повышение конкурентоспособности привели также к росту прибылей, доля которых выросла до уровня 30% добавленной стоимости, характерного для 1960-х годов. Сочетание роста производства и повышения прибылей привело к увеличению инвестиций. Улучшилась и платежеспособность предприятий. Они могли снизить уровень своей задолженности. Улучшилась ситуация на рынке труда. С 1984 г. открытая безработица стала снижаться. Однако девальвации породили новый виток инфляции. Поэтому в этот период основным направлением экономической политики стало сокращение бюджетного дефицита. Происходило усиление налогового бремени, которое увеличилось с 50 до 56% за годы после девальвации. Одновременно сдерживался рост государственных расходов. Все это привело к улучшению состояния государственных финансов, которое стало также следствием резкого роста заработной платы, автоматически повышавшего доходы государства. Впервые за десятилетие платежный баланс в 1984 г. оказался также положительным. Однако с 1973 по 1992 год дефицит платежного баланса наблюдался 17 раз. Это означает, что в течение двух десятилетий Швеция жила «не по средствам», хотя экономическая политика в течение этого времени считала одной из своих главных целей достижение сбалансированности во внешнеэкономических отношениях.

Правительство и Риксбанк путем многочисленных мер регулирования пытались ограничить отрицательные последствия государственного заимствования. Уровень процентной ставки регулировался, а банки и страховые компании были

⁴⁴ Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель. М., Наука, 1991, с.18.

⁴⁵ Эклунд К. Наша экономика. М., Московская школа политических исследований, 2004, с. 417.

вынуждены покупать огромное количество государственных ценных бумаг по высоким ценам. Однако банкам было все сложнее выполнять свою задачу. Поэтому потребовалась перестройка денежной политики и было проведено радикальное дерегулирование кредитного рынка. Был введен ряд новых форм заимствования на рынке: векселя государственного долга, государственные облигации и «народные» сбережения, т. е. появился ряд новых ценных бумаг. К 1985 г. были отменены регулирование процента и ряд количественных ограничений на предоставление банковских кредитов. Основным средством вмешательства Риксбанка стали «операции на открытом рынке», т.е. покупка и продажа государственных ценных бумаг с целью воздействия на процентные ставки.

Однако дерегулирование привело к тому, что население воспользовалось шансом заметно увеличить свое заимствование на цели потребления. А банки стали охотиться за клиентами, пожелавшими взять кредиты на новом дерегулированном рынке. Однако большая их часть не озаботилась изучением вопроса о платежеспособности заемщиков и стоимости предоставленного ими обеспечения. Поэтому домашние хозяйства и предприятия брали значительные кредиты, они расходовались на потребление или вкладывались в быстро растущий рынок недвижимости. Этому способствовала налоговая система, стимулировавшая путем щедрых правил вычетов потребление, финансируемое за счет кредитов. В результате заметно сократились сбережения домашних хозяйств, а норма сбережений домашних хозяйств в конце 80-х годов составляла минус 4 процента. Потребление увеличилось. Результатом стало усиление перегрева экономики. Диспропорции тормозили рост производства, а инфляция все больше усиливалась.

Заметно возросла занятость. В конце 80-х годов возник перегрев и на рынке труда Швеции, а открытая безработица снизилась до 1,5–2%. Во многих районах страны появилась нехватка рабочей силы, ускорился прирост зарплаты. Для сокращения прироста издержек на номинальную заработную плату правительство в 80-е годы пыталось воздействовать на инфляционные ожидания. В числе принятых мер можно назвать снижение подоходных налогов, повышение налога на собственность, налог на оборот на рынке акций и денежном рынке, а также создание так называемых фондов трудящихся.

В 1980-е годы постепенно отменялись субсидии на продовольственные товары. Ослаблялось регулирование и других секторов, например, сектор транспорта. В 1989 г. было отменено валютное регулирование. В 1989 г. было принято решение о проведении налоговой реформы, которая и была проведена в 1990-1991 гг. Она, в частности, упрощала налоговую систему, снижала маргинальные налоги на труд и ограничивала вычеты процентных платежей. Сокращение объема подоходных налогов в бюджет компенсировалось увеличением налога на добавленную стоимость.

Кризис начала 90-х годов

В 1989-1990 гг. перегрев экономики усилился. Спираль цен и заработной платы раскручивалась все больше. В начале 1990 г. правительство безуспешно предприняло попытку сдержать рост цен и издержек на заработную плату, в том числе путем замораживания цен и заработной платы. Однако эти предложения были отвергнуты в риксдаге, что привело к кризису правительства и отставке министра финансов. А причиной сдерживания стало повышение процентных ставок. В 1989 г. они стали расти в результате того, что усилилось мнение мировых финансовых рынков в том, что в Швеции сохранится высокая инфляция и слабая валюта и будет новая девальвация. Осенью 1990 г. за слухами о девальвации шведской кроны

последовал значительный отток валюты, и Риксбанк последовательно повышал процентные ставки.

Так начался глубокий экономический кризис 1991-1993 гг. За эти годы ВВП сократился на 5%, а сокращение промышленного производства стало самым глубоким после кризиса 1930-х годов (на 10% за два года).

Четыре крупнейших партии в риксдаге выступили также с совместной декларацией о намерении Швеции вступить в ЕС, что на практике было обязательством сохранить курс кроны. Социал-демократическое правительство сократило размеры возмещения за отсутствие на работе по болезни и ряд других мер. Так произошли перемены в шведской экономической политике. Теперь вместо девальваций правительство предпочитало бороться с инфляцией и поддержало фиксированный валютный курс. В 1991 г. была проведена налоговая реформа, в результате которой повысилась реальная процентная ставка для населения после уплаты налогов, а кредиты стали очень дорогими. К тому же цены на недвижимость в условиях снижения конъюнктуры и повышения процентных ставок стали снижаться и обесценивалось обеспечение кредитов, а многие заемщики оказались банкротами и банки пострадали от крупных убытков по кредитам. Население перестало брать кредиты, что еще больше снизило уровень активности в экономике. В 1992 и 1993 гг. личное потребление в абсолютных показателях снижалось.

В 1992 г. резко сократился объем промышленного производства вследствие кризиса издержек, затем сектора недвижимости и строительства, когда снизились цены на недвижимость, и финансовый сектор. Сокращение личного потребления нанесло удар по всем отраслям внутреннего рынка. Впервые государственный сектор стал в значительном количестве увольнять персонал.

Сокращение промышленного производства стало самым глубоким после кризиса 1930-х годов. Особенно сложным было положение в строительстве, которое пострадало как от общего кризиса, так и в результате падения цен на недвижимость и сокращения субсидий на жилье.

Рост безработицы обычно приводит к ослаблению государственных финансов. Безработные получают в среднем более низкие доходы по сравнению с теми, кто имеет работу, и поэтому платят меньший подоходный налог. Они потребляют меньше и поэтому платят и меньший налог на добавленную стоимость. Одновременно помощь безработным и социальные пособия стоят больших денег; таким образом, в начале 1990-х годов доля государственных расходов в ВВП быстро увеличивалась.

В итоге в начале 1990-х годов банковская система Швеции переживала глубокий кризис. Государство предоставило гарантию вкладчикам осенью 1992 г., а также были осуществлены меры по реструктуризации банковского сектора. Расходы по борьбе с финансовым кризисом способствовали увеличению дефицита государственного бюджета. Правительство вложило примерно 60 млрд крон в крупные банки, прежде всего государственный «Нурдбанкен». В результате сокращение государственных накоплений достигло крупнейших в истории 16-17 процентных единиц от ВВП в течение первых трех лет 1990-х годов⁴⁶. Этому также способствовало резкое повышение безработицы. В результате всего за четыре года Швеция превратилась из страны, имевшей самые сильные государственные финансы, в страну с худшими государственными финансами. Серьезность положения усугублялась и быстрым ростом государственного долга и расходов по выплате процентов.

⁴⁶ Финансовая политика стран ЕС. М., Наука, 2004, с. 153.

Сохранение фиксированного валютного курса требовало все больше средств. В Европе происходил валютный кризис с массовым бегством от слабых валют. Финляндия, Италия и Великобритания отказались от фиксированного валютного курса. Отток валюты из Швеции также резко усилился, поскольку шведская крона с учетом экономического кризиса в Швеции и прежней истории девальваций кроны также была явным кандидатом для отказа от фиксированного валютного курса. Риксбанк был вынужден в течение короткого времени поднять рыночные процентные ставки до экстремального уровня (в один из моментов регулирующая ставка Риксбанка достигала 500%!)⁴⁷. Осенью 1992 г. правительство и оппозиция пришли к соглашению о значительных мерах экономии в двух совместных «антикризисных пакетах» в области страхования по болезни и от несчастных случаев на производстве и о повышении ряда налогов. Однако было поздно. В ноябре 1992 г. в условиях продолжения оттока валюты крона отправилась в свободное плавание. Швеция перешла к плавающему валютному курсу впервые с 1931 г. Курс кроны значительно понизился, что заметно повысило конкурентоспособность экспортных отраслей промышленности, а промышленное производство резко увеличилось в 1993-1994 гг. Большая же часть экономики – производство услуг, финансовый сектор, сектор строительства, государственный сектор – продолжала сокращаться. Безработица продолжала расти, как и дефицит государственного бюджета.

В течение 1994 г. процентные ставки по шведским облигациям увеличились с 7 до 12%. Разница в уровнях процентных ставок между Швецией и Германией возросла с одной до четырех процентных единиц⁴⁸. Это отражало продолжавшееся международное недоверие к шведской экономике. Причинами были крупный дефицит государственного бюджета Швеции и быстро увеличивавшийся государственный долг.

К этому времени на шведскую экономику все больший отпечаток стала накладывать глобализация. Все это затрудняло проведение эффективной политики стабилизации, но был осуществлен ряд нововведений.

В условиях плавающего валютного курса Риксбанк установил цель в области инфляции. Было решено, что инфляция должна составлять не более 2% в год. При этом допускались некоторые краткосрочные отклонения; поэтому допускалось, что рост цен мог колебаться в интервале от 1 до 3%. Тем самым для инфляции был установлен потолок.

Однако номинальные и реальные процентные ставки оставались на высоком уровне, что заставило социал-демократическое правительство, которое пришло к власти после выборов 1994 г., ужесточить финансовую политику. В течение полугода после выборов министр финансов выдвинул новые предложения по экономии и увеличению налогов. Были сокращены пенсии и повышены как взносы предпринимателей, так и подоходные и косвенные налоги. Весной 1995 г. правительство сократило также пособия по безработице. С 1 января 1995 г. Швеция стала членом ЕС и поэтому приняла программу конвергенции, по которой Швеция в течение следующих лет должна была сократить дефицит государственного бюджета для соответствия критериям членства в европейском валютном союзе (ЕВС). В 1994 и 1995 гг. был сокращен государственный сектор. Одновременно был урезан ряд пособий. В сумме финансовая политика включала сокращения расходов и повышение налогов в объеме примерно 8% от ВВП, что было очень высоким показателем.

⁴⁷ Эклунд К. Наша экономика. М., Московская школа политических исследований, 2004, с. 447.

⁴⁸ Эклунд К. Наша экономика. М., Московская школа политических исследований, 2004, с. 453.

Кроме того, был изменен сам порядок составления государственного бюджета. С 1996 г. риксдаг определяет потолки расходов бюджета. Они рассчитаны на три года вперед и ежегодно обсуждаются в риксдаге. Потолки расходов способствовали более дисциплинированному и солидарному обсуждению бюджета. Поэтому улучшение состояния бюджета происходило быстрее, чем ожидалось⁴⁹.

Когда выяснилось, что состояние бюджета заметно улучшилось, процентные ставки стали понижаться. Риксбанк также снизил свои регулирующие процентные ставки в результате падения инфляции, которая в 1996 г. составляла почти 0. Этому способствовали несколько причин. Жесткая финансовая политика сократила покупательную способность и внутренний спрос; высокая безработица сдерживала повышение номинальной заработной платы; членство в ЕС и дерегулирование большинства рынков осложняли перекладывание роста издержек на потребителей; снижение процентных ставок привело к сокращению жилищных издержек; со снижением цен и издержек ослабли инфляционные ожидания. Так период высокой инфляции в Швеции закончился, хотя и с заметным опозданием относительно других западных стран.

Таким образом, с начала 1996 г. Швеция смогла наконец-то выбраться из финансового кризиса. Дефицит государственного бюджета стал вновь выходить на приемлемые уровни, рост государственного долга замедлился и затем он стал сокращаться, инфляция была низкой, а процентные ставки снизились. И хотя курс кроны несколько повысился по сравнению с ее наиболее низкими уровнями, плавающая крона обеспечивала настолько низкий обменный курс, что внешняя торговля сводилась с крупным положительным сальдо.

В тот же период глубокий экономический кризис происходил в Финляндии. За 1991-1993 гг. ВВП страны сократился на 12%. Он усугублялся развалом экономических отношений с СССР, на которые приходилась почти четверть внешнеторгового товарооборота. В Дании кризис проявился заметно слабее (сокращения ВВП не было), а в Норвегии это был период бурного экономического роста.

Конец 1990-х – 2000-е годы: благополучный период

В конце 1990-х - начале 2000-х годов экономика страны развивалась успешно. Высокие темпы роста, сокращающаяся безработица, профицит государственного бюджета и низкая инфляция стали нормой. Страна заняла прочное место в мире в области высокотехнологичных предприятий, предпринимательстве и развитости рынка капиталов.

Экономика страны в конце XX века характеризовалась не только продолжительным подъемом после глубокого кризиса начала 90-х годов, но и значительными структурными сдвигами. С 1993 г. по 1999 г. доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась с 19 до 23%. Несколько вырос и удельный вес сектора частных услуг – до 47,5%, а доля государственного сектора сократилась.

Одновременно произошли серьезные изменения и в структуре самой промышленности. Примерно 2/3 прироста промышленного производства с 1993 г. пришлось на фармацевтику, производство телекоммуникационной аппаратуры и автомашин, т.е. на динамичные и менее зависимые от конъюнктуры отрасли. Удельный вес телекоммуникационной продукции в шведском экспорте увеличился с

⁴⁹ Подробнее см.: Финансовая политика стран ЕС. М., Наука, 2004, с. 147-180.

7% в 1995 г. до 15% в 1999 г. Доля же таких традиционных экспортных товаров как целлюлоза и бумага за тот же период сократилась с 13 до 7%.

Структурные изменения в экономике страны отразились и на рынке труда. Во второй половине 90-х годов происходил постоянный, хотя и медленный рост численности занятых в частном секторе. В результате показатель занятости в 1999 г. приблизился к уровню докризисного 1990 г. Почти все рабочие места, созданные в экономике после 1960 г., возникали в госсекторе. Доля занятых в нем поднялась с 13% в 1960 г. до своего максимального уровня 35% в 1992 г. К самом конце XX века она снизилась до 27% и вернулась к уровню конца 70-х годов. Отчасти это можно объяснить тем, что некоторые услуги, прежде всего в сфере коммуникаций, создаются в частном секторе.

Значительные изменения произошли и на рынке труда. С 1993 по 1999 г. доля занятых по ограниченным по времени контрактам существенно увеличилась – с 10 до 16%. Увеличился разрыв в заработной плате как между рабочими и служащими, так и между занятыми в различных отраслях промышленности. По данным ОЭСР, в 90-е годы наиболее быстро увеличивался разрыв в заработной плате именно в Швеции.

Число вакансий во второй половине 1999 г. достигло самого высокого уровня с 1990 г. Наблюдалась нехватка высококвалифицированной рабочей силы в быстро развивавшейся сфере услуг. Ежегодно примерно 30% совокупного прироста занятости по всей стране приходилась на Большой Стокгольм.

Сохранялись серьезные различия в уровнях безработицы в разных частях страны. Например, в Норботтене она была в 3 раза выше, чем в Стокгольме. Особенно высока была безработица среди лиц с низким уровнем образования, а также среди иностранцев.

Спад в США в начале 2000-х годов оказал на Швецию более сильное воздействие, чем на другие европейские страны. Крупный внешнеторговый оборот с США, большой объем акций в собственности домашних хозяйств и биржа, где доминируют акции высокотехнологичных компаний, – вот факторы, которые оказывали негативное влияние как на потребление, так и на инвестиции и, следовательно, на экономический рост в целом.

Наиболее важным в экономической политике Швеции в начале XXI в. был вопрос о Европейском валютном союзе, от вступления в который страна отказалась в 1999 г. В марте 2000 г. чрезвычайный съезд правящей Социал-демократической рабочей партии одобрил резолюцию о вступлении в ЕВС. Следующим шагом должен был стать всеобщий референдум. Он был назначен на 14 сентября 2003 г., и его исход должен был в значительной степени определить будущую экономическую политику страны. Результаты референдума оказались неожиданными: победили противники участия в ЕВС – 55,9% голосов против 42,0%. При этом в референдуме участвовало 82,6% имеющих право голоса.

Шведы не захотели расставаться с кроной, которая ассоциируется у них с экономической стабильностью, социальной защищенностью и высоким уровнем доходов. Опыт других европейских стран также продемонстрировал, что введение евро привело к заметному удорожанию товаров и услуг. На исход референдума повлияло также то обстоятельство, что европейская экономика переживала период спада. Кроме того, шведы считали, что внутри еврозоны действуют разные правила для крупных и малых стран и в большинстве своем рассматривали ЕС и ЕВС как неэффективную и коррумпированную бюрократическую систему. Более половины страны считало, что от вступления в ЕС страна больше потеряла, чем выиграла. Так, в 2003 г. взнос Швеции в общеевропейский бюджет составил 23,7 млрд крон, а

обратно она получила 11,6 млрд – в основном на сельское хозяйство и развитие регионов.

В середине 2000-х годов экономика Швеции развивалась успешно. Очередной подъем начался в 2004 г. Локомотивом роста был экспорт товаров и услуг, который рос опережающими темпами – в отдельные годы до 10–13%. Все большую роль в нем играла продукция транспортного машиностроения, средств связи и телекоммуникаций, а также фармацевтической промышленности. На страны ЕС и северные страны приходится примерно 2/3 экспорта, остальная часть примерно поровну – на США, страны Азии и прочие государства. Поэтому конъюнктура в Европе оказывает решающее влияние на шведский экспорт.

Импорт также быстро увеличивался, что связано с большим удельным весом импортируемых компонентов в экспортных товарах. Зависимость страны от импорта нефти в последние десятилетия снизилась. Доля нефти в энергопотреблении сократилась с 75% в 70-х годах до 30%.

Экономический рост обеспечивался не только экспортом, но и внутренним спросом. Личное потребление увеличивалось, хотя в определенной степени сдерживалось высоким уровнем безработицы. В течение последнего десятилетия реальные располагаемые доходы домашних хозяйств росли ежегодно в среднем почти на 3% – намного быстрее, чем в 70-х, 80-х или 90-х годах. С 2001 г. норма сбережения домашних хозяйств заметно повысилась.

Важным фактором роста был инвестиционный спрос. В промышленности инвестиции наиболее быстро росли в такие расширяющиеся экспортные отрасли, как телекоммуникационная и фармацевтическая. Из других производственных секторов наиболее высокие темпы отмечались в тех, которые были тесно связаны со спросом со стороны домашних хозяйств. В целом степень использования производственных мощностей в промышленности была очень высока и составляла около 90%.

Официальная безработица несколько снижалась, но все же оставалась на очень высоком для Швеции уровне. Продолжалось сокращение рабочих мест в промышленности – на 2-3% ежегодно – вследствие быстрого роста производительности труда (более 3% ежегодно в 2002-2004 гг., что заметно выше, чем в два предшествующих десятилетия), перемещения рабочей силы в сектор услуг и ужесточения конкуренции товаров, производимых в странах с низкими издержками по заработной плате. Спрос на рабочую силу повышался только в секторе частных услуг и в строительстве. Кроме того, переход весной 2005 г. статистики на нормы ЕС привел к росту показателя безработицы на 0,5 процентного пункта. Не менее 2-3% рабочей силы участвовали в программах государства на рынке труда, что было по существу скрытой безработицей. При этом правительство расширяло эти программы, где основное место традиционно занимают различные формы обучения и переподготовки, за счет мер по повышению занятости. Вместе с тем на рынок труда вышло большое число молодых людей, что не позволило существенно снизить безработицу.

Инфляция была ниже среднего уровня по еврозоне. Снижению инфляции, в частности, способствовало обострение конкуренции в розничной торговле. На шведском продовольственном рынке появились новые иностранные торговые фирмы. Это расшатывало олигополистический рынок в стране и заставляло местные фирмы снижать цены на продукты питания, которые в среднем на 15-20% превышали цены в еврозоне. Это было новым явлением для шведской торговли, хотя в большей части Европы происходили аналогичные процессы.

Процентные ставки в Швеции в эти годы находились на очень низком уровне. Это стало результатом невысокой инфляции, осторожной позиции Риксбанка и

сильных государственных финансов. Ставка Риксбанка по операциям «репо» снизилась до 1,5-2% в 2004-2005 гг.⁵⁰

Все это привело к быстрому росту (ежегодно на 10% и более) задолженности домашних хозяйств, которая приблизилась к максимальному показателю начала 90-х годов. Одновременно продолжали увеличиваться цены на жилье.

Курс кроны в 2005 г. по отношению к евро значительно снизился. Это объясняется тем, что основной движущей силой изменения обменного курса служат различия процентных ставок по краткосрочным обязательствам. В Швеции процентные ставки были самыми низкими в Европе и этот механизм наряду с некоторыми другими причинами вызвал снижение курса кроны.

Финансовый кризис 1997-1998 гг. не оказал серьезного воздействия, поскольку Юго-Восточная Азия, Россия и другие затронутые им страны занимали скромное место во внешней торговле стран. В Норвегии 1999 г. был годом спада из-за снижения цен на нефть, но затем они росли. Спад в США в начале 2000-х годов оказал на Швецию более сильное воздействие, чем на другие страны. Крупный внешнеторговый оборот с США, большой объем акций в собственности домашних хозяйств и биржа, где доминируют акции высокотехнологичных компаний, – вот факторы, которые оказывали негативное влияние как на потребление, так и на инвестиции и, следовательно, на экономический рост в целом. В Норвегии с 2001 г. в бюджет страны ежегодно направляется 4% нефтяных доходов. Благодаря такому ограничению снижается зависимость экономики от колебаний нефтяного рынка.

Экономический кризис 2008-2009 гг.: суровые испытания

Ситуация резко изменилась осенью 2008 г. Экономический кризис наступил очень неожиданно, а Швеция пострадала от него сильнее многих других стран. Вновь проявилась сильная зависимость экономики страны от внешних рынков. С осени 2008 г. резко сократились экспорт и промышленное производство, что привело к снижению ВВП в 2009 г. примерно на 5%. Произошел также значительный рост безработицы, которая достигла 8,4% в 2010 г. Низкие темпы инфляции рисковали перейти в дефляцию. Государственные финансы ухудшились в большей степени, чем в большинстве других стран, и профицит государственного бюджета в объеме 2,5% в 2008 г. превратился в его дефицит в объеме 1% в 2009 г. За этот же период объем государственного долга увеличился с 38 до 42% от ВВП.

Сокращение ВВП на 4,9% в четвертом квартале 2008 г. оказалось крупнее по сравнению с большинством других стран, чему способствовало значительное уменьшение товарно-материальных запасов. В первом квартале 2009 г. оно составило около 6%. В этом квартале ВВП достиг своего поквартального минимального уровня. Снижение ВВП в 2009 г. стало крупнейшим в течение одного года за все послевоенные годы.

За первые восемь месяцев 2008 г. экспорт в текущих ценах увеличился почти на 9% по сравнению с соответствующим периодом 2007 г., при этом лишь на рынке США наблюдалось снижение. С осени 2008 г. экспорт быстро сокращался в силу особенно резкого падения спроса на важнейшие шведские экспортные товары на мировых рынках. В ноябре-декабре 2008 г. товарный экспорт уменьшился на 12% в годовом исчислении, а за полгода – на 25%. За 2009 г. объем импорта из Швеции на 10 важнейших для нее экспортных рынках сократился примерно на 10%. Можно отметить, что в период кризиса начала 90-х годов такого сильного снижения не было. Шведский импорт также резко сократился.

⁵⁰ Подробнее об экономическом развитии северных стран до наступления кризиса см.: Волков А. Северные страны: первые годы нового тысячелетия. // МЭМО, 2007, № 1, с. 70-76.

Только за январь-февраль 2009 г. экспорт автомобилей уменьшился на 65% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Намного лучше продавались такие потребительские товары, как продовольственные и фармацевтические, а также средства связи и телекоммуникаций. За первые восемь месяцев 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года экспорт транспортных средств сократился на 49%, металлов и минеральных ресурсов на 36%, машин и оборудования на 21%, электротехники и средств связи на 9%, продукции лесной промышленности на 6%, а экспорт фармацевтических товаров увеличился на 19%.

Резко упал экспорт в Великобританию, Россию и Испанию, в то время как экспорт в Китай и Индию продолжал увеличиваться.

Быстрое сокращение промышленного производства привело к резкому снижению степени использования производственных мощностей (с 90 до 77%), что уменьшило потребности в капиталовложениях. В итоге совокупные инвестиции в экономику уменьшились на 16,3% (как и при рекордном сокращении в 1993 г.), в том числе в промышленность на 18,7%, а в жилищное строительство на 23,3%. Норма накопления, достигшая перед кризисом своего наивысшего уровня в 17% с начала 90-х годов, снизилась до 14% в 2010 г. Однако в начале 90-х годов ее падение было намного значительнее – с 21% в 1990 г. до 11-12% в 1994-1995 гг. Снижалась также и прибыльность предприятий.

Обострение проблем финансирования также ударило по капиталовложениям. Так, согласно опросам, более 50% строительных предприятий испытывали проблемы с финансированием. В промышленности эта доля ниже, но и она повышалась. Основной ограничитель – сложности получения банковских кредитов.

Особенно острая ситуация была в строительстве. В этом секторе сокращение инвестиций и производства началось еще до наступления кризиса, что проявилось в снижении числа построенных квартир. Однако сокращение строительства не оказало такого сильного воздействия на экономику страны, как в период кризиса 1990-х годов, поскольку с тех пор доля жилищного строительства в ВВП заметно упала. Смягчили ситуацию и достаточно крупные инвестиции в ремонт и модернизацию жилого фонда.

Потребление домашних хозяйств резко сократилось во второй половине 2008 г., что привело к общему отрицательному показателю за весь год. Например, покупки легковых автомобилей за четвертый квартал 2008 г. уменьшились более чем на 40%. При этом в 2008 г. реальные доходы домашних хозяйств увеличились на 2,7%, а это означало ускоренный рост сбережений, прежде всего на непредвиденные расходы. Экономический кризис привел лишь к слабому росту доходов домашних хозяйств в 2009 и 2010 гг., что можно сопоставить со средним ежегодным ростом в 3,5% в 2006-2008 гг. Прежде всего это стало результатом ухудшения положения на рынке труда. Сочетание сокращения занятости с низким приростом заработной платы привело к падению доходов от заработной платы как в 2009, так и 2010 г. Необходимо также отметить, что фонд заработной платы не снижался в период кризиса начала 90-х годов.

Сокращение личного потребления в Швеции наблюдалось относительно редко – в периоды кризисов в начале 1980-х и особенно 1990-х годов. В начале 1990-х годов личное потребление уменьшилось несмотря на прирост доходов. Однако тогда домашние хозяйства пережили шок, связанный с драматическим падением реальных процентных ставок, что вызвало резкое снижение потребления в течение двух лет. В настоящее время реальные процентные ставки более стабильны.

Вместе с тем некоторые факторы способствовали стабилизации потребления домашних хозяйств. В 2009 г. реальная покупательная сила домашних хозяйств

возросла примерно на 1% благодаря прежде всего низкой инфляции, снижению подоходных налогов и значительному повышению пенсий. Кроме того, более низкие процентные ставки по ипотечным кредитам привели к уменьшению платежей домашних хозяйств по процентам, а их доля в доходах упала до низких уровней периода 2005-2006 гг.

Личное потребление сокращалось в течение двух лет. Это зависело от неуверенности населения в экономических перспективах, а резкое ухудшение положения на рынке труда привело к продолжению роста и без того высокой нормы сбережения, которая достигла такого уровня впервые с 1950-х годов.

Падение на бирже привело к тому, что чистая стоимость собственности домашних хозяйств уменьшилась примерно на 400 млрд крон (что соответствует 25% располагаемых доходов) с последнего квартала 2007 г. по третий квартал 2008 г. Продолжившееся падение на бирже и снижение цен на жилье обошлись домашним хозяйствам еще в 250 млрд крон в течение четвертого квартала 2008 г. Однако рекордно низкие процентные ставки привели к тому, что цены на жилье в течение 2009 г. стали быстро расти и в декабре на 3-4% превысили прежний рекордный уровень.

Положение на рынке труда быстро ухудшалось. В конце 2008 г. и в первые месяцы 2009 г. число предупреждений об увольнении доходило до 17 000 в месяц, что несколько превысило этот показатель в период кризиса 90-х годов. Исчез весь достигнутый за последние годы прирост занятости, а доля занятых в самодостаточном населении оказалась ниже уровня середины 90-х годов. Наибольшее сокращение сначала произошло в промышленности (с начала кризиса на 100 тыс. чел. или на 15%), а затем оно перекинулось на сектор услуг. Тем самым снижение занятости распространилось на те регионы Швеции, которые пока еще не испытывали сильного воздействия кризиса, например Стокгольм. Однако число банкротств предприятий ниже по сравнению с кризисами начала 2000-х и особенно начала 1990-х гг.

Безработица быстро возрастала (по методологии МОТ) с 6% в 2008 г. до 8,4% в 2010 г. Существовал риск того, что безработица останется на более высоком уровне и из циклической превратится в структурную. Так было в Швеции после кризиса 90-х годов, и об этом же свидетельствует опыт промышленно развитых стран за последние 40 лет.

Быстрый рост безработицы в сочетании с тяжелым положением на многих предприятиях оказал свое воздействие на темпы прироста заработной платы. Согласно опросам, почти половина трудящихся была согласна в этих условиях на сокращение заработной платы с целью избежать увольнения. До настоящего времени снижение заработной платы было достаточно редким явлением на шведском рынке труда и наблюдалось прежде всего на мелких предприятиях, например, в сфере информационных технологий в период предыдущего спада производства. В период кризиса 1990-х годов лишь примерно 1% рабочей силы получал пониженную заработную плату. Темпы прироста заработной платы в 2010 г. оказались самыми низкими за весь послевоенный период и все же дали реальный прирост заработной платы – около 2%.

Резко снизилась инфляция. Если еще в октябре 2008 г. в годовом исчислении она составляла 4% (из-за роста цен на энергоносители и продовольствие), чего не наблюдалось с середины 1990-х годов, то в декабре того же года – 0,9%. Это объяснялось в значительной степени снижением цен на бензин и резким понижением процентных ставок Риксбанком. Падение цен с ноября по декабрь оказалось крупнейшим за все время измерений. С апреля уровень потребительских цен стал снижаться. К осени 2009 г. цены достигли своего минимума. Если же

исключить влияние снижения процентных ставок, динамики цен на энергоносители и продовольственные товары, то рост цен составил в 2009 г. почти 2,5%, что близко к наивысшим показателям, зарегистрированным за последние 10 лет. Это произошло из-за сочетания низкого курса кроны и значительного повышения (на 5,5% в 2008 г. и на 4,5% в 2009 г.) удельных издержек на рабочую силу вследствие падения производительности труда. В отличие от большинства европейских стран цены производителей на продовольственные товары в Швеции продолжали расти, хотя и значительно медленнее, в результате низкого курса кроны.⁵¹

Динамика процентной ставки «репо» Риксбанка в 2008-2009 гг. была сложной. В начале 2008 г. она составляла 4% и в три этапа была повышена до 4,75%, последний раз – 3 сентября. Но затем она стала резко снижаться: 8 октября – до 4,25%, 22 октября – до 3,75%, 3 декабря – до 2%. В апреле 2009 г. она упала до 0,5%, а в августе – до 0,25% (год спустя она составила 0,5%, а к концу 2010 г. – 1,0%). Это привело к понижению процентных ставок по долгосрочным кредитам. Обычно динамика шведских процентных ставок следует за динамикой процентных ставок на мировых рынках.

К весне 2009 г. курс шведской кроны снизился примерно на 15% по сравнению с летом 2008 г. Это явилось следствием действия ряда факторов, в частности, зависимости Швеции от экспорта и сокращения экспортных доходов, регионализации глобальной финансовой системы, которая заставляет предприятия брать кредиты не за границей, а внутри страны, и неясности экономической ситуации в странах Балтии. Низкий курс кроны и падение внутреннего спроса привели к крупному положительному сальдо торгового и платежного балансов страны. К тому же низкий курс кроны повышает в перспективе конкурентоспособность шведского экспорта. Но с весны 2009 г. курс кроны стал постепенно повышаться.

Государственные финансы ухудшились, и профицит государственного бюджета в объеме 3,8% в 2007 г. превратился в его дефицит в объеме 1% в 2009 г. Примерно такая же негативная динамика была в 1976-1978 гг. и в 2000-2002 гг., но ситуация явно лучше, чем в 1990-1992 гг. Обычно Швеция отличается большой чувствительностью государственных финансов к изменениям экономической конъюнктуры. Но в период данного кризиса Швеции удалось избежать крупного дефицита государственного бюджета. Это объясняется хорошим состоянием государственных финансов Швеции перед кризисом в отличие от стран еврозоны и, в частности, Германии. В период кризиса неожиданно стали поступать крупные налоговые средства в доходную часть бюджета. Это объяснялось сравнительно небольшим ухудшением положения на рынке труда и относительно стабильным уровнем личного потребления, что обеспечило значительные поступления благодаря налогу на добавленную стоимость.

Основной упор антикризисных мероприятий был сделан на национальные меры и собственные антикризисные усилия. В конце 2008 г. был разработан пакет экстренных антикризисных мер, направленных на поддержку финансовых рынков, банковской системы и национальной валюты. В целях исключения оттока частных капиталов правительство 6 октября увеличило гарантированный уровень возврата вкладов. Для защиты шведских вкладчиков правительство приняло решение о повышении порога депозитов, подлежащих гарантированию, до 500 тыс. крон. Гарантийная схема покрывала как обязательства шведских коммерческих банков, так и иностранных банков, действующих в Швеции. Для финансирования мер по поддержанию финансовой стабильности экономики был создан целевой

⁵¹ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. November 2009. S. 35.

стабилизационный фонд, независимый от государственного бюджета и пополняемый за счет отчислений банков и других финансовых институтов. 20 октября шведское правительство выдвинуло план разрешения проблемы нехватки ликвидности и возможных проблем, связанных с платежеспособностью шведских банков. Он включал три основных компонента. Во-первых, в нем содержалась программа предоставления гарантий для поддержания финансирования банков и ипотечных учреждений, которая была призвана помочь платежеспособным шведским финансово-кредитным учреждениям. Вторым компонентом плана стабилизации было создание инфраструктуры для поддержания банков, находящихся в кризисном состоянии. Третьим компонентом стало учреждение Фонда стабильности, который был призван разрешать возможные проблемы в будущем, связанные с платежеспособностью отдельных учреждений.

Для того чтобы обеспечить потребности как крупных, так и малых предприятий в кредитовании риксдаг 10 ноября принял решение выделить 5 млрд крон государственной Шведской экспортной ассоциации (Svensk Exportkredit) и 2 млрд крон государственной компании ALMI Företagspartner. В начале 2009 г. Шведская экспортная корпорация получила право оформить займы на сумму до 100 млрд крон у Бюро по обслуживанию государственного долга Швеции. Кроме того, правительство Швеции распорядилось предоставить Шведской экспортной корпорации на коммерческих условиях возможность покупки государственных облигаций на сумму до 450 млрд крон. 22 января 2009 г. правительство утвердило распоряжение о предоставлении Бюро по обслуживанию государственного долга права рассматривать заявления со стороны автомобилестроительных предприятий о получении займов, общая сумма которых составила в общей сложности почти 30 млрд крон. 3 февраля риксдаг представил программу увеличения инвестиций в платежеспособные банки и другие финансово-кредитные учреждения, которая предусматривала вложения на сумму свыше 50 млрд крон. Таковы были антикризисные меры с целью укрепления стабильности финансовой системы.

В 2009 г. правительство выделило на меры по стимулированию экономики порядка 45 млрд крон, или примерно 1,5% от ВВП. Примерно такая же сумма была выделена и на 2010 г.⁵² В частности, в бюджетном предложении на 2010 г. были заложены снижение ставок подоходного налога и «временная конъюнктурная помощь» коммунам в объеме 7 млрд крон. Кроме того, коммуны получили дополнительно 5 млрд крон с 2011 г. Хотя в целом в 2008 г. сектор коммун в финансовой области показал приемлемые результаты, четверть коммун и половина ландстингов свела бюджет с дефицитом. На рынке труда было предусмотрено создание большего числа рабочих мест с так называемыми гарантиями работы и развития, а также для молодежи.

В целом меры по стимулированию экономики смогли серьезно поддержать внутренний спрос в стране в период кризиса, что самым положительным образом сказалось на рынке труда и государственных финансах.

С 2008 по 2009 г. объем государственного долга увеличился с 38 до 42% от ВВП – отнюдь не худший вариант в мировой экономике. В предыдущие кризисы государственный долг быстро возрастал. В конце 1970-х и начале 1980-х годов он увеличился с 25% до 65% от ВВП, а в начале 1990-х годов он возрос на 35 процентных пунктов.

Отдельно рассмотрим финансовый кризис в Швеции. Углубляющаяся интеграция мировых рынков капитала привела к тому, что на шведскую банковскую систему основное влияние оказывает мировой финансовый кризис. Высокая

⁵² Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. November 2009. S. 37.

прибыльность банков, не слишком большие в исторической ретроспективе убытки по кредитам и слабое участие на рынке жилищных кредитов США не уберегли шведскую банковскую систему от кризиса.

В 2004-2007 гг. шведские банки расширяли свое активное участие на мировом рынке благодаря изменению норм резервирования капитала, глобальной экспансионистской денежно-кредитной политике и быстрому расширению объема мирового экспорта. Этому же способствовали быстрое расширение предоставления кредитов за границу и увеличение заимствования на мировых рынках капитала. Суммарная задолженность шведских банков увеличилась со 190% от ВВП в 2003 г. до 270% в 2007 г., а в период 1996-2003 гг. она находилась примерно на одном и том же уровне.

Если банковский кризис в Швеции в 1990-х годах произошел главным образом из-за чрезмерной выдачи кредитов в сектор недвижимости, современный кризис имеет свои корни в международной экспансии финансового сектора. Структура финансовой системы в ряде малых европейских стран в значительной степени изменилась под воздействием глобализации. В частности, банки стран Северной Европы, Швейцарии, Нидерландов и Австрии обратили свое внимание на восток. Банковская система Швеции в достаточно высокой степени зависит от финансирования из-за границы. Кроме того, крупные экспортные компании Швеции также опирались на финансирование за границей. Когда иностранные банки ушли со шведского рынка, то предприятия страны были вынуждены обратиться за финансированием к шведским банкам, что обострило ситуацию с ликвидностью в Швеции. Это привело, в частности, к увеличению предложения ликвидных средств со стороны Риксбанка и государства. Кроме того, снижение процентных ставок Риксбанком оказало достаточно сильное воздействие на рыночные процентные ставки.

В других северных странах были также разработаны пакеты экстренных антикризисных мер с целью поддержания своих финансовых рынков, банковских систем и национальных валют, при этом упор был сделан на национальные меры.

В Норвегии кризис сказался на экономике в меньшей степени. В 2009 г. произошло сокращение ВВП на 1,4% из-за сокращения экспорта традиционных товаров на 7%. Финансовая политика страны была экспансионистской. Банк Норвегии расширил свои операции с ликвидными ценными бумагами. Правительство создало также два фонда по 50 млрд крон в каждом для улучшения возможностей банков предоставлять кредиты, дополнительно направило инвестиции в общественное строительство, а также снизило налоги. Был произведен обмен банковских ценных бумаг на новые высоколиквидные активы, выпущены государственные облигации в объеме 350 млрд крон, появилась возможность обмена облигаций банков на государственные облигации в течение трех лет, Центральный банк предоставил кредиты с фиксированной ставкой средним и малым банкам с максимальным размером до 1 млрд крон до двух лет.

В Дании ВВП сократился, также как и в Швеции, примерно на 6%. Спад определялся прежде всего снижением внутреннего спроса и экспорта. Для борьбы с кризисом правительство инвестировало крупные средства в общественный сектор, транспортную инфраструктуру, модернизацию учреждений образования и здравоохранения. Однако были сокращены сроки выплат пособий по безработице.

В Финляндии кризис отразился на экономике сильнее, чем в других странах. Экспорт в 2009 г. упал более чем на 20%. Это привело к сокращению ВВП на 8,3%. Этому также способствовало усиление зависимости экономики Финляндии от телекоммуникационной отрасли (в начале 2000-х годов доля Nokia в ВВП составляла 2,7%, в НИОКР – 35, в экспорте – 21), в которой возникли нарастающие

проблемы. Правительство провело ряд мер по стимулированию экономики в объеме примерно 1,5% ВВП в 2009 г. и еще 1% в 2010 г., при этом основное внимание уделялось снижению ставок подоходного налога.

В Исландии в 2003 г. была приватизирована банковская система. Остров стал комфортным финансовым раем для крупных транснациональных банков. Когда вследствие кризиса в 2008 г. эти банки потерпели крах, три крупнейших банка “Kaupthing”, “Landsbanki” и “Glitnir” были национализированы, так как не смогли расплатиться по долгам, а государство оказалось на грани банкротства. Внешний долг в 2008 г. составил примерно 50 млрд евро, или 600% от ВВП. Исландская крона стала неконвертируемой. Было принято следующее решение: убытки банков должны оплачивать собственники и крупные вкладчики. Были также созданы новые контролируемые государством банки. Исландия также стала первой с 1976 г. западной страной, получившей кредит МВФ (в размере 2,1 млрд долл. США).

Непредсказуемо высокий рост в 2010-2011 гг.

В 2010 г. экономический рост в Швеции оказался высоким – 6,1% – в два раза выше, чем в среднем среди стран ОЭСР.⁵³ Ни одна из развитых стран не смогла приблизиться к Швеции по этому показателю. Причины такого явления были следующими.

Экономический спад в Швеции в 2008 и 2009 гг. оказался глубже, чем в большинстве других стран, поэтому потенциал для оживления экономики был выше. Значительные колебания экономического роста объясняются высокой долей экспорта (50%) в ВВП и сильной зависимостью от мировой конъюнктуры. Таких высоких темпов увеличения экспорта, как в 2010 г. – 11,7%, не наблюдалось с 1994–1995 гг. Особо быстрый прирост экспорта происходил в тех отраслях, которые в наибольшей степени пострадали в 2009 г., например, в автомобильной, металлопромышленности и горнодобывающей отрасли. Сохранению конкурентоспособности промышленности на относительно хорошем уровне способствовало и повышение курса кроны.

Кроме того, Швеция уже компенсировала половину объема в сокращении занятости (рост происходил прежде всего в строительстве и секторе частных услуг, а в промышленности он был невелик), в то время как в еврозоне уровень занятости еще не начал расти.

Сокращение внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного, оказалось в Швеции более краткосрочным, чем в других странах. Этому способствовали рекордно высокая норма сбережений населения и благоприятная динамика доходов. Несмотря на очень слабый прирост номинальной заработной платы, низкая инфляция способствовала повышению реальной почасовой заработной платы, что в сочетании с ростом занятости привело к значительному повышению реальных доходов и в конечном счете к быстрому увеличению личного потребления на 3,7% – одному из наиболее высоких за последние 20 лет. Этому также способствовали реакция на предшествовавшее снижение процентных ставок и экспансионистская финансовая политика. Такие высокие темпы роста личного потребления в 2010 г. резко отличались от положения в других промышленно развитых странах.

Швеция также не пострадала от значительного снижения цен на рынке жилья, что произошло в большинстве других стран. Кроме того, падение жилищного

⁵³ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. Maj 2012. S. 44.

строительства оказалось небольшим. Этому также способствовало резкое снижение процентных ставок. Продолжение роста цен на жилье стимулировало потребление.

После уменьшения в 2008–2009 гг. степени использования производственных мощностей до рекордно низкого уровня и, как следствие, резкого сокращения инвестиций капиталовложения в 2010 г. стали расти как в обрабатывающей промышленности, так и во многих секторах, обслуживающих внутренний рынок. Значительно возросли и капиталовложения в жилищное строительство (на 21%).

Таким образом, в 2010 г. шведская экономика переживала быстрый рост спроса, при этом стране в значительной степени удалось избежать глубоких отраслевых структурных кризисов. В 2010 г. заметно улучшилось и состояние государственных финансов. Этому, в частности, способствовала продажа государством акций банка Nordea, которое получило за них в бюджет около 20 млрд крон.

Тем не менее риски оставались, в частности, в связи со значительным превышением темпов расширения кредитов домашними хозяйствами по сравнению с доходами (к концу 2010 г. объем задолженности домашних хозяйств достиг почти 180% от их доходов – высокого уровня по сравнению с другими странами) и возобновившимся после короткой заминки ростом цен на жилье. Это означало, что за 10 лет цены на жилье в Швеции удвоились. Лишь в Испании они росли быстрее за этот период.

Положение на шведском рынке жилья имело и положительные черты: высокую норму сбережений домашних хозяйств, низкий уровень жилищного строительства и менее спекулятивный характер рынка жилья. Однако в отличие от других стран мира Швецию не затронул процесс сокращения задолженности и корректировки цен на жилье. А мировой опыт свидетельствует, что такой быстрый рост задолженности, какой наблюдался в Швеции, неизбежно и резко заканчивается. Снижение цен на жилье часто ведет к росту сбережений, сокращению потребления и росту безработицы.

Постепенно возникли предпосылки к тому, что Швеция со временем может столкнуться с теми же проблемами, с которыми борются такие страны с твердыми валютами, как Швейцария и Япония. К этому может привести длительный период большого положительного сальдо платежного баланса, что может постепенно создавать достаточно крупные доходы для возникновения постоянной тенденции укрепления кроны. Если, например, курс евро упадет ниже 8 крон, то возникнет дефляционное давление, с которым Риксбанку будет трудно справляться при помощи обычной денежно-кредитной политики. Укрепившийся валютный курс будет также давить на прибыли предприятий, что, в свою очередь, приведет к более низкому приросту заработной платы. Центральные банки Японии и Швейцарии были неоднократно вынуждены проводить интервенции для ослабления собственных валют. В результате как в Японии, так и Швейцарии были очень низкие процентные ставки по 10-летним процентным облигациям – ниже 1%. Подобное развитие в Швеции означало бы серьезные испытания для страховых компаний.

В последние годы производительность труда развивалась слабо. Цифры показывают, что прирост производительности труда в 2000-х годах был явно ниже, чем в 1990-х. Если прирост производительности труда в 1993–2011 гг. составлял в среднем 2,2%, то за период 2000–2011 гг. он был 1,7%. Причиной снижения была структура производства. В течение длительного периода возрастали экспорт и производство в отраслях с очень быстрым приростом производительности труда, в которых также отмечалось снижение цен. В последние годы расширение в большей степени происходило в секторах с более низкой динамикой производительности труда, но с более быстрым ростом цен на мировых рынках. Это обстоятельство

привело к прекращению тенденции ухудшения условий торговли в шведской внешней торговле.⁵⁴

2012-2016 гг.: новая стагнация и новый рост

Однако шведскому экономическому росту не суждено было продолжаться долго. Кризис в еврозоне привел к ухудшению мировой конъюнктуры и в четвертом квартале 2011 г. ВВП упал на 1%, поскольку шведский экспорт, сильно зависящий от положения на внешних рынках, значительно снизился в этот период. Однако относительно высокая доля северных стран (22%) в экспорте Швеции смягчила ситуацию, в то время как доля стран Южной Европы и Франции в экспорте Швеции занимает всего 5% и 5%, а, например, у Германии – 11% и 10% соответственно, что, напротив, осложняло положение последней.⁵⁵ Затем экономический рост постепенно ускорился и достиг 4% в 2015 г.

В 2012-2016 гг. экономический рост происходил благодаря личному потреблению домашних хозяйств, которое поддерживалось достаточно сильным повышением доходов, высокой нормой сбережения и повышением занятости. Повышенные налоги несколько сдерживали рост реальных доходов, но этому противодействовало повышение пособий безработным и по болезни. В 2015 г. высокий внутренний спрос поддерживался выделением крупных средств на прием иммигрантов (сначала расходов на места временного пребывания и здравоохранение, а затем на образование и постоянное проживание), поскольку именно они привели к рекордно высокому росту государственного потребления – на 2,5% (наивысший прирост с конца 1990-х годов). Значительная часть повышения расходов будет финансироваться за счет увеличения дефицита государственного бюджета, что стимулирует финансовую политику в размере свыше 1% ВВП. Прямые расходы на прием иммигрантов обойдутся бюджету еще в 40-50 млрд крон в течение 2016 г. Частично они будут профинансированы за счет иностранной помощи (в бюджете на 2016 г. предполагается, что примерно 8 из 43 млрд крон иностранной помощи будут выделены на прием мигрантов). Воздействие на государственные финансы смягчатся потому, что сильный прирост увеличивает доходы от налогов. Существует риск, что финансовое давление на коммуны окажется столь большим, что центральному правительству придется дать им средства сверх выделенных в 2015 г. 10 млрд крон. По последним данным, в 2015 и 2016 гг. ожидается около 200 тыс. иммигрантов, стремящихся получить вид на жительство в Швеции.

В большинстве стран макроэкономические прогнозы мало зависят от миграционных потоков. Однако в Швеции ситуация другая, поскольку она является крупнейшей страной по приему мигрантов относительно населения. Прогнозы в конце 2015 г. показывали, что число иммигрантов составит 160000 (от 140000 до 190000) за 2015 г., 110000 за 2016 г. и 70000 за 2017 г. Прежние прогнозы давали около 80000, что было несколько больше среднего за прошедший пятилетний период. Правда, сохраняется неясность относительно числа иммигрантов и их образования и возрастной структуры. В сумме за период 2015-2017 гг. число мигрантов составляет около 3,5% населения страны. Однако на перспективу это может вызвать риски наряду с усилением нарушения балансов на рынке труда. Кроме того, часть домашних хозяйств сократит свое потребление для компенсации ожидаемых в будущем повышений налогов.

Инвестиции сильно колебались: в 2013 г. они сократились, а в последующие два года их рост составлял свыше 7% ежегодно (прежде всего за счет роста

⁵⁴ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. Maj 2012. S. 34.

⁵⁵ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. Augusti 2012. S. 33.

жилищных инвестиций). Укрепление курса кроны также не способствовало увеличению экспорта. Согласно историческим оценкам повышение курса кроны на 10% ведет к сокращению экспорта на 2,5–3% с задержкой примерно на год. В совокупности экспорт и импорт в 2012 и 2013 гг. не росли. Лишь улучшение ситуации в мировой торговле с 2014 г. стало движущей силой увеличения экспорта, который поддерживался относительно низким курсом кроны. Однако экспорт услуг расширялся быстрее, что позволило повысить темпы роста экспорта в 2015 г., и эта тенденция сохранится в ближайшие годы. Этот рост происходит в таких секторах, как деловые услуги, транспорт, туризм и финансовые услуги. Важной причиной этого процесса является то, что предприятия, которые традиционно классифицировались как промышленные, сосредоточили свою деятельность не на товарах, а на более выгодных услугах. Аналогичная динамика происходит в еврозоне и Германии, хотя она более очевидна в Швеции. Она оказывает положительное воздействие, поскольку часто касается высокотехнологичных услуг, и указывает, что картина деиндустриализации Швеции несколько преувеличена. В течение пяти лет сальдо торгового баланса постепенно сокращалось в основном в силу того, что импорт товаров увеличивался быстрее экспорта товаров. Но в 2015 г. сальдо несколько возросло благодаря резкому падению цен на нефть.

В промышленности картина смешанная: при слабости прежде всего в металлопромышленности и горнодобывающей промышленности (что является прежде всего следствием спада в Китае) быстро развивались производство транспорта, лесопромышленность и фармацевтика. Электронная промышленность испытывает неуверенность в будущем из-за глобального спада в информационных технологиях.

Безработица в Швеции примерно такая же, как и в Финляндии, но значительно уступает Норвегии и Дании. По еврозоне в среднем положение в Швеции было намного лучше. Зарегистрированная безработица среди молодежи до 25 лет в Швеции в течение длительного времени составляла свыше 20%, в то время как в Германии она снизилась с 14% в 2006 г. до 8% в 2012 г. Однако почти половину шведской молодежной безработицы составляют учащиеся дневного обучения, которые чаще всего заняты поиском работы в течение короткого времени или по вечерам и в выходные дни. Относительно большое количество ищущих работу студентов в Швеции создает видимость, что безработица в Швеции выше по сравнению с другими странами. Если взять безработных в возрасте от 25 до 74 лет (т.е. исключая молодежь), то безработица будет несколько ниже в Швеции, чем в Германии.

С 2012 г. безработица также сохранялась на высоком уровне при увеличении занятости (лишь в 2015 г. она начала снижаться). Одной из причин такого развития событий было повышение числа лиц, возраст которых превышал возраст официального ухода на пенсию (65 лет). Кроме того, значительная часть прироста рабочей силы состоит из лиц с низким уровнем образования и иммигрантов, которым по различным причинам трудно найти работу, особенно квалифицированную. Но затем безработица вновь вырастет, когда крупная масса вновь прибывших в страну окажется на рынке труда. Уже сейчас безработица среди родившихся за границей составляет 15%, что в три раза ниже по сравнению с родившимися в Швеции, а занятость среди родившихся за границей составляет 65%, что примерно на 15% ниже по сравнению с родившимися в Швеции⁵⁶.

За последние годы занятость сильно выросла, несмотря на слабость экономического роста. Прирост произошел в секторе услуг: с конца 90-х годов он

⁵⁶ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. Februari 2016. S. 30.

увеличился на 30%. За тот же период в производстве товаров занятость почти не изменилась. С 2009 г. число занятых возросло на 200 тыс. человек, или на 4,5%. В образовании и здравоохранении оно увеличилось на 15-25%. На эти отрасли приходится лишь 4% занятых, но на них приходится почти четверть прироста. Увеличение занятости в здравоохранении и образовании отчасти явилось результатом того, что ранее общественный сектор был приватизирован.⁵⁷

Инвестиции в жилищное строительство, значительно увеличившиеся в предыдущие годы, в 2012 г. сократились на 8,2%. Цены на жилье также упали примерно на 10% по сравнению с предыдущим годом. В 2013 г. темпы жилищного строительства вновь резко сократились. Но в 2013 г. цены на жилье увеличились на 3%.⁵⁸

Удивительно, что длительный период повышения цен на жилье с середины 90-х годов не сопровождался каким-либо ускорением темпов жилищного строительства. Лишь жилищное строительство в крупных городах несколько увеличилось после краха, последовавшего вслед за строительным бумом 80-х годов. Еще одним фактором низкого уровня жилищного строительства с середины 90-х годов стал скромный прирост населения за период 1995–2005 гг. В последовавший период он ускорился. Должно было строиться примерно 30–60 тыс. квартир в год для соответствия темпам увеличения населения. А с 1995 г. ежегодно строилось порядка 5-10 тыс. квартир съемного жилья, а общее количество начатых строительством квартир в 2012 г. составило 15 тыс. Доля жилищного строительства составляла в Швеции тогда немногим более 3% ВВП, когда в других странах она значительно снижалась: в США и Дании – на 4% от ВВП, в Испании – на 5%, а в Ирландии – на все 10%. Низкий уровень жилищного строительства позволил Швеции избежать риска заметного падения цен на жилье, что произошло во многих других странах. Однако прирост населения и длительный период низкого жилищного строительства привели к тому, что потребность в жилье будет велика в ближайшие годы. В 2014-2015 гг. жилищное строительство стало важной движущей силой экономического роста (наряду с потреблением), увеличившись ежегодно почти на 20%, что дало прирост ВВП до 0,7 процентных единиц. Количество начатых строительством квартир в 2015 г. было наибольшим с начала 1990-х годов. Цены на жилье также выросли на 15-20% в 2015 г. благодаря понижению процентных ставок Риксбанком, значительному увеличению населения и низкому предложению жилья. Очень сильный спрос на жилье показывает, что прирост жилищного строительства продолжится примерно такими же темпами в ближайшие годы. Согласно Управлению жилищного строительства, в Швеции нужно построить 400 тыс. квартир до 2020 г., что потребует удвоения нынешних темпов строительства. Доля инвестиций в жилищное строительство в ВВП возрастет в ближайшие годы до 6,5%⁵⁹ (в настоящее время она составляет 4,5%). Уже в нынешнем положении жилищное строительство проявляет некоторые черты перегрева и ситуация будет ухудшаться. Усиливающаяся нехватка рабочей силы в жилищном строительстве может привести к быстрому приросту заработной платы в отрасли. Крупная иммиграция потребует также увеличения государственных инвестиций в инфраструктуру, школы и здравоохранение.

В 2013-2015 гг. инфляции не было, а 2014 г. даже была дефляция 0,2%. В целом за последние 20 лет инфляция в среднем составляла 1,3%, что на 0,7% ниже цели Риксбанка в этой области. В 2010-2012 гг. курс кроны рос, а с середины 2013 г.

⁵⁷ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. November 2013. S. 30.

⁵⁸ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. November 2013. S. 27.

⁵⁹ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. November 2015. S. 28.

снизился более чем на 10%. Хотя курс кроны весной и летом 2013 г. снизился примерно на 3%, взвешенный по торговле индекс валютного курса был близок к наиболее высоким показателям с тех пор, как был введен плавающий валютный курс в начале 90-х годов, а это сдерживает инфляцию. Высокому уровню курса кроны способствовало то обстоятельство, что США и страны еврозоны страдают от структурных проблем и проводят сильную экспансионистскую денежную политику. Затем свою роль сыграло значительное падение цен на нефть. Сальдо платежного баланса по-прежнему значительное.

Процентная ставка «репо» Риксбанка в 2013 г. составляла 1%. Ее низкий уровень объяснялся ростом безработицы, снижением степени загрузки производственных мощностей и низкой инфляцией. Сильный рост реальных доходов и снижающиеся жилищные процентные ставки способствовали тому, что домашние хозяйства не снижали потребление. В последние годы рост доходов домашних хозяйств происходит теми же темпами, что и их заимствование, темпы прироста которого замедлились. Впоследствии процентная ставка «репо» снизилась и к маю 2016 г. составляла минус 0,5%. В конце 2015 г. шведские процентные ставки по облигациям выросли по сравнению с германскими. Причиной этого были сдержанные ожидания снижения процентных ставок после значительного прироста, а также прогнозы, что растущие издержки по приему иммигрантов увеличат потребности в кредитах со стороны государства.

В связи с неопределенностью конъюнктуры коллективные договоры вновь заключались с ростом заработной платы примерно на 2,5% в год. Некоторые промышленные предприятия договорились о временном снижении заработной платы в обмен на сокращение рабочего времени таким же образом, как это произошло во время кризиса 2009 г.

В 2013 г. стимулирование экономики благодаря финансовой политике составило примерно 25 млрд крон или 0,7% ВВП. В отличие от ситуации во многих других странах направление шведской финансовой политики слабо экспансионистское. Это способствовало тому, что рецессии удалось избежать, и шведская экономика в 2014 и 2015 гг. заметно выросла.

Новое социал-демократическое правительство Швеции начало вырабатывать свою экономическую политику. Пространство для маневра ограничено тем, что государственный бюджет в исходном положении сводился с дефицитом и что правительство действовало по принципу «крона за крону» при финансировании новых реформ. Кроме того, декабрьское соглашение 2014 г. с оппозицией установило ограничения на возможности изменения рамок финансовой политики. Среди важнейших повышений налогов можно выделить отмену сниженного взноса работодателей для молодежи, налогообложение топлива, налога на зарплату для пожилых и более низкий перерасчет точки начисления государственного налога. Однако эти повышения налогов вступили в силу лишь с 1 января 2016 г. В сумме предложения по повышению налогов с 2016 г. составляют 30-35 млрд крон.

Норвежская экономика в меньшей степени страдает от ухудшения мировой конъюнктуры и снижения цен на нефть (ВВП не сокращалось), а экспорт нефти и газа ограничивается скорее объемами добычи на континентальном шельфе. Падение цен на нефть на 70% и сокращение реальных инвестиций в нефтяную и газовую промышленность на 25% должны были бы вызвать явную рецессию. Снижение цен на нефть оказало негативное воздействие на нефтяной сектор – в краткосрочном плане на деятельность по разведке нефтяных месторождений. Дополнительная экономия на издержках приведет также к сокращению персонала в звене субпоставщиков и поэтому может вызвать определенное воздействие на

другие сектора. Обрабатывающая промышленность находится на наиболее низком уровне с 2009 г. из-за снижения заказов и производственных ожиданий.

Но экспансионистская финансовая политика, низкие процентные ставки и значительное снижение обменного курса кроны (примерно на 20% со второго квартала 2014 г.) нейтрализовали это воздействие. Обратной стороной ослабевшей валюты является повышенная инфляция, которая оказывает негативное давление на покупательную способность и потребление домашних хозяйств. Важнейшим риском для норвежской экономики является не динамика цен и инвестиций в нефтяном секторе, а то, что потребители начнут действовать в соответствии с проявившимися депрессивными видами на будущее. Ухудшается и ситуация на рынке труда. Приток иммигрантов в Норвегию составил 31000 человек в 2015 г. Примерно такое же количество появится и в 2016 г. Правительство предполагает, что 60% мигрантов получают разрешение на постоянное пребывание в Норвегии. Приток мигрантов на рынок труда задерживается из-за обязательных программ образования для мигрантов, которые обычно длятся два года⁶⁰.

С 2014 по 2016 г. нефтяные доходы государства сократились более чем в два раза, а государственные расходы, напротив, возросли, поскольку правительство пытается снизить воздействие от снижения цен на нефть на производство и безработицу. Таким образом экономика Норвегии извлекла выгоду из меры финансовой политики, которое было введено 15 лет тому назад и которое связывает бюджет с величиной Государственного заграничного пенсионного фонда («нефтяного фонда»), которая в настоящее время превышает 200% от ВВП. При этом стимулирование со стороны финансовой политики увеличилось с 0,5 процентных единиц от «материковой» экономики (т.е. ВВП без нефтяной и газовой промышленности и судоходства) в 2015 г. до 1,1 процентной единицы в 2016 г., что явилось наиболее сильным стимулом с 2009 г. Скорректированный на нефть бюджетный дефицит увеличился на 30 млрд крон до 216 млрд крон в 2016 г. согласно пересмотренному проекту весеннего бюджета, что соответствует 8% от «материковой» экономики (наиболее высокий уровень с 1993 г.). Дефицит превышает доходы от нефти на 84 млрд крон, которые покрываются переводом средств из нефтяного фонда. Если включить эти доходы, то государственный бюджет сводится с реальным положительным сальдо в 3,7% от ВВП, хотя и находится на наиболее низком уровне за многие годы. Стимулируют экономическое развитие также низкие процентные ставки (процентная ставка Банка Норвегии в 2016 г. составляла 0,5%) и прежнее крупное снижение курса норвежской кроны⁶¹.

В Дании в условиях крупного бюджетного дефицита в 2010 г. правительство выдвинуло трехлетнюю программу экономии в объеме 24 млрд крон за счет сокращения государственных инвестиций, задержки перерасчета пенсий и других трансфертов, а также отмены планировавшегося ранее снижения ряда налогов. В 2013 г. парламент одобрил два так называемых «пакета роста». Первый предусматривал прежде всего снижение налога на компании с 25 до 22% и налога на энергию для предприятий. Второй продлил снижение налога на услуги, связанные с жилищным сектором, и предположил снижении налогов на пиво и другие напитки. В целом в 2012 и 2013 гг. экономика топталась на месте (в 2013 г. ВВП сократился на 0,5%), а в 2014 и 2015 гг. рост составил чуть более 1%.

В 2015 г. основными разочарованиями были динамика инвестиций и экспорта. Инфляция по-прежнему сохранялась на низком уровне из-за сдержанных прибавок к заработной плате и эффектов от снижения цен на нефть. Национальный банк Дании

⁶⁰ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. Februari 2016. S. 39.

⁶¹ Nordic Outlook. SEB Ekonomisk Analys. Maj 2016. S. 38.

в течение почти всего 2015 г. держал свою процентную ставку на уровне минус 0,75% (в течение предшествующих трех лет она была на уровне около 0%).

Добыча нефти в Дании с конца 1990-х годов была выше объема внутреннего потребления. Однако производство нефти в середине 2000-х годов достигло своего максимума, а новую нефть становится труднее и дороже добывать. Поэтому в настоящее время уровень добычи составляет лишь 50% от максимального, а с конца 2014 г. страна перешла от чистого экспорта нефти к небольшому дефициту. Производители вне энергетического сектора испытывают положительное влияние от падения цен на нефть, особенно судоходство, на которое приходится значительная доля нефтяного импорта.

Стремление нового правительства проводить более жесткую финансовую политику выразилось в экономии издержек на коммунальном и региональном уровнях. На практике это привело к сокращению расходов на детей и пожилых, школы и общественные средства связи. Примерно 20000 иммигрантов прибыло в Данию в 2015 г. и приток иммигрантов в 2016 г. оценивается в 25000 человек. Издержки на прием иммигрантов своей основной тяжестью ложатся на местные и региональные уровни, центральное правительство предоставляет лишь полное покрытие расходов за первый год.

В Финляндии положение было еще хуже, чем в Дании, что определялось прежде всего циклическими и структурными проблемами, а также проблемами с экспортом. ВВП за три года сократился примерно на 2% (с 2008 г. четыре раза) и лишь в 2015 г. рост составил скромные 0,5% (благодаря неожиданно успешному завершению года). Уровень ВВП составляет лишь 93% от первого квартала 2008 г., что примерно соответствует положению в Португалии, Италии (чуть хуже) и Испании (чуть лучше). Динамика ВВП за этот период была намного хуже, чем после кризиса начала 1990-х годов. Инвестиции сокращаются четвертый год подряд. Из-за проблем с конкурентоспособностью и снижения объемов производства в телекоммуникационной и электронной промышленности доли Финляндии на мировых рынках за последние годы упали. Производство в электронной промышленности сократилось примерно наполовину после того, как оно достигло своего максимального уровня в 2008 г. Финляндия ухудшила свои позиции как в Швеции, так и в еврозоне в целом. Политика Швеции по ослаблению своей валюты оказала негативное воздействие на некоторые отрасли Финляндии, особенно лесную продукцию. В то же время слабый внутренний спрос привел к сокращению импорта. Из-за длительного периода слабости спроса, производства и экспорта степень использования производственных мощностей в экономике низкая. Это одна из причин сокращения валовых капиталовложений в течение четырех лет. Безработица в июне 2015 г. достигла 9,7% – наивысшего уровня с февраля 2000 г. На домашние хозяйства действуют различные тенденции. С одной стороны, снижается прирост заработной платы при росте безработицы и рестриктивной финансовой политике. С другой стороны, низкая инфляция дает реальный прирост заработной платы, а процентные ставки низки.

В краткосрочном плане улучшению противодействуют спад в российской экономике, а также санкции ЕС и контрсанкции РФ (они оказывают относительно сильное воздействие на Финляндию, поскольку Россия занимает третье место среди крупнейших экспортных рынков), и проблемы с конкурентоспособностью по отношению к соседним странам со слабыми валютами, а также внутренняя политика сдерживания, которая бьет по домашним хозяйствам и предприятиям. С положительной стороны ожидается, что положение с экспортом улучшится в будущем за счет более слабого евро, сокращение импорта улучшит сальдо платежного баланса, снижение цен на нефть приведет к более низкой инфляции и

повышению реальных доходов, низкие процентные ставки стимулируют экономику, а также политические реформы, которые в перспективе повысят конкурентоспособность. Слабое экономическое развитие оказало серьезное воздействие на государственные финансы, как путем увеличения государственных расходов, так и снижения налоговых доходов.

Правительство провело большую работу по сокращению дефицита бюджета за счет спроса и повышению конкурентоспособности на 5%. Потребность в реформах велика: согласно сценарию ОЭСР государственный долг достигнет 100% от ВВП к 2030 г. при неизменной политике. Уже были приняты меры по ограничению расходов, повышению налога на добавленную стоимость и акцизов, а также пенсионных взносов. Последние предложения правительства включают повышение пенсионного возраста, отмену некоторых выходных дней, более короткий отпуск и сокращение пособия по болезни. В общей сумме реформы улучшат сальдо государственного бюджета на 4 млрд евро (примерно 2% от ВВП) с 2019 г., прежде всего путем сокращения расходов. Кроме того, реформируется здравоохранение, при этом экономия составит еще около 3 млрд. евро к 2030 г. Правительство хочет решить ряд вопросов в ходе переговоров с профсоюзами и работодателями, которые получат возможность выступить со своими собственными предложениями, которые дадут соответствующий эффект. Это предложение было встречено забастовками осенью 2015 г. и несколько попыток прийти к соглашению провалились. Если и новые попытки достичь единства провалятся, то правительство собирается действовать законодательным путем.

Таким образом, северные страны использовали разные меры для преодоления кризисов, которые зачастую имели совершенно различные причины.

Таблица 1. Динамика основных экономических показателей Швеции, % к предыдущему году

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт	-0,2	-5,3	6,1	3,7	0,9	1,3	2,3	4,2
Личное потребление	-0,2	-0,4	3,7	2,1	1,6	1,9	2,2	2,7
Государственное потребление	1,4	1,7	1,9	1,1	0,3	0,7	1,3	2,6
Валовые капиталовложения	2,6	-16,3	7,7	6,4	3,3	-0,4	7,5	7,0
Экспорт	1,8	-13,4	11,7	7,1	0,7	-0,2	3,5	5,9
Импорт	3,0	-13,7	12,7	6,3	-0,6	-0,7	6,3	5,5
Инвестиции в запасы (% к ВВП)	-0,3	-1,5	2,1	0,5	-1,3	0,0	0,1	0,1
Промышленное производство	-3,8	-19,4	9,6	6,8	-4,3	-4,0	-2,3	2,9
Потребительские цены	3,4	-0,5	1,2	3,0	0,9	0,0	-0,2	0,0
Почасовая заработная плата	4,3	3,4	2,6	2,6	3,0	2,6	2,7	2,6
Число занятых	1,1	-2,1	1,0	2,3	0,6	1,1	1,4	1,4
Уровень безработицы, %	6,2	8,3	8,4	7,8	8,0	8,0	7,9	7,4
Сальдо торгового баланса, % к ВВП	4,0	3,2	2,5	2,6	2,4	1,4	0,8	1,0
Сальдо платежного баланса, % к ВВП	9,5	6,8	6,8	7,3	6,5	6,9	5,4	5,9
Сальдо государственного бюджета, % к ВВП	2,5	-1,0	-0,1	0,0	0,2	-1,4	-1,6	0,0
Государственный долг, % к ВВП	38	42	39	38	38	39	45	43
Реальные располагаемые доходы	2,7	1,6	1,2	3,5	3,5	2,1	2,2	2,8
Норма сбережения населения	11,6	12,9	8,5	10,1	12,2	15,6	15,2	15,7

Источник: Nordic Outlook. SEB. Ekonomisk Analys. Выпуски 2008-2016 гг.

Таблица 2. Динамика основных экономических показателей Норвегии, % к предыдущему году

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт	1,8	-1,4	0,7	1,2	2,9	1,1	2,2	1,6
Валовой внутренний продукт (без нефтяной и газовой промышленности и судоходства)	2,2	-1,3	1,9	2,5	3,4	2,1	2,3	1,0
Личное потребление	1,3	0,2	3,7	2,5	3,0	3,0	1,7	2,0
Государственное потребление	4,1	4,7	1,7	1,8	1,8	2,3	2,9	1,9
Валовые капиталовложения	1,4	-7,4	-5,2	7,6	8,3	5,8	0,0	-4,2
Экспорт	0,9	-4,0	1,8	-1,8	1,1	-1,5	2,2	3,4
Импорт	2,2	-11,4	9,9	3,8	2,3	1,5	1,5	1,1
Инвестиции в запасы (% к ВВП)	0,5	-2,6	1,9	0,1	-0,1	-0,9	2,2	0,3
Потребительские цены	3,8	2,1	2,5	1,2	0,8	2,0	2,0	2,2
Годовая заработная плата	6,3	4,2	3,7	4,2	4,3	3,5	3,1	2,8
Уровень безработицы, %	2,6	3,2	3,6	3,3	3,2	3,5	3,5	4,4

Источник: Nordic Outlook. SEB. Ekonomisk Analys. Выпуски 2008-2016 гг.

Таблица 3. Динамика основных экономических показателей Дании, % к предыдущему году

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт	-0,7	-5,3	1,3	1,1	-0,4	0,4	1,1	1,0
Личное потребление	-0,2	-4,3	1,9	-0,5	-0,1	-1,0	0,9	2,3
Государственное потребление	1,5	3,1	0,3	-1,5	0,4	0,0	0,2	-0,7
Валовые капиталовложения	-4,9	-15,4	-3,7	0,2	0,8	-0,2	4,0	1,1
Экспорт	2,4	-9,7	3,2	6,5	0,4	0,1	2,6	0,3
Импорт	3,0	-12,1	3,5	5,6	0,9	2,4	3,8	0,0
Инвестиции в запасы (% к ВВП)	0,4	-2,4	0,8	0,3	-0,2	0,6	0,3	-0,3
Потребительские цены	3,6	1,1	2,2	2,8	2,4	0,7	0,6	0,5
Почасовая заработная плата	4,4	3,1	2,3	1,7	1,5	1,5	1,3	1,4
Уровень безработицы, %	1,8	3,6	4,2	4,1	4,6	4,2	5,0	4,6
Сальдо платежного баланса, % ВВП	2,2	4,2	5,5	5,6	6,0	6,0	7,6	7,0
Сальдо государственного бюджета, % ВВП	3,6	-3,6	-2,7	-2,0	-4,1	-1,0	0,0	-2,1
Государственный долг, % ВВП	33	41	44	46	46	44	45	42

Источник: Nordic Outlook. SEB. Ekonomisk Analys. Выпуски 2008-2016 гг.

Таблица 4. Динамика основных экономических показателей Финляндии, % к предыдущему году

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт	1,2	-8,3	3,7	2,8	-1,0	-0,3	-0,7	0,2
Личное потребление	1,3	-2,1	3,0	2,3	0,3	0,0	0,6	1,5
Государственное потребление	2,4	0,9	0,2	0,4	0,5	0,0	-0,3	0,4
Валовые капиталовложения	-0,2	-14,5	2,6	7,1	-0,8	-0,2	-2,6	0,7
Экспорт	6,6	-20,3	7,8	2,9	-0,2	0,3	-0,9	-0,2
Импорт	6,6	-17,6	7,7	6,1	-0,7	1,0	0,0	1,9
Инвестиции в запасы (% к ВВП)	-0,4	0,9	1,1	1,3	-1,3	0,0	0,0	0,0
Безработица, %	6,4	8,2	8,4	7,8	7,7	8,1	8,7	9,3
Потребительские цены	3,9	1,6	1,7	3,3	3,2	2,2	1,2	0,0
Почасовая заработная плата	5,6	4,0	2,6	2,4	3,2	3,0	1,5	1,5
Сальдо платежного баланса, % к ВВП	3,1	2,3	1,4	-1,5	-1,4	-2,0	-0,9	-1,0
Сальдо государственного бюджета, % ВВП	4,2	-2,6	-2,5	-0,8	-2,2	-2,2	-3,2	-2,7
Государственный долг, % ВВП	34	44	48	49	54	54	59	63

Источник: Nordic Outlook. SEB. Ekonomisk Analys. Выпуски 2008-2016 гг.

Глава 4. ИРЛАНДИЯ

Долгое время Ирландия считалась одной из самых бедных периферийных стран Западной Европы. Ситуация начала кардинально меняться после присоединения страны в 1973 г. к ЕС. В Ирландию стали поступать значительные средства, преимущественно по линии структурных фондов ЕС, и государство смогло максимально эффективно использовать их для развития национальной экономики, финансируя с их помощью, в первую очередь, создание современной физической инфраструктуры (городской, транспортной, энергетической и т.д.). Одновременно реализовывался ряд национальных экономических программ, направленных на снижение уровня инфляции, совершенствование квалификации рабочей силы и подготовку специалистов для новейших отраслей хозяйства, развиваемых иностранными инвесторами, ускорение роста производительности труда, в том числе и в традиционных для Ирландии секторах экономики, повышение благосостояния населения. Кроме того, в стране последовательно проводился курс на достижение высокой степени открытости экономики и интеграции ее в мировое хозяйство. Особое внимание уделялось привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с целью создания передовых высокотехнологичных производств, конкурентоспособных на мировом рынке и формирующих новую международную специализацию страны. Стремясь к существенному улучшению инвестиционного климата в Ирландии, правительство большое значение придавало установлению и поддержанию либерального налогового режима, мерам по поддержанию и развитию конкуренции, искоренению коррупции. В частности, ставка налога на прибыль корпораций была установлена на уровне 12,5%, вновь созданные предприятия на несколько лет освобождались от уплаты налогов, для них предусматривались различные льготы. После формирования в 1992 г. единого европейского рынка ирландское государство в рамках реализации новой и существенно более жесткой антимонопольной политики создало Агентство по конкуренции и, позднее, еще несколько специализированных регулирующих органов, ответственных за пресечение любых попыток ограничения конкуренции в экономике. В 1990-е гг. правительство провело ряд показательных расследований случаев коррупции, добившись почти полного ее искоренения, и предприняло значительные усилия к повышению прозрачности и ответственности организаций, действующих в частном и государственном секторах, что оказалось весьма важным для нормального функционирования либерально-демократического рыночного хозяйства. В результате, уже во второй половине 1990-х гг. в мире заговорили о «кельтском чуде», и Ирландию, по аналогии со странами Юго-Восточной Азии, стали называть «кельтским тигром».

К концу XX – началу XXI вв. Ирландия превратилась в одну из наиболее динамично развивающихся стран мира и по темпам экономического роста занимала лидирующие позиции в ЕС: ее ВВП в 1994-2000 гг. рос в среднем на 8% в год, а в 1994-2007 гг. – на 6 % в год. В 2001-2002 гг. страна несколько пострадала от мирового экономического спада, затронувшего главным образом высокотехнологичные экспортные отрасли, однако этот спад не перерос в полноценный кризис, конъюнктура на мировых рынках быстро восстановилась, и единственным последствием спада для Ирландии стало снижение темпов ее экономического роста. К 2005 г. Ирландия по показателю ВВП на душу населения заняла 4 место в мире, уступив лишь Люксембургу, США и Норвегии, а среди стран ЕС в 2007 г. стояла на 8-ом месте по величине национальной экономики. В целом, в

2007 г. – последнем благополучном году перед кризисом – экономика Ирландии находилась в очень хорошем состоянии, о чем свидетельствовали практически все макроэкономические показатели. ВВП в текущих ценах вырос по сравнению с предыдущим годом на 6,2%, а ВВП в текущих ценах – на 5%, расходы домашних хозяйств увеличились на 9,6%, был зафиксирован прирост экспорта на 8,3% и импорта на 9,5%.

Ситуация с занятостью, благодаря растущему спросу на рабочую силу, реализации специальных государственных программ на рынке труда и ужесточению контроля за выдачей пособий по безработице на протяжении всех предкризисных лет стабильно улучшалась. К 2007 г. уровень безработицы снизился с 14,8% в 1994 г. до 4,6%, причем долгосрочная безработица за этот период сократилась с 9,0% до 1,3% (более чем с 60% до приблизительно 29% от общего числа безработных). Впервые в новейшей истории Ирландия стала испытывать нехватку рабочей силы, которую не удавалось восполнить даже за счет пришедшего на смену традиционной для этой страны эмиграции массового притока иммигрантов. Как следствие, в Ирландии отмечался устойчивый рост заработной платы, а установленный правительством уровень минимальной заработной платы оказался одним из самых высоких среди стран-членов ЕС (8,65 евро в час). Соответственно, и уровень жизни ирландцев накануне кризиса был весьма высок. Если в 1990 г. он составлял приблизительно 65% от среднего для ЕС уровня, то в 2000 г. сравнялся с ним, а в 2007 г. уже значительно превышал его. Совокупные расходы домашних хозяйств в 2007 г. достигли 90010 млн евро. Норма сбережений домашних хозяйств к 2007 г. равнялась 2,3%, постепенно сократившись на протяжении последнего десятилетия с максимальных 9,5% в 1996 г. На 10% самых богатых домашних хозяйств приходилось чуть больше 27% доходов, а на 10% беднейших – около 3%, и это соотношение практически не менялось с 1970-х гг.⁶²

Состояние государственных финансов Ирландии накануне кризиса также не внушало опасений: с 1997 г. бюджет страны имел положительное сальдо (за исключением 2002 г., когда был зафиксирован дефицит в размере 462 млн евро (0,4% ВВП)), которое в 2007 г. равнялось 554 млн евро (0,2% ВВП). Государственный долг Ирландии, еще в 1990 г. достигавший 94% от ВВП, в дальнейшем непрерывно сокращался и в 2007 г. составлял чуть более 25% ВВП⁶³.

Причины, породившие «кельтское чудо», многообразны: рациональное использование поступающих из фондов Евросоюза трансфертов, продуманная региональная политика, государственное стимулирование развития предпринимательства посредством предоставления вновь создаваемым компаниям различным льгот, широкое распространение различных программ подготовки и переподготовки специалистов для наиболее перспективных отраслей экономики, поддержка государством проведения НИОКР и создания и внедрения в производство инновационных продуктов и т.д. Однако, несомненно, важнейшей из причин являются поступившие в Ирландию прямые иностранные инвестиции (ПИИ). ПИИ в Ирландии представлены преимущественно капиталом крупных транснациональных корпораций США, которые, с одной стороны, рассматривали эту страну как удобный плацдарм для проникновения на рынки европейских стран, особенно после вступления Ирландии в ЕС, а, с другой стороны, могли нанимать здесь высококвалифицированную и сравнительно дешевую в те времена рабочую силу, пользоваться преимуществами быстро развивающейся физической инфраструктуры, сотрудничать с местными эффективно работающими научными центрами и рассчитывать на весьма либеральный режим налогообложения.

⁶² Материалы Центрального статистического бюро Ирландии за разные годы (<http://www.cso.ie>).

⁶³ Интерактивные таблицы Евростата (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

Благодаря ПИИ в Ирландии получили развитие новейшие высокотехнологичные отрасли промышленного производства и услуг и определилась международная специализация страны: продукция фармацевтики (включая и биофармацевтику), медицинское оборудование, компьютеры, компьютерные и электронные компоненты, телекоммуникационное оборудование, информационные технологии, программное обеспечение и тиражирование компьютерных программ, аудио- и видеозаписей. Хотя активное проникновение иностранного капитала в Ирландию началось еще в 1960-х гг., когда на эту страну обратили внимание американские ТНК, бум инвестирования пришелся на конец 1990 – начало 2000-х гг. В период 1998-2007 гг. накопленные ПИИ увеличились с 53315 до 131411 млн евро. Максимальный объем накопленных ПИИ был зафиксирован в 2003 г. (176435 млн евро), после чего начал плавно снижаться⁶⁴. В 2007 г. накопленные ПИИ составляли 81,2% ВВП – самый высокий в Европе показатель при его среднем значении в ЕС 38%. Перед кризисом в Ирландии было зарегистрировано более 1000 зарубежных компаний. На принадлежащие иностранцам предприятия приходилось около половины занятых в промышленности и почти 90% совокупного объема промышленного производства (в новейших отраслях – практически весь объем производства). При этом, 94% продукции, произведенной иностранными компаниями, шло на экспорт, тогда как у национальных ирландских фирм этот показатель равен всего лишь 33%. Именно благодаря действующим в Ирландии иностранным ТНК производительность труда в стране росла в среднем на 3,3% в год, позволяя ей сохранять свою конкурентоспособность на мировом рынке.

Таким образом, в 2007 г. социально-экономическое положение в Ирландии казалось вполне благополучным. Однако начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, быстро переросший в кризис экономический, показал всю хрупкость и уязвимость ирландской национальной экономики перед глобальными потрясениями. Ирландия первой из стран еврозоны вошла в кризис и пострадала от него гораздо сильнее большинства других стран ЕС. Масштабы нанесенного кризисом ущерба показаны в таблице (приводятся изменения показателей к предыдущему году в %, если не указано иное).

Уже в 2008 г. ВВП упал на 5,2% и продолжал сокращаться вплоть до 2013 г., хотя после 2009 г. темпы падения постепенно замедлялись и в 2013 г. экономика практически стабилизировалась (–0,3% ВВП), а в 2014 г. начала довольно уверенно расти (на 4,8% по сравнению с предыдущим годом). В Ирландии также отмечались происходившее на протяжении 5 лет весьма значительное снижение объемов инвестиций в национальную экономику, стремительный рост безработицы (до максимального уровня в 15%), уменьшение объемов экспорта и импорта и очень существенное ухудшение большинства других социально-экономических показателей. В конце самого тяжелого для ирландской экономики 2009 г. аналитики страны осторожно прогнозировали возобновление экономического роста в 2011 г., однако их прогнозы оказались излишне оптимистичными: в реальности восстановление национального хозяйства шло гораздо медленнее.

Столь разрушительное и затяжное воздействие кризиса на ирландскую экономику объясняется целым рядом факторов как внутреннего, так и внешнего характера, многие из которых относятся к категории долгосрочных. Прежде всего, следует отметить чрезвычайно высокую зависимость Ирландии от внешних рынков и притока ПИИ. Экономический спад в США, которые являются основным поставщиком ПИИ в Ирландию и вторым по значению после Великобритании ее торговым партнером, крайне болезненно отразился на притоке новых ПИИ и

⁶⁴ World Investment Report 2012. Web table 3 (<http://www.unctad.org>); EU direct investment positions, breakdown by country and economic activity (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

внешней торговле страны и привел к одномоментному сокращению представленными в стране американскими (и не только) ТНК объемов производства, падению экспорта товаров и услуг, масштабному выводу прибылей и оттоку средств, размещенных на счетах в ирландских банках. Например, единственная присутствующая в Ирландии крупная российская ТНК «Русал» во время наиболее острой фазы мирового кризиса сократила производство на принадлежащем ей алюминиевом заводе на 37%, однако менее чем за год восстановила докризисный объем выпуска благодаря позитивным изменениям в спросе и ценах на алюминий на мировом рынке.

Таблица. Динамика основных макроэкономических показателей Ирландии.

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011
ВВП (в текущих ценах)	6,2	– 5,2	– 9,8	– 3,0	1,6
ВНП (в текущих ценах)	5,0	– 5,3	– 13,4	– 2,0	– 2,4
Расходы домашних хозяйств	9,6	1,5	– 11,7	– 1,3	– 0,9
Инвестиции	0,2	– 18,7	– 34,9	– 26,8	– 14,0
Экспорт	8,3	– 1,4	– 2,5	7,8	5,7
Импорт	9,5	– 1,1	– 10,1	6,6	2,8
Индекс потребительских цен	4,9	4,1	– 4,5	– 1,0	2,6
Заработная плата	3,5	3,5	– 2,0	– 1,9	– 1,5
Число безработных (тыс.)	107,5	131	275	305,1	317,4
Уровень безработицы (в %)	4,6	6,4	12,0	13,8	14,6
Сальдо государственного бюджета (в % от ВВП)	0,2	– 7,3	– 11,8	– 31,2	– 13,1
Государственный долг (в % от ВВП)	25,1	44,2	65,2	79,75	108,2

Источник: Материалы Центрального статистического бюро Ирландии (<http://www.cso.ie>).

Последствия мирового кризиса для страны могли бы оказаться значительно мягче, если бы не тот факт, что уже с середины 2000-х в экономике Ирландии начали постепенно накапливаться более фундаментальные проблемы, вышедшие на поверхность в трудные времена и ставшие катализаторами ухудшения ситуации. Прежде всего, к таким проблемам относится уже возникшая, хотя еще и не набравшая силы тенденция к снижению конкурентоспособности Ирландии на рынке ПИИ не только в сравнении с Китаем и Индией, но и со многими странами Центральной и Восточной Европы. В таких аспектах привлекательности для иностранных инвесторов, как соотношение «цена–качество» рабочей силы, уровень и темпы развития физической инфраструктуры, ставка налога на прибыль корпораций в сравнении с другими странами, величина расходов на НИОКР в % от ВВП, Ирландия в последние годы медленно, но верно сдавала свои позиции. Первые тревожные сигналы поступили в 2004-2006 гг., когда в стране было зарегистрировано падение объема накопленных ПИИ, а ряд крупнейших ТНК начали сокращать свое присутствие в Ирландии либо вообще уходили в другие регионы.

Еще одной проблемой для ирландской экономики, по мнению многих экономистов, являлся имевший место в последние годы непрерывный и быстрый рост государственных расходов, прекратившийся только с наступлением кризиса. Необходимость постоянного увеличения государственных затрат на строительство инфраструктурных объектов не вызывала сомнений, однако социальные расходы государства, в основном на системы образования и здравоохранения, а также на выплату различных пособий населению, подвергались критике не только за то, что они казались чрезмерно завышенными, но и, главным образом, за то, что были весьма неэффективными. Кризис потребовал существенного пересмотра бюджетной политики в сторону резкого сокращения и показал, что проведение кардинальных реформ здравоохранения и образования стало неизбежным.

Третья проблема заключалась в характере роста занятости в Ирландии, особенно с начала 2000-х гг. До наступления кризиса строительная индустрия по темпам роста численности занятых в ней заметно опережала все другие отрасли, хотя хорошо известно, что именно этот сектор, особенно строительство жилья, является одним из самых чувствительных к циклическим колебаниям. Естественно, эта и смежные с ней отрасли, резко «сжавшись» с началом кризиса, внесли весьма существенный вклад в рост безработицы в стране.

Начало кризиса в Ирландии, как и в США и ряде других стран, внешне выглядело как масштабный сбой в функционировании механизма взаимодействия между банками, ипотечными заемщиками и строительной отраслью, вызвавший серьезные затруднения в банковской и, в более широком смысле, финансовой системе страны. Бум в ирландской индустрии жилищного строительства продолжался с 1999 г., когда Ирландия вошла в еврозону. Стремительному расширению строительства жилья способствовал приток иммигрантов, а переход на евро означал, что процентные ставки теперь устанавливались Европейским центральным банком (ЕЦБ); как следствие, заемные деньги в Ирландии внезапно оказались гораздо дешевле, чем прежде. Банки охотно выдавали ипотечные кредиты населению и секьюритизировали их, финансировали строительные компании под залог земельных участков и строящегося жилья и в огромных объемах заимствовали средства для такого финансирования на внешних рынках. Правительство, со своей стороны, стало при составлении бюджетов все больше полагаться на доходы от налогов, связанных с недвижимостью. В предкризисные годы цены на жилье в Ирландии росли быстрее, чем в какой-либо другой стране Евросоюза, и индустрия жилищного строительства стала рассматриваться в качестве одного из «локомотивов» национальной экономики. В результате, ирландский рынок жилья оказался сильно «перегретым». С наступлением кризиса спрос на жилье резко упал, а сама недвижимость начала стремительно дешеветь. Многие строительные компании оказались не в состоянии расплачиваться по долгам, а служившая обеспечением кредитов недвижимость, обесценившись в среднем на 50-60%, а в ряде случаев в десятки раз, уже не покрывала сумму задолженности. В результате, у ирландских банков возникли проблемы с ликвидностью, пополнить которую из внешних источников в условиях кризиса не удавалось. Банковская система Ирландии оказалась на грани коллапса.

Вместе с тем, падение спроса на недвижимость и, соответственно, уменьшение объемов производства и численности занятых в строительстве и смежных с ним отраслях было в значительной степени спровоцировано распространением кризисных явлений в экономике США на мировое хозяйство в целом, приведшем к ухудшению конъюнктуры на мировом рынке. Ориентированные на экспорт отрасли ирландской экономики, представленные преимущественно предприятиями с участием иностранного капитала, вполне предсказуемо

отреагировали на падение мирового спроса сокращением объемов производства, увольнением оказавшегося избыточным персонала и «замораживанием» или даже прямым либо завуалированным (например, за счет перевода работников на неполную рабочую неделю) урезанием заработной платы. В результате, платежеспособность домашних хозяйств начала падать, что, в первую очередь, отразилось на состоянии рынка жилья и ипотечных платежах банкам, а затем повлекло за собой сокращение совокупного внутреннего спроса (т.е., распространение спада на отрасли, обслуживающие внутренний рынок). Традиционные отрасли, работающие на внутренний рынок, в силу его ограниченности по определению не могли компенсировать спад в экспортных отраслях и, на фоне падения доходов населения, сами стали «сжиматься». Таким образом, есть веские основания предполагать, что кризис в Ирландию был «импортирован».

Ирландское правительство незамедлительно начало реагировать на кризис, однако никакой заранее продуманной антикризисной программы в его распоряжении не было, как и не было времени на тщательный анализ причин, породивших кризис, и разработку на его основе комплексного пакета мер противодействия. Кроме того, учитывая, что из-за чрезвычайной открытости ирландской экономики и ее зависимости от прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и мирового рынка кризис в страну был фактически импортирован, правительство могло с той или иной степенью успешности бороться лишь с непосредственными проявлениями кризиса, но не с его глубинными причинами, сформировавшимися за пределами Ирландии.

Поскольку на начальном этапе кризис охватил банки, первоочередная задача правительства заключалась в стабилизации национальной банковской и, в более широком смысле, финансовой системы. Шаги, предпринятые в этом направлении, оригинальностью не отличались и сводились в основном к накачке банков и других финансовых учреждений ликвидностью. Первой мерой правительства стало принятие в конце 2008 г. весьма неоднозначного решения о гарантировании всех вкладов, размещенных в национальных банках. Общая сумма депозитов приближалась к 400 млрд евро, то есть фактически равнялась двум ВВП страны, поэтому сразу же возникли сомнения в способности государства выполнить свои обязательства. Тем не менее, эта мера имела краткосрочный положительный эффект: в ирландские банки начали перетекать вклады из британских банков, что позволило ирландским банкам на короткое время восполнить дефицит ликвидности и удержаться на плаву. Затем последовала разработка более долгосрочного плана по спасению финансового сектора, в соответствии с которым все крупнейшие и большинство средних банков получили прямую помощь от государства в виде предоставления им средств из бюджетных фондов на поддержание ликвидности на продолжительный срок и под минимальные проценты.

Не обошлось и без национализации и приобретения государством участия в капитале банков и введения внешнего управления. В частности, правительство было вынуждено национализировать самый проблемный и крупнейший из банков – Англо-ирландский банк (АИБ). Государство, покрывая убытки АИБ, сразу вложило в него 12,3 млрд евро, однако до конца 2010 г. банку потребовалось еще около 10 млрд евро. Перед государством встала дилемма: продолжать спасать АИБ за счет бюджетных средств или ликвидировать его, что обойдется ему еще дороже. В результате, в конце 2009 г. банк был национализирован, а попытки спасти его обошлись бюджету страны в общей сложности в 35 млрд евро. Впоследствии АИБ разделили на две банковских структуры и, в конце концов, ликвидировали. До национализации второго по величине национального банка – Банка Ирландии – дело не дошло, поскольку он продемонстрировал высокую устойчивость в кризис и

показал за 2009 и 2010 г.г. наименьшие, по сравнению с другими крупными банками, убытки. Однако доля государства в капитале этого банка возросла с 5 до 16%.

Некоторые банки подверглись реорганизации и под давлением правительства были вынуждены частично или полностью избавиться от своих зарубежных филиальных сетей. В ряде банков и других крупных финансовых учреждениях (страховых компаниях, строительных обществах и фондах доверительного управления) государство назначило внешних управляющих, призванных провести их реорганизацию и избавиться от непрофильных активов. В частности, под предлогом защиты интересов держателей полисов было введено внешнее управление в крупнейшей ирландской страховой компании *Quinn Insurance Ltd.* И национализация, и введение внешнего управления правительство объявило исключительно временными мерами.

Наконец, было создано Национальное агентство по управлению активами (NAMA). Схема работы агентства такова: оно за счет государственных средств выкупает у банков несколькими траншами «плохие» долги и секьюритизирует их, выпуская среднесрочные и долгосрочные облигации. Долги выкупаются с большим дисконтом (например, первый транш был выкуплен с дисконтом почти 50%). Объем выделенных NAMA на эти цели средств изначально составлял 50 млрд. евро, но впоследствии был увеличен до 100 млрд. евро⁶⁵.

Спасение финансовой системы пробило гигантскую брешь в бюджете страны, поэтому неизбежным стало проведение строгой бюджетной политики, направленной на увеличение доходной части бюджета и сокращение ее расходной части. Правительство оперативно разработало и приняло рассчитанную до 2014 г. Программу стабильности Ирландии. Уже в июле 2008 г. произошла корректировка текущего бюджета: государственные расходы сокращались за счет снижения заработной платы госслужащих во всех секторах и пересмотра финансирования ряда инфраструктурных проектов. Каждый последующий бюджет предусматривал все большее сокращение практически всех статей расходов при одновременном увеличении и введении новой налоговой нагрузки, главным образом, на население. В октябре 2008 г. при рассмотрении бюджета на 2009 г. был принят пакет мер, направленных на увеличение доходов бюджета, среди которых предусматривались введение сбора на доходы (фактически повышение стандартного подоходного налога), новая схема пенсионных отчислений и выплат и увеличение пенсионного возраста (с 65 до 66 лет). Одновременно урезались расходы по большинству статей, однако, под влиянием сложившейся демографической ситуации и ситуации на рынке труда, расходы на здравоохранение, образование и социальное обеспечение подверглись сокращению в наименьшей степени, и даже допускалось их незначительное увеличение. В феврале 2009 г. снова была скорректирована расходная часть бюджета. Наиболее существенной мерой стало снижение пенсий госслужащих и замораживание их заработной платы. В очередной раз в сторону уменьшения пересматривались расходы на инфраструктурные проекты. В апреле 2009 г. был принят дополнительный бюджет на 2009 г., предполагавший увеличение подоходного сбора и отчислений в социальные фонды и на здравоохранение. В бюджет на 2010 г. закладывалась экономия средств в размере 4 млрд евро по сравнению с 2009 г. Предусматривалось дальнейшее урезание расходов на содержание госслужащих: во-первых, уменьшалась их численность, во-вторых, сокращалась их заработная плата в среднем на 6%, а для старших должностных лиц – на 15%, в-третьих, снижались пенсии госслужащих при одновременном увеличении пенсионных отчислений с их зарплат, в-четвертых, ко всем вновь

⁶⁵ Подробнее см. сайт The National Asset Management Agency (<http://www.nama.ie>).

поступившим на госслужбу стала применяться новая, менее выгодная для них, пенсионная схема. Государство на некоторое время отказалось от индексирования заработных плат и пенсий. В июле 2010 г. правительство и руководство профсоюзов государственных служащих подписали соглашение, рассчитанное до 2014 г. Суть его в том, что госслужащие согласились на единовременные сокращения заработных плат и пенсий, а правительство взяло на себя обязательство не ухудшать в дальнейшем условия их труда, т.е. не снижать заработную плату и пенсии, и не осуществлять без крайней необходимости дальнейших сокращений рабочих мест. В итоге, экономия бюджетных средств в 2008 г. составила 440 млн. евро, в 2009 г. – около 1 млрд. евро и в 2010 г. – 4 млрд. евро.

В целом, антикризисная бюджетная политика Ирландии фактически не отличалась от политик, проводимых в других пострадавших от кризиса странах, и ее, возможно, единственной особенностью являлась попытка сохранить в 2009 г. на докризисном уровне расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение, объясняемая сложившейся в стране демографической ситуацией и ситуацией на рынке труда. Однако эта попытка изначально была обречена на неудачу, и в принятом в 2009 г. так называемом дополнительном бюджете самое большое сокращение предусматривалось именно по статьям «здравоохранение» и «образование и наука».

Несмотря на все принятые правительством меры преодоление кризиса в Ирландии затянулось, а в конце осени 2010 г. финансовая и экономическая ситуация в стране резко и довольно неожиданно обострилась. Проблемы у банков сохранялись, и многие из них продолжали балансировать на грани краха. Для стабилизации положения в банковской системе уже предоставленной государством помощи не хватало, поэтому за первые три квартала 2010 г. ирландские банки были вынуждены занять у ЕЦБ не менее 83 млрд евро на поддержание ликвидности и покрытие убытков, которые стремительно нарастали. Кроме того, в Ирландии в целях повышения доверия к банкам был принят закон о повышении нормы собственного резервного капитала на покрытие возможных будущих убытков для кредитных учреждений с 8 до 12% при том, что из-за кризиса она фактически упала у них в среднем до 6%. Пополнить собственный капитал банки могли только за счет государственных вливаний. В целом, спасение банковской системы в 2010 г. обошлось государству в сумму, равную примерно 32% ВВП, и пробило гигантскую брешь в государственных финансах. К тому же, эти колоссальные расходы государству пришлось нести в условиях сокращения налоговых поступлений и увеличения затрат на выплату пособий по безработице в связи с ее резким ростом. В результате, правительство, еще 18 ноября 2010 г. уверенно утверждавшее, что у него достаточно средств для финансирования всех расходов по крайней мере до середины 2011 г., уже 21 ноября 2010 г. было вынуждено обратиться к ЕС и МВФ за помощью. С этого момента страна частично утратила свой экономический и финансовый суверенитет и вплоть до официального выхода в самом конце 2013 г. из программы помощи лишилась возможности проводить самостоятельную бюджетно-финансовую и, в более широком смысле, антикризисную политику, поскольку центр принятия всех важнейших решений в этой сфере переместился в Брюссель, Вашингтон и Франкфурт.

После согласования в кратчайшие сроки с ЕС и МВФ размеров помощи и условий ее предоставления Ирландия получила в общей сложности 85 млрд евро в форме кредитов на срок от 3 до 7,5 лет под среднюю ставку 5,83% годовых, хотя ирландское правительство рассчитывало на меньшую ставку (Греция получила кредиты под 5,2% годовых). 17,5 млрд евро в фонд спасения вложила сама Ирландия, позаимствовав эти средства из государственного резервного фонда и

Национального пенсионного резервного фонда. 22,5 млрд евро предоставил МВФ на срок 3 года. Вклад ЕС составил 45 млн евро. Кроме того, помощь Ирландии в виде двусторонних кредитов предложили Великобритания, Швеция и Дания. Великобритания изначально выразила готовность выделить 500 млн ф. ст., затем увеличила сумму до 3.2 млрд ф.ст. и, наконец, в начале декабря 2010 г. парламент Великобритании одобрил предоставление Ирландии кредита в размере 3,87 млрд ф.ст., причем министр финансов сообщил, что, принимая во внимание тесные экономические связи между странами, в будущем эта сумма, при необходимости, может вырасти до 7-8 млрд ф. ст. Ставка кредита установлена в пределах 6% годовых. Из общей суммы помощи 35 млрд евро предназначалось для пополнения собственного капитала ирландских банков, причем 10 млрд евро банки получали немедленно, а 25 млрд евро поступили в специальный фонд, средства из которого перекачивались в банки по мере необходимости. За счет оставшихся 50 млрд евро правительство Ирландии финансировало текущие дефициты бюджета.

В обмен на экстренную помощь ЕС, ЕЦБ и МПФ потребовали от Ирландии немедленного укрепления и оздоровления банковской системы, проведения реформ на рынке труда и, самое главное, соблюдения строжайшей бюджетной дисциплины с тем, чтобы дефицит бюджета к 2015 г. опустился до 3% от ВВП.

Для наведения порядка в банковской сфере в Ирландии в середине декабря 2010 г. был оперативно принят новый Закон о кредитных учреждениях (их стабилизации). Этот закон дает министру финансов, работающему совместно с управляющим Центральным банком Ирландии, весьма обширные полномочия по восстановлению банковской системы, названные представителями финансовых кругов «драконовскими». Согласно закону, правительство, во-первых, получило право заставлять банки предпринимать какие-либо действия или, наоборот, воздерживаться от каких-либо действий в целях поддержки государственной стратегии относительно банковского сектора. Во-вторых, в рамках реструктуризации финансовых учреждений допускается переводить активы (выданные кредиты) и обязательства (размещенные депозиты) банков в другие учреждения, что должно способствовать, с одной стороны, концентрации банковской отрасли, а, с другой стороны, сократить ее размеры. По словам бывшего министра финансов Ирландии Брайана Ленихана, «закон позволяет предпринять действия, необходимые для того, чтобы сделать национальную банковскую систему пропорциональной ирландской экономике и сфокусировать ее на ней»⁶⁶. В-третьих, государство, при необходимости, может назначить внешнего управляющего в любое испытывающее трудности финансовое учреждение, включая кредитные союзы. В число полномочий внешнего управляющего включено право увольнять директоров и иных сотрудников финансового учреждения. В-четвертых, государство получило полномочия разделять убытки банка с субординированными (т.е., привилегированными) держателями его облигаций. В-пятых, в качестве условия предоставления государством помощи финансовому учреждению министр финансов может запретить выплату персоналу премий. В-шестых, изменились правила инвестирования средств, находящихся в Национальном пенсионном резервном фонде. Если раньше эти средства разрешалось вкладывать только в ценные бумаги (акции и облигации) компаний, зарегистрированных на фондовой бирже, то теперь это ограничение оказалось снятым⁶⁷.

⁶⁶ <http://www.finance.gov.ie/news-centre/press-releases/statement-minister-finance-publication-credit-institutions-stabilisation>

⁶⁷ Credit Institutions (Stabilization) Act 2010 (<http://www.irishstatutebook.ie/2010/en/act/pub/0036>).

До принятия закона в Ирландии уже были национализированы три крупнейших финансовых учреждения: Англо-ирландский банк (АИБ), Ирландское общенациональное строительное общество (Irish Nationwide Building Society, INBS) и строительное общество EBS. Самым проблемным из них был АИБ. Новое законодательство дало правительству возможность разделить его на две новые банковские структуры: в одну из них были переданы все вклады и депозиты клиентов, а вторая сосредоточилась на управлении проблемными кредитами, которые достались правительству Ирландии по наследству после национализации банка. В 2011 г. АИБ был объединен с Ирландским общенациональным строительным обществом (INBS) и стал называться Irish Bank Resolution Corp., а в феврале 2013 г. ирландский парламент проголосовал за его ликвидацию. «Плохие» долги банка в конечном итоге перешли к NAMA. Кроме того, опираясь на новый закон, правительство вплотную занялось еще одним входящим в число крупнейших и терпящим бедствие банком – Allied Irish Banks (AIB), который стал очередным национализированным финансовым учреждением. Сейчас государству принадлежит почти 100% акций AIB. В 2009 г. банк получил от государства 3,5 млрд евро помощи, а к 2012 г. сумма вложенных государством в спасение банка средств достигла 13,3 млрд евро. Финансовая поддержка банка осуществлялась преимущественно путем вливания в него средств из Национального пенсионного резервного фонда. Одновременно правительство продало некоторые отделения банка, в частности, First Trust в Северной Ирландии и отделение в Польше за 4 млрд евро, а также долю участия в американском банке M&T. В целом, новый закон, по мнению аналитиков, стал в руках правительства инструментом, позволяющим справиться с проблемами не отдельных банков, а банковской системы в целом. Он получил полную поддержку в Европейской комиссии; его принятие рассматривалось как важный шаг в направлении преодоления кризиса.

Выполняя условия предоставления международной помощи, ирландское правительство было вынуждено пойти на чрезвычайно жесткие меры по экономии бюджетных средств. За три года удалось сэкономить 13,3 млрд. евро бюджетных средств (6 млрд. евро в 2011 г., 3,8 млрд. евро в 2012 г. и 3,5 млрд. евро в 2013 г.). Экономия была достигнута как за счет сокращения расходной части бюджета, так и за счет увеличения доходов. Основную часть мер по сокращению бюджетного дефицита (40%, или 6 млрд евро) правительство реализовало уже в 2011 г.

Прежде всего, правительство на 2,8 млрд евро сократило расходы на социальное обеспечение, в результате чего они к 2014 г. вернулись на уровень 2007 г. Сокращения затронули преимущественно расходы на социальное обеспечение населения, находящегося в трудоспособном возрасте. Бывший министр финансов Брайан Ленихан, при котором принимался план снижения бюджетного дефицита, объяснял, что эти расходы в настоящее время в 2 раза выше по сравнению с 2000 г., и все это время они росли благодаря тому, что государство в период процветания получало очень большие доходы в виде налогов, связанных с недвижимостью. Во время кризиса ситуация кардинально поменялась, поэтому государство больше не в состоянии нести такие расходы. Как следствие, минимальная заработная плата в стране уменьшилась с 8,65 до 7,65 евро в час (на 13%), что автоматически привело к экономии на выплате пособий по безработице, которые к ней привязаны. Кроме того, у некоторых категорий бюджетных работников заработная плата тоже исчисляется на базе минимальной ставки оплаты труда, и, соответственно, расходы государства на нее также снизились. Кроме того, произошло прямое сокращение заработной платы госслужащих не менее чем на 5%, а заработная плата вновь поступающих на государственную службу была установлена на уровне на 10% ниже, чем у тех, кто уже работает в бюджетной сфере. Еще одной мерой экономии явилось введение

потолка заработной платы госслужащих на уровне 250000 евро в год. Заработная плата премьер-министра снизилась более чем на 14000 евро в год, а министров – более чем на 10000 евро в год. В дополнение к этому, была осуществлена ликвидация 24750 рабочих мест в государственном секторе, что позволило правительству к 2014 г. сократить расходы на оплату труда государственных служащих на 1,2 млрд евро. Пенсии по старости формально изменений не претерпели, однако, в связи со снижением заработной платы в госсекторе, его работники, уходявшие на пенсию после 2012 г., столкнулись с неизбежным сокращением пенсионных выплат приблизительно на 4%. Еще одним шагом к экономии бюджетных средств стало уменьшение детских пособий. Они снизились на 16 евро в месяц и с 2011 г. равнялись 140 евро на первого ребенка и 187 евро на второго и последующих детей⁶⁸. Расходы на образование и здравоохранение в целом остались прежними, поскольку они уже подвергались сокращению в 2009 и – особенно – в 2010 гг., однако государство зарезервировало за собой право в случае необходимости их вновь снизить.

Самое пристальное внимание правительство уделило пересмотру доходной части бюджета. Естественно, основным источником поступлений в бюджет являются прямые и косвенные налоги, поэтому в системе налогообложения произошли значительные изменения. Масштабная реформа охватила систему обложения подоходным налогом. В 2011 г. заметно снизился размер минимального дохода, не облагаемого подоходным налогом, поскольку к 2011г. ситуация была такова, что около 45% трудоспособного населения страны на законных основаниях этот налог не платили. В результате реформы примерно 50% тех, кто ранее подоходный налог не платил, пришлось его платить. Такое расширение налогооблагаемой базы принесло в казну за 4 года 1,9 млрд евро. Кроме того, в бюджете на 2011 г. были заложены отмена либо существенное ограничение многочисленных налоговых льгот и скидок. При этом максимальная ставка подоходного налога сохранилась на прежнем уровне – 52%.

Из других налоговых мер следует отметить повышение с 2013 г. НДС с 21 до 22% и до 24% в 2014 г., введение особого налога на недвижимость – налога на «стоимость места» – в размере 200 евро в год, который сейчас платят практически все домовладельцы, установление налога на выбросы парниковых газов в размере 15 евро за 1 тонну углекислого газа, увеличение акциза на автомобильное топливо до 4 центов за литр. Очень характерным для Ирландии является то, что даже в трудные времена правительство отказалось повышать ставку налога на прибыль корпораций, равную 12.5%, несмотря на давление со стороны других стран еврозоны. Согласно оценкам ОЭСР, увеличение ставки налога на прибыль корпораций на 1% ведет к уменьшению притока ПИИ на 3.7% и, как следствие, снижению занятости. По этой причине ирландское правительство продолжает рассматривать сохранение низкой ставки этого налога как краеугольный камень своей промышленной политики и важнейший компонент поддержания конкурентоспособности страны. Не отказалось государство и от трехлетнего освобождения новых компаний от уплаты налога на прибыль.

Что касается выполнения третьего условия оказания Ирландии помощи, выдвинутого ЕС и МВФ, – осуществления реформ на рынке труда, – то здесь ирландское правительство конкретных планов не обнародовало, ограничившись заявлением о том, что реформы будут проводиться и в ближайшие несколько лет, по мере улучшения экономической ситуации в стране, приведут к созданию не менее 150000 рабочих мест. Правительство продолжает рассчитывать на то, что новые

⁶⁸ Irish Republic's austerity plan: Key points at-a-glance (<http://www.bbc.com/news/business-11831935>).

рабочие места возникнут благодаря новым ПИИ, притоку туристов и увеличению экспорта.

15 декабря 2013 г. страна официально вышла из программы внешней финансовой помощи, восстановила свой финансовый и бюджетный суверенитет и продолжила свое возвращение на траекторию экономического роста. Тем не менее, тенденция предшествующих лет сохранилась и в принятом в октябре 2013 г. бюджете на 2014 г. Планировалась экономия в размере 2,5 млрд. евро, которая будет достигнута за счет продолжающегося сокращения расходов и повышения отдельных налогов, преимущественно акцизов, без каких-либо серьезных изменений в налоговой системе и системе социального обеспечения. Вместе с тем, в бюджете на 2014 г. появились первые признаки ослабления режима жесткой экономии: во-первых, сама сумма предполагаемой экономии оказалась заметно меньше по сравнению с предыдущими годами, а во-вторых, в бюджете впервые за последние годы был предусмотрен пакет специальных мер по стимулированию занятости стоимостью 500 млн. евро. Бывший в то время министром финансов страны Майкл Нунан осторожно предположил, что уже в следующем бюджете (на 2015 г.) может быть предусмотрено сокращение подоходного налога для определенных групп населения. По его словам, «создание дополнительных рабочих мест является абсолютным приоритетом для правительства, и если – при наличии ресурсов – сокращение подоходного налога для определенных групп в экономике создает или сохраняет рабочие места, мы пойдем на него». В бюджетах на 2015 и 2016 г. движение в направлении ослабления режима жесткой экономии продолжилось.

Действия МВФ, Европейской комиссии и ЕЦБ позволили стабилизировать финансы Ирландии, заставили государство сократить бюджетный дефицит до почти 5% в 2014 г. и провести радикальное оздоровление банковского сектора, подтолкнули правительство к реформированию здравоохранения и пенсионной системы. В случае с Ирландией вмешательство «тройки» оказалось успешным в смысле достижения конкретных целей восстановления финансовой стабильности, суверенной платежеспособности и закладки основ для возвращения страны к устойчивому развитию. Однако еще не покинувший страну окончательно кризис требует тщательного осмысления и анализа с целью понять, что может сделать государство, чтобы подготовиться к новому кризису и если не избежать, то хотя бы смягчить его. Сейчас академическая, политическая и бюрократическая мысль в Ирландии движется в трех основных направлениях. Прежде всего, подробно анализируются меры строжайшей бюджетной экономии, рекомендуемые Еврокомиссией и МВФ всем столкнувшимся с кризисными явлениями странам без исключения, и особенно их последствия для национальной экономики. С одной стороны, очевидно, что, имея ограниченные финансовые ресурсы и сокращающиеся в периоды кризисов возможности для их заимствования из внешних источников, государство обязано заботиться об увеличении наполнения бюджета и сокращении и перераспределении расходов между статьями. С другой стороны, течение кризиса в Ирландии показало, что чрезмерное сокращение бюджетных расходов и увеличение доходов путем повышения существующих и введения новых налогов и сборов в малой ориентированной на экспорт стране, где довольно велика относительная доля населения, полностью или частично зависящая от доходов, получаемых от государства (госслужащие всех категорий, пенсионеры, безработные, инвалиды, семьи с детьми и т.д.), неизбежно ведет к весьма ощутимому падению совокупного внутреннего спроса и, как следствие, к стагнации или снижению объемов производства в отраслях, обслуживающих внутренний рынок. В результате, происходит искусственная консервация кризиса. Таким образом, перед государством стоит задача определения оптимальных пределов манипулирования бюджетом.

Второе направление – приведение банковской системы в соответствие с реальными потребностями национальной экономики и установление со стороны государства плотного контроля над банками и финансовым сектором в целом, исключающего формирование и накопление специфически финансовых причин развития кризиса. Важным шагом в этом направлении уже стал принятый в декабре 2010 г. Закон о кредитных учреждениях, который наделил министра финансов, работающего совместно с управляющим Центральным банком Ирландии, весьма обширными полномочиями по вмешательству в деятельность отдельных банков и всей банковской системы. Однако требуется разработка дополнительных механизмов регулирования банковского сектора уже не во время кризиса, а в периоды нормального функционирования экономики. В частности, речь идет о довольно жестком контроле над заимствованиями банков на внешних рынках капиталов.

Третья проблема – самая сложная – заключается в чрезвычайно высокой степени открытости ирландской экономики. Зависимость от ПИИ ТНК и внешней торговли и неспособность отраслей, ориентированных на внутренний рынок, выступить «локомотивами» роста в чрезвычайных обстоятельствах крайне негативно сказались на течении кризиса и обусловили его затяжной характер. Государство внезапно обнаружило, что у него фактически нет никаких рычагов воздействия на целые сектора экономики, находящиеся под контролем иностранного капитала. Решение проблемы предполагает разработку специальных программ повышения конкурентоспособности страны на глобальных рынках, введение селективного подхода к привлечению иностранных инвестиций, «выращивание» при поддержке государства в наиболее передовых наукоемких отраслях национальных компаний мирового уровня, способных становиться лидерами в узкоспециализированных «нишевых» секторах рынка, создание иных механизмов смягчения воздействия внешних потрясений на экономику страны.

Глава 5. ГРЕЦИЯ

Кризис в Греции, хотя и является частью долгового кризиса ЕС, по многим параметрам выделяется из общеевропейского контекста. Говоря об уникальности сложившейся в этой стране ситуации, эксперты обычно отмечают глубину и продолжительность экономического спада. Начавшаяся в конце 2008 г. и не завершившаяся до сих пор рецессия привела к беспрецедентному не только для Греции, но и для всех стран объединенной Европы сокращению ВВП, объем которого к началу 2016 г. снизился почти на 27% по сравнению с докризисным уровнем. За это время Греция несколько раз оказывалась на грани дефолта, которого удавалось избежать исключительно благодаря программам финансовой поддержки со стороны Евросоюза и МВФ. Однако рефинансирование госдолга при участии международных институтов было обусловлено проведением ограничительной бюджетно-налоговой политики, которая во многом и предопределила затяжной характер рецессии.

Вместе с тем кризис в Греции нельзя сводить исключительно к ситуации в экономике и финансах. Этот кризис является комплексным, затрагивающим все сферы греческой жизни: социальную, политическую, культурную и пр. Для миллионов граждан экономические катаклизмы означали быстрое падение жизненных стандартов, взрывной рост безработицы, нарастание негативных тенденций в системах образования и здравоохранения. Также они стали ключевым фактором снижения и без того низких показателей рождаемости и сползания страны в демографический кризис. Социальные потрясения привели к усилению протестного движения, многочисленным митингам и демонстрациям, которые неоднократно сопровождались уличными беспорядками. Дезориентацией греческого общества, его недоверием к старым политическим партиям и движениям и растущей разочарованностью в результатах европейской интеграции не преминули воспользоваться ранее находившиеся на обочине политического процесса радикальные и популистские партии, которые стали получать все больше голосов избирателей. За годы кризиса греческая партийно-политическая система пережила коренную трансформацию, увенчавшуюся приходом к власти левой партии СИРИЗА. Фактически Греция попала в замкнутый круг, когда экономические неурядицы ведут к политической дестабилизации, которая, в свою очередь, препятствует экономическому восстановлению. Наконец, в 2015–2016 гг. Греция столкнулась с миграционным кризисом, спровоцированным гражданскими конфликтами в странах Ближнего Востока и Северной Африки, который она встретила совершенно неподготовленной из-за проблем в экономике и отсутствия работающих институтов по приему и адаптации мигрантов.

Значение кризиса в Греции, однако, выходит далеко за рамки одной страны. Проблемы с рефинансированием греческого госдолга быстро распространились на другие страны Евросоюза, в первую очередь Ирландию и государства Южной Европы — Португалию, Испанию и Италию, которым из-за быстрого роста ставок по облигациям государственного займа становилось все тяжелее привлекать средства на коммерческих условиях. Еще одной страной, которая «импортировала» кризис из Греции, стала Республика Кипр, где в 2013 г. ведущие банки оказались на грани банкротства из-за неудачных вложений в греческие облигации. Необходимость преодоления возникшего кризиса доверия инвесторов к экономике этих стран заставила Евросоюз начать глубокие институциональные преобразования. Среди них — создание новых инструментов и механизмов, при помощи которых проблемные страны получают льготные кредиты (Европейский фонд финансовой

стабильности и Европейский механизм финансовой стабилизации, позже объединенные в Европейский стабилизационный механизм), ужесточение банковского контроля, расширение полномочий ЕЦБ, запустившего программу количественного смягчения за счет выкупа облигаций на вторичном рынке. На Кипре для противодействия кризису впервые в истории ЕС была апробирована схема bail-in, то есть санации банков за счет средств самих вкладчиков, которая, возможно (хотя это и отрицается европейскими чиновниками), в случае обострения ситуации в банковской сфере будет использована в других странах, включая Грецию.

Таблица 1. Основные показатели экономического и социального развития Греции в годы кризиса (в сравнении со средними значениями по ЕС)

Показатели	2008		2014	
	Греция	ЕС	Греция	ЕС
ВВП на душу населения, евро (в текущих ценах)	31 161	33 237	26 795	36 920
Государственный долг, % от ВВП	117,4	57,8	179,8	86,8
Сальдо государственного бюджета, % от ВВП	-10,2	-2,5	-3,6	-3,0
Экспорт товаров, % от уровня 2005 г.	98,6	100,9	121,4	116,1
Импорт товаров, % от уровня 2005 г.	127,1	105,1	89,0	100,1
Сальдо счета текущих операций, % от ВВП	-14,4	-1,3	-2,1	1,7
Инвестиции в основной капитал, % от ВВП (в текущих ценах)	23,8	22,6	12,0	19,3
Уровень безработицы, %	7,7	7,0	26,5	10,2
Безработица среди молодежи (в возрасте до 25 лет), %	22,1	21,9	58,3	52,4
Граждане, находящиеся в зоне риска бедности, %	28,1	23,7	36,0	24,4
Коэффициент рождаемости*	1,47	1,6	1,3	1,52

Источник: составлено по данным ОЭСР и Евростата

* приведены данные за 2013 г.

Столкнувшись с угрозой государственных дефолтов и перспективой распада еврозоны, руководство Евросоюза сделало выбор в пользу усиления взаимодействия в финансовой сфере, что привело к углублению европейской интеграции, но при этом вызвало ожесточенные дискуссии вокруг сузившегося национального суверенитета стран — членов ЕС, которые делегируют все больше полномочий на наднациональный уровень. На фоне этих дискуссий в ряде европейских государств появились влиятельные политические силы, выступающие или за поиск такого формата развития ЕС, который бы в большей степени отвечал

их национальным интересам, или вообще за отказ от евроинтеграции. В этом процессе Греция также сыграла значительную роль, ведь именно в этой стране раньше, чем где бы то ни было, одержали победу радикальные политические партии, потребовавшие коренного пересмотра основанной на неолиберальных принципах экономической политики ЕС. И пример Греции оказался заразителен: в настоящее время левые партии и движения все активнее действуют во многих странах ЕС (в том числе в крупнейших государствах еврозоны — Германии, Франции и Испании), бросая вызов современному экономическому и политическому устройству Евросоюза.

Причины, характер и последствия греческого долгового кризиса вызывают значительный интерес со стороны как научного и экспертного сообщества, так и СМИ, для которых освещение связанных с Грецией событий на несколько лет стало одной из главных новостных тем. При всем различии подходов авторов и качества предлагаемого ими анализа, все работы, посвященные кризису в этой стране, можно условно разделить на два блока. Первый из них — это те исследования, в которых в качестве главного фактора кризиса рассматриваются негативные последствия европейской интеграции, в первую очередь перехода к единой валюте, к которому Греция оказалась неподготовленной⁶⁹. Одним из наиболее ярких выразителей идеи, что всему виной введение евро, лишившее присоединившиеся к ЭВС страны возможности девальвировать национальные валюты и тем самым повышать конкурентоспособность экономики в кризисных условиях, является П. Кругман, опубликовавший множество заметок на эту тему⁷⁰. Второй блок работ объединяет публикации, в которых доказывается, что греческий кризис вызван преимущественно внутренними причинами, связанными со своеобразием исторически сложившейся национальной модели, причем не столько экономической, сколько общественно-политической, которая является ключевым препятствием для нормального экономического развития⁷¹. С нашей точки зрения, эти два взгляда на природу греческого кризиса не противоречат друг другу, и главная проблема, стоящая сейчас перед специалистами, состоит в том, чтобы оценить удельный вес внешних и внутренних причин переживаемых Грецией экономических бедствий, ведь без этого невозможно определить, какие меры необходимо принять в первую очередь для перехода страны к устойчивому росту.

Специфика греческой модели

Начиная с 1830 г., когда Греция получила независимость от Османской империи, основным содержанием ее истории стало догоняющее развитие, то есть стремление ускоренными темпами преодолеть глубокое отставание от более развитых стран Западной Европы (как с точки зрения прогресса в экономике, так и в сфере развития социальных и политических институтов).

Третья четверть XX в. ознаменовалась большими успехами в области экономической модернизации: в стране наблюдались рекордные темпы роста ВВП, фактически с нуля были созданы новые отрасли экономики (прежде всего туризм и

⁶⁹ Среди работ российских авторов см.: Буторина О.В. Еврозона: гравитация против конвергенции? // Большая Европа: идеи, реальность, перспективы» под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 186–205; Бешенов С., Размаинский И. Гипотеза финансовой нестабильности. Хаймана Мински и долговой кризис в Греции // Вопросы экономики. 2015. № 11. С. 120–143.

⁷⁰ См., например: Krugman P. Europe's Many Economic Disasters. The New York Times. July 3, 2015.

⁷¹ См., например: Mitsopoulos M., Pelagidis T. Understanding the Crisis in Greece. From Boom to Bust. Palgrave Macmillan, 2011, 268 p.; Mihalakas N. The Real Cause of the Greek Sovereign Debt Crisis. Diplomatic Courier. March 1, 2012. URL: www.diplomaticcourier.com/the-real-cause-of-the-greek-sovereign-debt-crisis.

химическая промышленность), осуществлены масштабные инфраструктурные проекты. Экономический рост (в период с 1950 по 1973 г. ВВП страны ежегодно увеличивался более чем на 6%), стимулировавшийся американской помощью по плану Маршалла, а также значительными прямыми капиталовложениями иностранных компаний, заставил многих специалистов заговорить о «греческом экономическом чуде». Однако в самой Греции в общественном сознании этот временной промежуток ассоциировался не столько с экономическими успехами, сколько с незавершенностью демократических преобразований, недофинансированием социальной сферы, высоким имущественным расслоением. В Греции сохранялась монархия с большими полномочиями короля, у власти находились консервативные правительства. Умеренно левые силы были выведены на обочину политического процесса, а компартия и вовсе оставалась вне закона. Главным бенефициаром послевоенного процветания стал крупный бизнес, в то время как большинство было вынуждено довольствоваться относительно низкими доходами, что в случае ухудшения экономической ситуации создавало угрозу социального взрыва.

Социальные диспропорции в Греции усугублялись крайне непростой политической ситуацией: даже спустя несколько десятилетий после окончания гражданской войны (1946–1949 гг.) значительная часть населения придерживалась леворадикальных взглядов и выступала за серьезное обновление политической системы. Переломным моментом как для экономики, так и для политического устройства Греции стал кризис 1973–1974 гг., спровоцировавший первый за четверть века экономический спад, разорение многих частных предприятий, быстрый рост безработицы и массовое недовольство находившейся тогда у власти военной хунтой (режимом «черных полковников»). После падения в 1974 г. диктатуры и проведения демократических реформ в Греции происходит вполне закономерный поворот влево, который выразился во взлете популярности Всегреческого социалистического движения (ПАСОК). Достаточно быстро социалисты утвердились в роли главной оппозиционной партии, а в 1981 г. победили на выборах и сформировали правительство во главе с Андреасом Папандреу.

На учредительном съезде ПАСОК, который состоялся в 1974 г. в отеле «Георг» в Афинах, был принят чрезвычайно важный с точки зрения становления греческой модели документ — «Декларация 12 пунктов». Ключевыми тезисами этой декларации, имевшими непосредственное отношение к социально-экономической повестке, стали следующие:

- конституционное право на трудоустройство для всех граждан;
- полная независимость профсоюзов от олигархии и государства;
- выход Греции из всех военных, политических и экономических союзов, которые подрывают ее национальную независимость и суверенное право греков планировать социальное, экономическое, политическое и культурное развитие своей страны;
- отмена международных контрактов и соглашений, которые привели Грецию к экономической, политической и военной зависимости от Запада и в особенности американского империализма;
- социальное освобождение «работающего народа» Греции⁷².

При этом в программе ПАСОК ни слова не говорилось о необходимости увеличения темпов экономического роста: главной задачей партии было не создание новых благ, а более справедливое распределение уже имевшихся. Впоследствии партия ПАСОК была вынуждена пересмотреть такие радикальные положения, как

⁷² Η διακήρυξη της 3ης Σεπτέμβρη. Enet Ελευθεροτυπία. URL: www.enet.gr/?i=news.el.article&id=383573.

отказ от участия в европейской интеграции (с 1981 г. Греция вошла в ЕЭС) и членства в НАТО. Однако те пункты декларации, которые относились к социальной сфере, сохранили свое значение и в последующие три десятилетия.

В период первых двух администраций А. Папандреу (1981–1989 гг.) была сформирована та социально-экономическая модель, на основе которой Греция развивалась до экономического кризиса конца 2000-х гг. и, с известными оговорками, продолжает развиваться до сих пор. В основе внутренней политики 1980-х гг. лежала идея создания социального государства, или, если использовать дословный перевод с греческого, «государства процветания». В это время наблюдалось быстрое увеличение реальных доходов населения, существенно опережавшее рост производительности труда. Было принято трудовое законодательство, одно из самых жестких в ЕЭС (по отношению к работодателю), создана развитая и чрезвычайно затратная система пенсионного и медицинского страхования. Благодаря масштабной национализации и возникновению обширного государственного сектора правительству удалось снизить безработицу.

Негативной стороной этой политики стали рост налогов на бизнес, отток инвестиций, высокая инфляция (до 25% в год) и экономическая стагнация. С 1973 по 1992 г. ВВП Греции в среднем ежегодно увеличивался всего на 1,5%, по темпам роста уступая большинству стран ЕЭС. Именно в это время была накоплена большая часть государственного долга, который возрос с 22 до 98% ВВП. На момент подписания Маастрихтского договора Греция не соответствовала ни одному из пяти критериев, которым должны были удовлетворять страны, вступающие в Европейский валютный союз.

Структурная отсталость экономики консервировалась сложившейся в Греции политической системой, в которой главенствующая роль принадлежала движению ПАСОК. Как справедливо отмечал греческий политолог Х. Тассис, на протяжении последних 30 лет именно ПАСОК «определяла политическую повестку дня и задавала рамки для политических дискуссий»⁷³. Ни одна из партий, претендовавших на представительство в парламенте (вули), не могла всерьез оспаривать социальные завоевания 1980-х гг. В частности, правоцентристская «Новая демократия», главный конкурент ПАСОК, в своих избирательных кампаниях делала акцент на второстепенных вопросах (ужесточение внешнеполитического курса, борьбу с коррупцией и др.).

Ситуация усугублялась сохранением клиентелизма в социально-политической сфере: руководители и той и другой партии за счет государственных средств поощряли собственную клиентулу — то есть лояльных им избирателей, раздавая новые должности в разросшемся госсекторе, применяя избирательный подход при выявлении случаев коррупции и неуплаты налогов и т.д.⁷⁴. Переход власти от одной партии к другой означал существенное перераспределение национального богатства, переход наиболее престижных должностей от одной клиентелы к другой. Начало каждого нового электорального цикла сопровождалось взаимными обвинениями ПАСОК и «Новой демократии», коррупционными скандалами и заведомо невыполнимыми обещаниями со стороны обеих партий с целью привлечь новых избирателей.

Еще одним фактором, затруднявшим осуществление реформ, стало возросшее влияние профсоюзов. Крупнейшие из них, Всеобщая конфедерация

⁷³ Tassis C. PASOK: From Protest to Hegemony. URL: www2.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/1st_Symposium/TASSIS.pdf.

⁷⁴ Karagiannis N., Kondeas A. The Greek financial crisis and a developmental path to recovery: Lessons and options. URL: www.paecon.net/PAEReview/issue60/KaragiannisKondeas60.pdf.

труда Греции (ГСЕЕ) и Высший совет профсоюза госслужащих (АДЕДИ), объединявшие соответственно работников частного и государственного секторов экономики, действовали в тесной связке с ПАСОК и могли легко парализовать экономическую жизнь страны в ответ на любые законодательные инициативы правоцентристов (именно это произошло в 1992 г., когда профсоюзы организовали массовые акции протеста против приватизации общественного транспорта).

В 1990-е гг. обострившиеся проблемы с государственным долгом и необходимость приведения государственных финансов в соответствие с маастрихтскими критериями заставили греческие власти перейти к более жесткой фискальной политике и провести ряд экономических реформ, носивших, однако, весьма ограниченный характер. Во время двух администраций К. Симитиса (1996–2004 гг.) ПАСОК окончательно отказалась от социалистической идеологии, предложив вместо нее так называемую политику «*эксинхронисмос*». Этому термину, который часто переводят с греческого как «модернизация», больше всего подходит русское слово «осовременивание» (от греческого «*σύγχρονος*» – «современный»), то есть преодоление отсталости. Основные силы были брошены на достижение макроэкономической стабильности. К 2000 г. до 2,9% снизилась инфляция, а бюджетный дефицит впервые за многие годы составил менее 3% от уровня ВВП⁷⁵. Добиться существенного снижения госдолга, однако, не удалось: во второй половине 1990-х гг. он стабилизировался на отметке около 100% ВВП, поскольку для этого требовались более глубокие реформы, оказавшиеся политически неприемлемыми. Так, не дали серьезного результата попытки правительства сократить долю госсектора в экономике. Несмотря на обширную программу приватизации, объявленную К. Симитисом, в частные руки перешло лишь несколько государственных компаний, при этом процесс приватизации крупнейшей из них — греческой телекоммуникационной организации ОТЕ — растянулся на 12 лет. Полное фиаско потерпела попытка реформировать пенсионную систему: все законодательные инициативы (уменьшение числа пенсионных фондов, ограничение возможностей для досрочного выхода на пенсию, повышение пенсионного возраста) были отложены на неопределенный срок из-за мощных акций протеста.

Во второй половине 1990-х гг. экономический рост в Греции поддерживался в основном за счет благоприятной конъюнктуры на мировых рынках (в первую очередь это касалось туризма и коммерческого судоходства), значительных финансовых вливаний из структурных фондов Евросоюза, а с начала 2000-х гг. — положительного эффекта от присоединения страны к еврозоне. Получив после перехода к единой европейской валюте высокий кредитный рейтинг, правительство Греции и ведущие финансовые учреждения страны смогли привлекать низкопроцентные займы. Государственные облигации, ранее покупавшиеся в основном греческими же инвесторами, стали пользоваться большим спросом у европейских (прежде всего французских и немецких) банков, которые уже в середине 2000-х гг. стали главными держателями греческого долга. Правительство получило возможность направить полученные средства на масштабные инвестиционные проекты (Олимпийские игры 2004 г. в Афинах, строительство вантового моста через Коринфский залив и скоростной автостреды «Эгнатия», строительство метрополитена в Афинах и Салониках и др.).

За видимым экономическим благополучием скрывались нерешенные проблемы, которые впоследствии и привели к экономическому кризису. Среди них однобокий характер экономики (ее слабая диверсификация), чрезвычайно затратный госсектор, непомерные расходы на социальную сферу, постепенная деградация

⁷⁵ Впоследствии обнаружилось, что правительство К. Симитиса добилось этого показателя за счет манипуляции со статистикой, не указав часть расходов на военные нужды.

системы образования, один из самых высоких в ЕС уровень коррупции. Проявлением этих негативных тенденций стало увеличение и без того немалых государственных расходов: в 2007 г. среди стран Евросоюза Греция стала рекордсменом по уровню бюджетного дефицита (6,5% ВВП) и госдолга (107,4% ВВП). Эти тревожные данные свидетельствовали о том, что действовавшая в 2000-е гг. модель экономического роста к 2008 г. больше не работала и нуждалась в коренном пересмотре.

Отметим, что необходимость структурных реформ осознавалась многими греческими политиками, но в такой традиционно «левой» стране, как Греция, любые серьезные преобразования были сопряжены с неприемлемыми политическими издержками. В этом смысле показательным стал период правления «Новой демократии» во главе с К. Караманлисом (2004–2009 гг.). Выдвинув накануне своего прихода к власти обширную программу неолиберальных реформ, правоцентристы ни одну из них не смогли довести до конца. В частности, весьма ограниченная пенсионная реформа, предполагавшая объединение многочисленных пенсионных фондов, сокращение возможностей для досрочного выхода на пенсию и увеличение пенсионного возраста для представителей тяжелых и вредных профессий, натолкнулась на столь жесткое сопротивление со стороны оппозиции и профсоюзов, что от большей части мер правительству пришлось отказаться.

Как указывается во многих работах, неспособность сменявших друг друга у власти двух ведущих партий своевременно провести давно назревшие реформы стала основной причиной, по которой мировой экономический кризис 2008–2009 гг. ударил по Греции особенно сильно. В частности, Ар.А. Улунян отмечает, что «слабая собираемость налогов, неоправданный рост кредитной задолженности, протекционистские меры в области экономики и рост государственных расходов за счет внешних заимствований являлись способами создания греческими политическими кругами выгодных для себя позиций в обществе и мобилизации определенных политических сил»⁷⁶.

Долговой кризис и программы финансовой стабилизации

На протяжении большей части 2008 г. в Греции недооценивались масштабы влияния мирового экономического кризиса на экономику страны. Несмотря на такие негативные тенденции, как падение потребительского спроса, спад в туристической отрасли, снижение показателей морских коммерческих перевозок, сокращение капитализации греческих компаний, на общеевропейском фоне кризис в Греции ощущался слабо. По итогам года ВВП страны хотя и сократился, но незначительно — на 0,3%.

Ситуация резко изменилась в декабре 2009 гг., когда в Греции возникли предпосылки для серьезного банковского кризиса. В благополучные 2000-е гг. крупнейшие банки Греции, пользуясь низкой процентной ставкой по евро, привлекали большие кредиты и вкладывали полученные средства в развивающиеся экономики балканских стран, где ставки по кредитам были значительно выше. После девальвации национальных валют Болгарии, Сербии и других стран региона местным компаниям стало сложнее расплачиваться по кредитам, номинированным в евро. В результате греческие банки столкнулись с нехваткой ликвидности и обратились к правительству за помощью. К. Караманлис объявил, что вливания в банковский сектор в общей сложности составят 28 млрд евро, то есть порядка 10% ВВП Греции. Кроме того, греческие власти приняли ряд мер по поддержке

⁷⁶ Улунян Ар.А. Концепция греческой экономики и причины кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике. М., ИМЭМО РАН, 2013. С. 17.

малоимущего населения, в первую очередь пенсионеров и безработных. Эти финансовые вливания в условиях сокращения налоговых поступлений привели к быстрому росту бюджетного дефицита, который по итогам 2008 г. составил 7,7% ВВП (впоследствии выяснилось, что эти данные были занижены и в реальности дефицит достиг 10,2% ВВП). В ответ на эту неутешительную статистику агентство Standard & Poor's (S&P) понизило кредитный рейтинг Греции с А до А-. Понижение рейтинга привело к увеличению спреда между доходностью греческих и немецких гособлигаций и удорожанию последующих заимствований.

Экономические вызовы, связанные с финансовым кризисом, стали главной темой политических дискуссий накануне назначенных на октябрь 2009 г. досрочных парламентских выборов. Программа «Новой демократии» включала продолжение реформы системы пенсионного обеспечения, дальнейшую приватизацию убыточных государственных компаний (накануне выборов, несмотря на многочисленные протесты сотрудников, была приватизирована Olympic Airlines) и ряд мер по сокращению бюджетного дефицита. Среди последних мораторий на индексацию зарплат и пенсий, временная приостановка найма новых сотрудников в государственном секторе, уменьшение командировочных и сверхурочных выплат, сокращение заработных плат членов парламента, кабинета министров и мэров, приостановка выплаты пособий по безработице тем гражданам, которые два раза отказывались от вакансий, предложенных государственной службой занятости.

Левоцентристская партия ПАСОК во главе с Г. Папандреу (сыном основателя партии), напротив, пообещала увеличить поступления в бюджет за счет проведения налоговой реформы, призванной повысить собираемость налогов и перераспределить доходы в пользу среднего класса и малоимущих граждан. Также она заявила о намерении осуществить обширные инвестиции и с их помощью вывести страну из начавшейся в 2008 г. рецессии. Особый акцент был сделан на борьбе с коррупцией и теневым сектором экономики.

Эта популистская программа принесла ПАСОК убедительную победу, что в очередной раз показало неготовность избирателей к радикальному реформированию социально-экономической системы. Греки выдали Г. Папандреу мандат не на реформирование, а на сохранение тех социальных завоеваний, которые были сделаны в предыдущие десятилетия. Однако ухудшение ситуации с долговым финансированием заставило новое правительство фактически отказаться от предвыборных обещаний и приступить к болезненным преобразованиям.

Спусковым крючком для начала долгового кризиса в Греции послужили обнародованные правительством Г. Папандреу данные о росте бюджетного дефицита за 2009 г. до 12,7% ВВП (по пересмотренным данным — 15,2%). За этим известием последовало очередное снижение кредитных рейтингов и стремительный рост доходности по греческим облигациям. Перед страной встала угроза государственного дефолта по облигациям, срок погашения которых истекал весной 2010 г.

В конце 2009 г. правительство предприняло запоздалую попытку стабилизировать ситуацию, представив в парламент самый жесткий, по словам премьер-министра, за последние 35 лет проект государственного бюджета. Этот законопроект предполагал сокращение дефицита до 9,1% ВВП, снижение государственных расходов на 2,3% (в первую очередь за счет уменьшения военных расходов и отказа от широко разрекламированной в ходе выборов инвестиционной программы) и увеличение на 9% налоговых поступлений. Однако уже в январе 2010 г. стало ясно, что в условиях начавшегося экономического спада Греция не сможет добиться столь значительного роста налоговых поступлений, и помимо увеличения

налогового бремени понадобится существенное сокращение расходной части бюджета.

В конце 2009 г. — начале 2010 г. были внесены существенные изменения в налоговое законодательство. В соответствии с новой шкалой налогообложения резко возрос подоходный налог для граждан, получающих свыше 26 тыс. евро в год, в то время как зарабатывающие менее 22 тыс. евро получили незначительные налоговые послабления. Неоднократное повышение налога на топливо привело к тому, что бензин в Греции стал одним из самых дорогих в Европе. Существенно увеличились акцизы на спиртное и табак. Дважды повышался НДС, составляющий сейчас 23%⁷⁷ против 19% в конце 2009 г. С 3 до 15% возрос налог на офшорные операции с недвижимостью. Тяжелым ударом по доходам предпринимателей стало введение налога на дивиденды. Наконец, был введен 90-процентный налог на бонусы банкиров, а государственным банкам запретили выплачивать премии по итогам 2009 г.

С целью уменьшения бюджетных расходов правительство решилось на такие меры, как замораживание зарплат в государственном секторе, отмену 13 и 14-й зарплат (т.е. фактическое снижение годового дохода бюджетников на 14%), урезание многочисленных субсидий (за владение иностранными языками, работу на свежем воздухе, дежурства и т.д.). Для сокращения штата госслужащих взамен нескольких уходящих на пенсию было решено принимать лишь одного сотрудника.

Весной 2010 г. власти объявили о начале пенсионной реформы, которая предполагала постепенное повышение пенсионного возраста как для мужчин, так и для женщин до 67 лет, сокращение выплат высокооплачиваемым пенсионерам, отмену 13 и 14-й пенсий, сокращение возможностей для досрочного выхода на пенсию, исчисление пенсионных выплат исходя из средней зарплаты, получаемой за весь период трудового стажа. Целью этих преобразований была стабилизация расходов на пенсионное обеспечение, с тем чтобы их доля в ВВП в долгосрочной перспективе оставалась на уровне 4,8%.

Несмотря на значительное увеличение налогов и сокращение бюджетных расходов, правительству Г. Папандреу не удалось восстановить доверие инвесторов к греческим долговым обязательствам. В апреле 2010 г. рейтинговое агентство Standard & Poor's понизило долгосрочный суверенный рейтинг до BB+, а спред между греческими и немецкими бондами достиг 600 б.п. Оказавшись полностью отрезанной от доступа к заимствованиям на рынке облигаций, Греция официально обратилась за помощью к Евросоюзу и МВФ. Первоначально речь шла о сумме в 40–45 млрд евро, но уже в начале мая министры финансов ЕС признали, что для спасения Греции этой суммы будет недостаточно, и приняли трехлетнюю программу кредитования в размере 110 млрд евро, из которых 80 млрд приходилось на ЕС и 30 млрд — на МВФ. Условиями предоставления низкопроцентных займов стали своевременное принятие греческим правительством мер жесткой бюджетной экономии и установление контроля со стороны тройки международных кредиторов (МВФ, Еврокомиссии и ЕЦБ).

На фоне постепенного восстановления экономики ЕС в 2010 г. Греция показала сокращение ВВП на 4,9%. Столь существенный спад был вызван главным образом снижением финансирования государственного сектора экономики, что, в свою очередь, больно ударило по потребительскому спросу населения. О сокращении потребления свидетельствуют следующие цифры: только в 2010 г. закрылось около 65 тыс. магазинов, продажи новых автомобилей снизились на

⁷⁷ Во второй половине 2016 г. вероятно очередное повышение НДС до 24%.

61,9%⁷⁸, индекс потребительской уверенности упал до своего исторического минимума. Из-за налоговых мер (в первую очередь повышения налога на топливо) осложнилось положение греческих промышленников. Прямым следствием экономического спада, снижения кредитного рейтинга и ужесточения налогового режима стало ухудшение инвестиционного климата, вызвавшее отток капитала из Греции. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в середине 2008 г. составлявший около 32 млрд евро, к концу 2010 г. упал до 25,1 млрд евро⁷⁹, в то время как ПИИ из Греции, напротив, возросли с 22,7 млрд до 28,3 млрд евро.

Сжатие внутреннего рынка заставило многие греческие компании свернуть деятельность у себя на родине и перенести бизнес в страны с более благоприятными экономическими условиями. В 2010–2011 гг. произошло падение доходов от туризма: прокатившиеся по всей Греции массовые акции протеста отпугнули значительную часть туристов из Западной Европы.

Из-за экономической рецессии и неуверенности большинства граждан в том, что Греция останется в составе еврозоны, начался быстрый отток депозитов из греческих банков, многие из которых оказались на грани банкротства. Для поддержания ликвидности правительство было вынуждено объявить о новом пакете госгарантий на 25 млрд евро, под которые крупнейшие банки страны получили финансирование в ЕЦБ.

Углубление спада привело к падению собираемости налогов и фактическому провалу планов по сокращению бюджетного дефицита: по итогам 2010 г. он составил 11,2%, что было намного ниже показателя предыдущего года, но заметно выше установленной кредиторами планки в 8,1% ВВП.

Бюджет на 2011 г. предусматривал новый виток сокращения расходов, в том числе зарплат для сотрудников госпредприятий. Под нож также пошли затраты на образование, здравоохранение и оборонные нужды (500 млн евро). Одновременно греческое правительство начало борьбу с уклонением от уплаты налогов. От показательных дел в отношении неплательщиков налогов (среди них оказались высокооплачиваемые врачи, деятели культуры и представители высшего духовенства) служба по борьбе с финансовыми преступлениями перешла к повсеместному взиманию недоборов, к концу 2010 г. выписав штрафов на общую сумму свыше 4 млрд евро.

В 2011 г. правительство объявило о начале масштабной программы приватизации, согласно которой до 2015 г. государственный бюджет должен был получить 50 млрд евро. Среди госсобственности, которую планировалось передать в частные руки, значились несколько аэропортов, пакеты акций в Почтовом и Сельскохозяйственном банках, железнодорожная компания Trenose, государственный оператор почтовых услуг ELTA, газовая монополия DEPA и электрическая PPC и ряд других крупных предприятий. Однако этот план так и не был реализован из-за низкой инвестиционной привлекательности компаний, обусловленной их финансовой непрозрачностью, несовершенством трудового законодательства, препятствовавшего сокращению персонала и выводу предприятий на западноевропейские стандарты производительности труда.

Уже в первый год кризиса правительство приняло меры, направленные на либерализацию рынка труда, в частности ввело новую норму, согласно которой работодателям было разрешено единовременно увольнять 4% сотрудников (ранее было всего 2%). 19 января 2011 г. в соответствии с требованиями Евросоюза

⁷⁸ Πτώση-ρεκόρ στις πωλήσεις Ι.Χ. Η Ροδιάκη, 05.01.2011. URL: www.rodiki.gr/article/78216/ptwsh-rekorstis-pwlhseis-i-x.

⁷⁹ Bank of Greece. International Investment Position. URL: www.bankofgreece.gr/BogDocumentEn/International_Investment_Position-Data.xls.

парламент одобрил законопроект, открывший доступ к ряду «закрытых» профессий. Ранее количество лицензий на работу в 140 профессиях (фармацевты, архитекторы, инженеры, водители-дальнобойщики и т.д.) было законодательно ограничено, при этом лицензии передавались по наследству и негласно продавались при выходе на пенсию за суммы, нередко исчислявшиеся сотнями тысяч евро.

В конце июня 2011 г., накануне предоставления Греции очередного 12-миллиардного транша, под нажимом Евросоюза и МВФ ПАСОК провела через парламент новые меры. Помимо уже упомянутой программы приватизации госсобственности они включали сокращение на 5% зарплат работников бюджетной сферы, очередное увеличение налога на топливо и снижение необлагаемого подоходным налогом минимума с 12 тыс. до 8 тыс. евро. Результатом нового раунда сокращения расходов стало значительное ухудшение основных макроэкономических показателей: по итогам 2011 г. ВВП страны сжался на 7,1%, безработица превысила 21% экономически активного населения. Дефицит бюджета составил более 10% ВВП, в то время как государственный долг, напротив, возрос до рекордных 171% ВВП. Фактически это означало, что первоначальный план спасения Греции был провален, и Евросоюз в очередной раз оказался перед дилеммой — предоставить Греции второй пакет помощи или допустить ее дефолт по облигациям.

Важным этапом в развитии долгового кризиса стал состоявшийся 20–21 июля 2011 г. внеочередной саммит глав ЕС, на котором было решено снизить ставки по первой стабилизационной программе с 4,5 до 3,5%, выделить дополнительную программу финансирования размером в 109 млрд евро (из средств Европейского фонда финансовой стабильности). На следующем саммите в октябре того же года была достигнута договоренность о еще более радикальных мерах — «добровольном» списании частными держателями (прежде всего французскими и немецкими банками) 50% госдолга Греции, что позволило многим аналитикам говорить о начале «управляемого дефолта». Ожидалось, что благодаря этой мере удастся к 2020 г. стабилизировать долг на уровне 120% ВВП. Однако в реальности этого не произошло. Реструктуризация задолженности коснулась только частного сектора и не была распространена на институциональных инвесторов. Поэтому уже с 2013 г. госдолг вновь стал возрастать.

Социальное измерение кризиса

Политика финансовой стабилизации, осуществлявшаяся вплоть до конца 2015 г. находившимися у власти центристскими правительствами, привела к крайне тяжелым последствиям в социальной сфере, выразившимся в быстром росте безработицы (особенно среди молодежи), падении доходов населения, усилении негативных тенденций в здравоохранении и образовании.

Самым обсуждаемым проявлением кризиса в социальной сфере стала массовая безработица, особенно среди молодежи. В 2013 г. показатель молодежной безработицы достигал 59,9%⁸⁰. При этом 67,1% безработных граждан находились без работы более года и жили за счет сбережений и доходов других членов семьи. В 2014 г. благодаря некоторому оживлению национальной экономики и росту спроса на туристические услуги ситуация с занятостью в Греции улучшилась (в частности, общая безработица снизилась до 26,5%), однако она по-прежнему остается самой сложной среди стран Евросоюза.

За сухими цифрами статистики (см. табл. 2) стоят судьбы миллионов греков, которые столкнулись с кардинальным падением уровня жизни и оказались в зоне

⁸⁰ Eurostat. Unemployment rate by age group. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsdec460&plugin=1>.

риска бедности или за ее чертой, не имея достаточных средств для того, чтобы позволить себе самое необходимое. В последние годы в СМИ появилось множество публикаций с отдельными историями, иллюстрирующими состояние греческого общества в кризисных условиях, а также локальных статистических исследований, дающих представление о ситуации в отдельных регионах. Например, Институт предупредительной медицины «Пролеписис» провел опрос учеников 64 афинских школ, показавший, что 25% семей учащихся страдают от голода, в 61% семей один из родителей не имеет никакого дохода, 17% семей вообще лишены доходов. Очевидно, что Афины являются городом сильных социальных контрастов, в котором богатые кварталы граничат с неблагополучными районами. Однако, как показало анкетирование по 23 префектурам страны, в целом по Греции положение дел не лучше: 54% семей вынуждены экономить на продуктах питания, 21% жалуются на голод, в 40% семей один из родителей является безработным⁸¹.

Табл. 2. Некоторые индикаторы социального развития Греции в сравнении со средним значением по ОЭСР, 2008 и 2013 гг.

Показатель	2008		2013	
	Греция	ОЭСР	Греция	ОЭСР
Годовой располагаемый доход домохозяйства, тыс. долл. США – средний – беднейших 10%	20 100 4 100	23100 7300	17800 4100	23100 7100
Коэффициент Джини	0,330	0,313	0,337	0,313
Разница в доходах 10% самых богатых и самых бедных	9,5	9,2	10,8	9,5
Относительная бедность (доля граждан, зарабатывающих как минимум вдвое меньше медианного уровня), %	13,9	11,2	14,3	11,3
Доля граждан, которым не хватает денег на продовольствие	8,9	11,2	17,9	13,2
Количество самоубийств на 100 тыс. граждан	2,8	12,5	3,1	12,4
Расходы на здравоохранение на душу населения, долл. США, по ППС	3000	3100	2400	3300
Уровень доверия к национальному правительству, %	41	49	14	43

Источник: статистические данные ОЭСР

Социальный кризис привел к тяжелым демографическим последствиям. Главные из них — падение рождаемости и рост эмиграции. Численность населения Греции медленно, но неуклонно сокращается: если в 2011 г. в стране проживали 11 млн 123 тыс. жителей, то в 2015 г. — 10 млн 858 тыс.⁸². Для многих греков, особенно для молодежи, эмиграция становится единственным способом найти работу. По

⁸¹ Poll: 25% of Athens school children going hungry. URL: www.keeptalkinggreece.com/2015/02/12/poll-25-of-athens-school-children-going-hungry.

⁸² Eurostat. Population change — Demographic balance and crude rates at national level. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en.

опросам «Евробарометра», 27% греческой молодежи не исключают кратковременного трудоустройства в другой европейской стране, 37% надеются уехать на продолжительное время и лишь 35% не хотят покидать Грецию⁸³. Большая часть уехавших — это высококвалифицированные специалисты и выпускники ведущих греческих вузов, которые не сумели найти применение своим знаниям на родине.

Объяснять феномен эмиграции исключительно проблемами с занятостью было бы некорректно: свою роль сыграли и другие (хотя и менее важные) факторы, связанные с ухудшением качества жизни в Греции. Так, реформы в сфере здравоохранения обернулись закрытием десятков госпиталей, в результате чего многие районы Греции оказались вдали от стационарных медицинских пунктов. Следствием сокращения расходов на охрану здоровья стало увеличение заболеваемости СПИДом и туберкулезом, рост младенческой смертности, что, по мнению греческих ученых, свидетельствует о надвигающемся коллапсе системы здравоохранения⁸⁴. Не меньшие опасения вызывают планы греческих властей по реорганизации системы высшего образования, предполагающие объединение региональных вузов и резкое сокращение числа кафедр и факультетов. Быстрое ухудшение качества жизни нашло отражение и в международных рейтингах: так, по индексу человеческого развития с 2008 по 2014 г. Греция опустилась с 18-го на 29-е место.

Снижению жизненных стандартов в стране сопутствуют нарастающие процессы маргинализации населения. Экономический кризис вызвал быстрый рост количества совершаемых преступлений, в том числе убийств и ограблений, причем не только в Афинах — самом криминогенном городе Греции, но и в славившейся своей безопасностью греческой провинции. За годы кризиса на 150% возросло число женщин, занимающихся проституцией⁸⁵ (в основном нелегально), причем основной прирост приходится на этнических гречанок, которые не могут найти нормальную работу.

В такой традиционно «левой» стране, как Греция, либеральные реформы всегда наталкивались на мощное движение социального протеста. Неудивительно, что выдвинутая в начале 2010 года правительством ПАСОК программа жесткой экономии и структурного реформирования социальной сферы натолкнулась на массовые акции протеста, организованные как сверху, то есть политическими партиями и крупнейшими профсоюзами, так и снизу — простыми гражданами, координирующими свои выступления через социальные сети.

Для первого этапа, который пришелся на 2010 год, были характерны массовые забастовки, проведенные профсоюзными объединениями — профсоюзом госслужащих ADEDY, профсоюзом работников частного сектора GSEE, профсоюзной организацией Компартии Греции PAME. Ежемесячные всеобщие 24-часовые забастовки и протестные акции работников отдельных отраслей экономики (таможенников, налоговиков, сотрудников авиационных компаний, банковских служащих, аграриев и др.) стали постоянным явлением внутривнутриполитической жизни. В течение 2010 г. из-за них неоднократно прерывалось воздушное, железнодорожное и паромное сообщение, не работали больницы,

⁸³ Eurobarometer, 2011. Youth on move. Analytical report. P. 130. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_319b_en.pdf.

⁸⁴ Kentikelenis A., Karanikolos M., Reeves A., McKee M., Stuckler D. Greece's health crisis: from austerity to denialism // The Lancet. Vol. 383, 2014. P. 748–753.

⁸⁵ Prostitution: The hidden cost of Greece's economic crisis. The Telegraph, 26.01.2015. URL: www.telegraph.co.uk/women/womens-politics/11370049/Greek-election-Prostitution-is-the-hidden-cost-of-economic-crisis.html.

школы, банки, государственные учреждения. Многотысячные шествия демонстрантов часто сопровождались погромами, поджогами автомобилей, столкновениями с полицией. Кульминацией протестных выступлений 2010 г. стали трагические события 5 мая, когда в результате действий анархистов, забросавших бутылками с зажигательной смесью здание банка Marfin (греческое подразделение ныне не существующего кипрского банка Laiki), погибли три человека, в том числе одна беременная женщина.

На втором этапе своего развития (начало 2011 г. — март 2012 г.) протестное движение против мер жесткой экономии стало носить все более антисистемный (и потому опасный для властей) характер. Если ранее в роли главной организующей силы протеста выступали профсоюзы, лидеры которых давно являются частью политического истеблишмента, то с 2011 г. манифестации все чаще стали проводиться через Facebook и другие социальные сети. Требованиями участников демонстраций стали полная отмена бюджетных и налоговых мер, отказ от выплаты долгов и пересмотр «кабальных» соглашений с ЕС и МВФ. На крупнейшей за 30 лет демонстрации на площади Синтагма в Афинах, прошедшей 5 июня 2011 г., собрались, по разным оценкам, от 200 тыс. до 500 тыс. человек. В феврале 2012 г. в связи с принятием законопроекта о сокращении числа работников госсектора и приватизации ряда крупных государственных предприятий начались гражданские волнения в Афинах, в ходе которых было сожжено и разграблено несколько зданий. Угроза того, что массовые протесты приобретут неконтролируемый характер, стала одной из причин, по которым на май 2012 года были назначены досрочные парламентские выборы.

На третьем этапе, начавшемся весной 2012 года, произошло определенное ослабление протестного движения. Однако объяснялось оно не изменением экономической политики правительства, а началом нового избирательного цикла и выходом на передний план политической борьбы между старыми и новыми партиями, с которыми значительная часть населения связывала надежды на окончание политики жесткой экономии.

Изменения в общественно-политической жизни

Одной из наиболее заметных тенденций в умонастроениях греческого общества последних лет стало практически повсеместное разочарование в результатах европейской интеграции. В конце 2009 г. и особенно в 2010 г. на Грецию как страну и на греков как народ в европейских СМИ вылился мощный поток негативной информации. Греции было посвящено множество публикаций, в которых преобладала ироничная, язвительная, а то и вовсе обличительная тональность. Жесткие и нелицеприятные оценки высказывались также крупными политическими деятелями Евросоюза, при этом в ряде случаев имело место искажение и передергивание фактов. В Греции все это было воспринято как попытка не только возложить на нее вину за кризис и ответственность за все просчеты, допущенные Евросоюзом в процессе интеграции, но и поставить под сомнение саму принадлежность страны к европейской цивилизации, основателями которой греки себя считают.

Информационная изоляция, в которой оказалась Греция в первые месяцы кризиса, невозможность донести до партнеров по ЕС свое видение причин кризиса, обсуждение в экспертном сообществе необходимости ее исключения из еврозоны, нелицеприятные высказывания в адрес страны — все это было воспринято как целенаправленная атака против Греции, попытка сделать греков гражданами

«второго сорта». Согласно проведенному в 2013 году опросу Евробарометра⁸⁶, лишь 44% греческих респондентов ощущали себя гражданами Евросоюза (это самый низкий показатель в ЕС). Прямым следствием расширяющегося разрыва между Грецией и остальными странами ЕС стал рост влияния политических сил, стоящих на позициях евроскептицизма.

Ярким примером использования риторики, направленной против ЕС, стала предвыборная кампания партии «Независимые греки», возглавляемой ярким политиком право-популистского толка П. Камменосом, который открыто заявил, что Греция пала жертвой международного заговора, и в качестве программы выхода из кризиса предложил немедленное аннулирование всех соглашений с тройкой кредиторов. Помимо этого, П. Камменос весьма успешно сыграл на недовольстве значительной части греков внешней политикой Германии, которая в Греции воспринимается как главный инициатор мер бюджетной экономии, повлекших за собой многолетнюю рецессию. Одним из ключевых пунктов программы партии стало откровенно популистское требование выплаты Германией репараций за ущерб, нанесенный Греции в ходе Второй мировой войны, общая сумма которого, с точки зрения парламентариев, сопоставима с объемом греческого госдолга.

Новым явлением в греческой жизни последних пяти лет стало быстрое распространение националистических настроений. Предпосылки к этому были заложены еще в 1990-е гг. в связи с массовым притоком в Грецию иммигрантов из стран Балканского полуострова и бывшего Советского Союза. В 2000-е гг. после присоединения к Шенгенскому соглашению Греция превратилась в перевалочный пункт для мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, большая часть которых нелегально пересекала греко-турецкую границу в Восточной Фракии. События «арабской весны» 2010–2011 гг. и последовавшая за ними гражданская война в Сирии спровоцировали еще большее увеличение потока беженцев. Рост нелегальной иммиграции привел к ухудшению криминогенной ситуации, изменению культурно-исторического облика греческих городов (некоторые центральные районы греческой столицы превратились в иммигрантские гетто).

В 2012 г. тема ксенофобии в Греции стала широко обсуждаться не только внутри страны, но и за ее пределами. Поводом к этому послужили сенсационные результаты на выборах ультранационалистической партии «Золотая заря» во главе с Н. Михалолиакосом, получившей поддержку почти 7% избирателей (вместо 0,29% в 2009 г.). Принципиальное отличие «Золотой зари» от других националистических организаций, представленных в европейских парламентах, — ее откровенно профашистский характер, начиная с символики (стилизованная под греческий меандр свастика) и заканчивая «фюрерским» принципом построения партии. В области экономической и социальной политики ультраправые предлагают провести ревизию всех кредитных соглашений, подписанных Грецией начиная с 1974 г., установить жесткий контроль государства над стратегическими отраслями экономики, перейти к экономическому самообеспечению страны, ограничить влияние профсоюзов, реализовать программу поддержки рождаемости в греческих семьях. Особое место в программных установках занимает вопрос о нелегальной иммиграции. «Золотая заря» настаивает на максимальном ужесточении иммиграционного законодательства и усилении пограничного контроля вплоть до размещения противопехотных мин на греко-турецкой границе.

Уже на начальном этапе проведения реформ находившееся у власти движение ПАСОК стало быстро терять поддержку избирателей. Три из пяти парламентских партий — правоцентристская «Новая демократия», леворадикальная

⁸⁶ Standard Eurobarometer 79. Spring 2013. Public Opinion in the European Union. P. 5. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb79/eb79_first_en.pdf.

коалиция СИРИЗА и Коммунистическая партия Греции — выступили против стабилизационных мер, утверждая, что их осуществление вызовет исключительно негативные последствия для греческой экономики. За два года пребывания Г. Папандреу на посту премьер-министра рейтинг ПАСОК упал с 44 до 15%, что вызвало трения внутри самой партии по поводу целесообразности дальнейшего продолжения реформ и выход части депутатов из парламентской фракции. Столкнувшись с жестким противодействием со стороны «Новой демократии» и угрозой внутрипартийного раскола, в ноябре 2011 г. Г. Папандреу был вынужден уйти в отставку, и к власти пришло временное коалиционное правительство во главе с технократом Л. Пападимосом, в которое вошли представители ПАСОК, «Новой демократии» и умеренно-националистического «Народного православного сбора».

Результатом парламентских выборов в мае 2012 года стало сокрушительное поражение партий, ориентированных на продолжение сотрудничества с ЕС в обмен на сокращение бюджетных расходов: суммарно они получили лишь 32% голосов. «Новая демократия», хотя и пришла к финишу первой, набрала 19% голосов, чего было недостаточно для формирования правительства. Поддержка ПАСОК по сравнению с предыдущими выборами упала втрое, и по числу депутатских мандатов эта партия заняла третье место.

Антицентристские партии (СИРИЗА, Демократическая левая партия, «Независимые греки» и «Золотая заря»), напротив, сумели существенно упрочить свои позиции. Вторая по величине депутатская фракция досталась левым радикалам во главе с молодым харизматическим лидером А. Ципрасом, который в качестве основного лозунга своей предвыборной кампании выдвинул односторонний отказ Греции от «кабальных» условий кредитных соглашений, принятие новой программы, сориентированной на возобновление экономического роста. Вопреки многочисленным сообщениям СМИ, СИРИЗА никогда не заявляла о своем стремлении выйти из еврозоны. Напротив, коалиция левых радикалов считает себя проевропейской партией. Объясняя свое намерение в одностороннем порядке отказаться от условий соглашений, А. Ципрас заявлял, что ситуация с госдолгом — это «не греческая, а общеевропейская проблема»⁸⁷ и ЕС никогда не решится исключить Грецию из еврозоны, так как это неминуемо повлечет за собой крах единой европейской валюты.

После неудачной попытки «Новой демократии» сформировать правительство СИРИЗА выдвинула идею создания широкой коалиции левых сил на основе «программы пяти пунктов». Ее основными требованиями были немедленная отмена всех мер, ведущих к дальнейшему обнищанию греков, отказ от принятия новых законов, которые подрывают основные права трудящихся, отмена неприкосновенности членов парламента от судебного преследования, расследование деятельности греческих банков, создание международной комиссии для исследования причин возникновения бюджетного кризиса в Греции и введение моратория на выплаты по госдолгу до публикаций результатов этого исследования.

Поскольку в мае 2012 г. ни одна из партий не смогла сформировать правительство, в следующем месяце в стране были проведены повторные выборы, на которых главная борьба разгорелась между коалицией СИРИЗА и «Новой демократией». В ходе предвыборной кампании последней удалось убедить избирателей, что от исхода выборов будет зависеть европейское будущее Греции. Немалую помощь в этом оказали партнеры по ЕС, давшие понять, что односторонний пересмотр кредитных соглашений, на котором настаивает СИРИЗА, приведет к исключению Греции из еврозоны. С минимальным отрывом победу

⁸⁷ Tsipras on euro crisis: 'Both sides have nuclear option'. Channel 4 News. 25 May 2012. URL: www.channel4.com/news/tsipras-on-euro-crisis-both-sides-have-nuclear-option.

одержала «Новая демократия», и 21 июня на основании договоренностей с ПАСОК и партией «Демократическая левая» было сформировано новое коалиционное правительство во главе с А. Самарасом.

Период с середины 2012 г. по конец 2014 г. ознаменовался продолжением неолиберальных реформ, направленных на сокращение бюджетного дефицита, усиление конкурентоспособности греческой экономики. При этом, в отличие от своих предшественников, А. Самарас в большей степени ориентировался на поддержку частного сектора, который получил некоторые налоговые послабления⁸⁸, нежели государственного. В 2013 г. были уволены 15 тыс. бюджетников, в том же году, несмотря на волну протестов и угрозу нового внутривластного кризиса, «Новая демократия» протолкнула через парламент законопроект о закрытии телерадиовещательной компании ERT, которая уже много лет генерировала многомиллионные убытки. Также в Греции, хотя и со скрипом, стала осуществляться программа приватизации: в 2013 г. Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики выиграла тендер на покупку оператора греческой газотранспортной системы DESFA, а чешско-греческий консорциум Emma Delta купил 33% акций OPAP — крупнейшей в стране компании, занимающейся лотерейным и букмекерским бизнесом. Серьезным достижением 2013–2014 гг. принято считать некоторое улучшение ситуации в сфере государственных финансов. В 2013 г. впервые за годы реформ греческий бюджет был сведен с первичным профицитом (до выплат по долгам), который составил 1,5 млрд евро (0,8% ВВП). Однако переоценивать значение этого успеха не следует: в значительной степени первичный профицит был достигнут за счет чрезвычайного налога на недвижимость, который взимался с 2011 по 2013 г. и вызвал бурю возмущения среди населения. В 2014 г. экономика Греции впервые с 2007 г. показала рост (0,8%). Этот кратковременный выход из рецессии, во многом объяснявшийся ситуативными факторами, в первую очередь удачным туристическим сезоном, позволил Греции вернуться, пусть и в ограниченном объеме, на рынок внешних заимствований.

Несмотря на наметившиеся позитивные изменения, политика прежнего премьер-министра А. Самараса вызывала все большее недовольство. После выхода из правящей коалиции партии «Демократическая левая» в связи с разногласиями по вопросам приватизации госсобственности он был вынужден опираться на хрупкое парламентское большинство (155 депутатов из 300) в составе фракций «Новой демократии» и ПАСОК, за которые на выборах 2012 г. отдали свои голоса лишь 42% избирателей.

Приход к власти левых радикалов и попытка пересмотра кредитных соглашений

Новое обострение внутривластной борьбы произошло в конце 2014 г. в связи с истечением срока полномочий К. Папулыса на посту президента Греции. Согласно конституции Греция де-факто является парламентской республикой: роль президента ограничивается преимущественно церемониальными функциями, тогда как основные полномочия исполнительной власти сосредоточены в руках премьер-министра. Кандидатура президента утверждается квалифицированным большинством депутатов: если она не собирает 2/3 от общего числа голосов в первых двух турах или 3/5 в заключительном третьем, парламент подлежит роспуску и назначаются досрочные выборы. В ходе декабрьских выборов предложенная коалиционным правительством кандидатура С. Димаса, ранее занимавшего

⁸⁸ Например, была снижена с 23 до 13% ставка НДС для ресторанного бизнеса.

должности еврокомиссара по защите окружающей среды и министра иностранных дел Греции, сразу натолкнулась на резкое неприятие со стороны радикальных партий как левого, так и правого толка. В заключительном туре голосования, который прошел 29 декабря 2014 г., за него проголосовали лишь 168 депутатов, и в стране были назначены досрочные выборы в вули.

Главным результатом состоявшихся 25 января 2015 г. парламентских выборов стала победа партии СИРИЗА, за которую отдали свои голоса более 36% избирателей. Поскольку по греческому избирательному законодательству победившая партия получает дополнительные 50 депутатских мандатов, фракция левых радикалов составила 149 депутатов (см. табл. 1). Оставшиеся места в парламенте были распределены между шестью партиями — правоцентристской «Новой демократией», ультранационалистической «Золотой зарей», центристским движением «Потами»⁸⁹, Коммунистической партией Греции, право-популистской партией «Независимые греки» и левоцентристской ПАСОК.

Таким образом, впервые с 1981 г. крупнейшую фракцию сформировала радикальная партия, ранее никогда не находившаяся у власти. Однако достигнутого ею результата оказалось недостаточно для того, чтобы сформировать однопартийное правительство, поэтому СИРИЗА была вынуждена вступить в коалиционное соглашение с «Независимыми греками», представляющими правый спектр греческой политики. Несмотря на серьезные расхождения по таким актуальным вопросам, как предоставление гражданства иммигрантам, сокращение военных расходов, отделение церкви от государства (по каждому из вышеперечисленных пунктов СИРИЗА выступает «за», а ориентированные на консервативные ценности «Независимые греки» — «против»), обе партии были солидарны в своем намерении пересмотреть неприемлемо тяжелые для Греции условия получения кредитов. Вместе с тем лидеры СИРИЗА и «Независимых греков» подчеркивали, что они стремятся не к выходу Греции из еврозоны и тем более из Европейского союза, а к изменению подходов к европейской интеграции, отказу от удушающей экономикой политики «меркелизма». По словам председателя партии СИРИЗА А. Ципраса, «будущее Европы должно строиться не на мерах экономии, а на принципах демократии, солидарности и сотрудничества»⁹⁰.

⁸⁹ В переводе на русский — «Река».

⁹⁰ Alexis Tsipras: the Syriza leader about to take charge in Greece. The Guardian, 26 January 2015. URL: www.theguardian.com/world/2015/jan/25/alexis-tsipras-profile-greece-syriza-leader.

Табл. 3. Результаты парламентских выборов в Греции

Партия	Выборы 04.10.2012		Выборы 17.06.2012		Выборы 25.01.2015		Выборы 20.09.2015	
	% голосов	кол-во мест в парламенте	% голосов	кол-во мест в парламенте	% голосов	кол-во мест в парламенте	% голосов	кол-во мест в парламенте
СИРИЗА	4,6	13	26,9	71	36,3	149	35,5	145
«Новая демократия»	33,5	91	29,7	129	27,8	76	28,1	75
«Золотая заря»	0,29	-	6,9	18	6,3	17	7,0	18
ПАСОК	43,9	160	12,3	33	4,7	13	6,3	17
«Демократическая левая»*	-	-	6,2	17	0,5	-		
Компартия Греции	7,5	21	4,5	12	5,5	15	5,6	15
«Потами»	-	-	-	-	6,1	17	4,1	11
«Независимые греки»	-	-	7,5	20	4,8	13	3,7	10
Союз центристов	0,27	-	0,3	-	1,8	-	3,4	9
«Народный православный сбор»	5,6	15	1,58	-	1,03	-	-	-

Источник: официальный сайт Министерства внутренних дел Греции (<http://ekloges.ypes.gr>)

* На выборы в сентябре 2015 г. «Демократическая левая» шла единым списком с ПАСОК

Одной из первых инициатив нового парламента стало принятие 18 марта закона о противодействии гуманитарному кризису, в соответствии с которым малообеспеченные семьи должны были получить доступ к ограниченному количеству бесплатного электричества, помощь в жилищном вопросе и субсидии на продукты питания. Фактически этот закон, утвержденный без согласования с Еврокомиссией, знаменовал собой демонстративный отказ от рестриктивной бюджетной политики. Основной задачей первого правительства А. Ципраса стало проведение переговоров с партнерами по Евросоюзу и МВФ об условиях программы финансовой помощи Греции. Эти переговоры растянулись почти на полгода и привели к резкому ухудшению экономической ситуации в стране, оказавшейся на грани дефолта с последующей перспективой выхода из зоны евро.

В конце февраля 2015 г. на заседании Еврогруппы было принято решение о техническом продлении на четыре месяца предыдущей (второй по счету) кредитной линии, по которой Греция могла претендовать на получение 14,5 млрд евро, необходимых для погашения текущих долговых выплат, на условиях предоставления в Еврокомиссию плана дальнейших преобразований. Однако правительство так и не смогло предложить устраивающий кредиторов перечень реформ, поэтому вплоть до июня 2015 г. Греция была вынуждена расплачиваться по долговым обязательствам за счет собственных средств (в частности, для погашения облигаций были изъяты средства местных органов власти и резервная позиция в МВФ). Нарастающая угроза дефолта привела к быстрому изъятию вкладов из греческих банков: в июне 2015 г. в отдельные дни отток средств с депозитов достигал 1 млрд евро. Для недопущения краха банковской системы 28 июня 2015 г. А. Ципрас объявил о введении банковских каникул и контроля над движением капитала, ограничив лимит на снятие наличных 60 евро в сутки.

Определенные подвижки в переговорах с кредиторами были достигнуты лишь 25 июня 2015 г., когда Еврокомиссия, МВФ и ЕЦБ предложили греческому правительству подписать проект соглашений⁹¹, состоявший из двух документов — «Реформ для завершения текущей программы» и «Предварительного анализа устойчивости долга». Международные кредиторы согласились снизить целевые показатели первичного профицита с 4,5 до 3,5% ВВП к 2018 г. (что давало возможность направить часть средств на инвестиции), однако настаивали на проведении в Греции пенсионной реформы, повышении НДС и приватизации государственных активов — то есть на тех мерах, против которых категорически выступала СИРИЗА. В этой ситуации А. Ципрас решился на нестандартный шаг — поставил вопрос о принятии плана тройки кредиторов на референдум, при этом призвав греческих граждан голосовать против.

Как и ожидалось, на прошедшем 5 июля 2015 г. голосовании большинство греков (61%) высказались против предложенного плана. Однако использовать результаты референдума для усиления переговорной позиции А. Ципрасу не удалось: на состоявшемся 12 июля саммите лидеров стран еврозоны, целиком посвященном вопросу о греческом долге, он оказался в полной изоляции и был вынужден согласиться на условия даже более жесткие, чем те, которые ему предлагались ранее⁹².

Первый и самый спорный пункт новых договоренностей с кредиторами (так называемого третьего меморандума) — увеличение налогов. Новая ставка НДС на книги, медикаменты и театральные билеты составляет 6%, на свежие продукты

⁹¹ Reforms for the completion of the current programme and beyond. URL: www.referendum2015gov.gr/wp-content/uploads/2015/06/REFORMS-FOR-COMPLETION-OF-CURRENT-PROGRAM-1.pdf.

⁹² Euro Summit Statement. Brussels, 12 July 2015. SN 4070/15. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/13_07_15eurosummit.pdf.

питания, электроэнергию, воду и гостиничный бизнес — 13%, на бакалею, транспорт, ресторанное обслуживание, кейтеринг и медицинские услуги — 23%. Эти меры в среднесрочной перспективе нанесут серьезный удар по предпринимателям, работающим в сфере услуг (отельерам, рестораторам, судовладельцам), где производится большая часть греческого ВВП. Помимо этого с 10 до 13% повышается налог на роскошь, с 13 до 26% — налог на фермерские хозяйства, с 26 до 28% — корпоративный налог.

Вторая договоренность касается пенсионной реформы. Правительство Греции взяло на себя обязательство повысить пенсионный возраст до 67 лет, сократить возможности для досрочного выхода на пенсию, увеличить отчисления с пенсионеров в страховой медицинский фонд. Все эти меры уже давно назрели: греческая пенсионная система в ее нынешнем виде нежизнеспособна, о чем свидетельствует возрастающий дефицит пенсионных фондов, в первом квартале 2015 г. составивший 350 млн евро. В то же время на протяжении последних пяти лет в условиях 25-процентной безработицы щедрые пенсии служили важным амортизатором, благодаря которому Греция избежала полномасштабной социальной катастрофы (сотни тысяч трудоспособных греков жили за счет помощи своих родственников-пенсионеров).

Третий блок реформ связан с приватизацией государственной собственности. Наиболее ценные госактивы будут переданы в управление специально созданного независимого фонда, который за счет их приватизации должен привлечь 50 млрд евро. Половина этих денег пойдет на докапитализацию банков, четверть — на погашение государственной задолженности, еще четверть — на инвестиции. По сути это попытка реанимировать выдвинутый еще в 2011 г. план приватизации на ту же сумму, который полностью провалился, причем не столько из-за нерасторопности властей, сколько вследствие отсутствия интереса к данным активам со стороны инвесторов, обходящих Грецию стороной из-за чрезмерной налоговой нагрузки и сложных условий ведения бизнеса.

Среди других объявленных правительством мер — дальнейшая либерализация трудового законодательства, обеспечение полной независимости национальной статистической службы ELSTAT (она была уличена в манипуляциях со статистикой в угоду греческим властям), а также внесение поправок в гражданский процессуальный кодекс с целью сокращения издержек и ускорения судебных разбирательств.

В обмен на эти реформы Греция получила кредитную линию на 86 млрд евро. Большая часть этих денег (50 млрд) поступит из средств ЕСМ, однако, вопреки возражениям со стороны греческой делегации, МВФ также будет привлечен к рефинансированию задолженности. Как и раньше, представители тройки кредиторов (или «институтов», в соответствии с новой терминологией) будут регулярно приезжать в Афины с инспекциями, по результатам которых будет происходить выделение каждого нового транша. Помимо этого, Еврокомиссия планирует в течение трех-пяти лет изыскать до 35 млрд евро (через различные программы ЕС) на оживление экономического роста — инвестиции, борьбу с безработицей, поддержку малого и среднего бизнеса и пр.

В тексте меморандума указано, что Греции не следует рассчитывать на номинальное списание госдолга, однако в случае необходимости возможны дополнительные меры, направленные на облегчение долгового бремени (например, пролонгация кредитов). Отказ от списания долгов вызвал негативную реакцию со стороны экспертного сообщества как в самой Греции, так и за ее пределами. В докладе МВФ от 14 июля 2015 г. прямо говорится, что «греческий госдолг стал нежизнеспособным» (в ближайшие два года он превысит 200% ВВП страны), и для

решения проблемы потребуются гораздо более серьезные меры, нежели те, что были предложены на саммите⁹³.

Главная причина неудачного для Греции исхода переговоров связана с тем, что предвыборные обещания партии СИРИЗА, которые включали полное восстановление на своих местах ранее уволенных работников госсектора, отмену программы приватизации, повышение зарплат и пенсий, но отнюдь не структурное реформирование и модернизацию экономики, были заведомо неприемлемы для европейских кредиторов. Для них было очевидно, что в случае, если требования греческой стороны будут удовлетворены, страна вновь начнет жить не по средствам и проводить ту экономическую политику, которая в свое время привела ее к кризису. Поэтому, несмотря на попытки А. Ципраса сыграть на имеющихся внутри Евросоюза противоречиях и заручиться поддержкой со стороны лидеров ряда стран, также столкнувшихся с проблемами в сфере государственных финансов (Италии, Испании, Франции), страны — члены ЕС заняли консолидированную позицию, заключающуюся в том, что Греция должна продолжить следовать ранее взятым на себя обязательствам.

Также следует признать, что пришедшие к власти в Греции политики (в первую очередь министр финансов Я. Варуфакис, отличившийся своим экстравагантным поведением и неготовностью к каким бы то ни было компромиссам), не имевшие достаточного опыта, изначально избрали не соответствующий сложившимся в ЕС традициям подход к ведению переговоров. Вместо того чтобы предложить реалистичный план развития греческой экономики, новое правительство попыталось навязать ЕС свои правила игры, выдвинув заведомо нереализуемые требования, тем самым спровоцировав недовольство политических элит Евросоюза.

Соглашение о третьем пакете финансовой помощи, обусловленной проведением в Греции структурных реформ и возобновлением мер жесткой экономии, означало фактический отказ А. Ципраса от предвыборных обещаний и его сближение с центристскими партиями, ориентированными на продолжение сотрудничества с международными кредиторами. В своих выступлениях председатель правительства Греции подчеркивал, что его решение носит вынужденный характер, поскольку подписание меморандума является меньшим из зол в сравнении с дефолтом и выходом страны из еврозоны. Однако в самой партии СИРИЗА многими ее представителями, составлявшими так называемую левую платформу, оно было расценено как предательство интересов греческих избирателей, заявивших на референдуме о своем категорическом неприятии дальнейшей политики «затягивания поясов». Эти внутрипартийные противоречия проявились особенно остро в ходе голосования 14 августа 2015 г. по третьему пакету финансовой поддержки, на котором 32 депутата от левых радикалов высказались «против» и еще 11 воздержались (законопроект был принят исключительно благодаря поддержке оппозиционных партий — «Новой демократии», ПАСОК и «Потами»). Часть из них во главе с бывшим министром энергетики П. Лафазанисом покинули фракцию и создали новую депутатскую группу «Народное единство», открыто выступающую за объявление дефолта и возврат к национальной валюте. Лишившись 25 депутатов, СИРИЗА утратила парламентское большинство, и 20 августа правительство А. Ципраса ушло в отставку. В стране были назначены очередные, уже вторые за год досрочные парламентские выборы.

Несмотря на то, что многими экспертами предрекался закат партии левых радикалов, СИРИЗА в ее обновленном составе⁹⁴ сумела вновь одержать победу: ей

⁹³ Greece. IMF Country Report No. 15/186. URL: www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2015/cr15186.pdf?hootPostID=2cd94f17236d717acd9949448d794045.

отдали свои голоса 35,5% избирателей, всего на 0,8 п.п. меньше, чем на предыдущих выборах. «Новая демократия» же, которая по ряду проводившихся накануне выборов опросов лидировала в избирательной гонке, собрала лишь 28,1% голосов. В целом же расстановка сил в парламенте мало изменилась: в него вошли те же семь партий, а также ранее в нем не представленный «Союз центристов» (партия эксцентричного телеведущего В. Левентиса, 14 раз участвовавшая в выборах и каждый раз проигрывавшая). Примечательно, что отколовшееся от СИРИЗА «Народное единство», выдвинувшее слишком радикальную для большинства граждан программу, предусматривавшую односторонний разрыв меморандума с кредиторами и выход Греции из еврозоны, потерпело на выборах сокрушительное поражение, набрав менее 3% голосов, необходимых для прохождения в парламент.

Полученных партиями СИРИЗА и «Независимые греки» депутатских мандатов (соответственно 145 и 10) оказалось достаточно, чтобы в очередной раз сформировать коалиционное правительство, по своему составу мало отличающееся от предыдущего.

Феномен сохраняющейся популярности леворадикальной партии объясняется тем, что она по-прежнему воспринимается как новая политическая сила, противостоящая старому истеблишменту, представленному двумя партиями, сменявшими друг друга у власти на протяжении предыдущих 40 лет, — «Новой демократией» и ПАСОК. С точки зрения большинства избирателей, именно эти партии являются главными виновниками текущего кризиса, поскольку с их деятельностью связаны причастность ряда высокопоставленных политиков к коррупционным схемам, махинации со статистикой, распространение практики клиентелизма⁹⁵.

Ошибки правительства А. Ципраса нанесли значительный ущерб экономике. В 2015 г. в стране вновь началась рецессия, по предварительным оценкам, ВВП сократился на 0,5%. Наибольший урон понесла банковская система: на ее докапитализацию потребуется до 25 млрд, что неизбежно вызовет новый виток роста государственного долга. Власти обещают снять все ограничения на движение денежных средств к концу 2016 г., однако, учитывая крайне сложную ситуацию с греческими банками, многие из которых находятся на грани банкротства, этот процесс может затянуться.

Дополнительным дестабилизирующим фактором развития греческой экономики стал нарастающий миграционный кризис в странах Евросоюза. По оценкам заместителя министра по иммиграционной политике Я. Музаласа, в 2016 г. на противодействие этому кризису стране придется потратить около 1 млрд евро — сумму, значительно превышающую выделяемые на эти цели ассигнования из фондов ЕС⁹⁶, и покрывать недостающие средства придется из государственного бюджета.

Контурь посткризисного развития

Любой кризис, каким бы тяжелым и продолжительным он ни был, рано или поздно подходит к концу. Если отбросить возможный, но все же маловероятный

⁹⁴ Вместо покинувших партию радикально настроенных политиков в ее состав были кооптированы новые члены, согласные с новым курсом А. Ципраса.

⁹⁵ Использование партиями государственных ресурсов для вознаграждения своих сторонников.

⁹⁶ Greece says will have to spend over 1 bln this year to deal with refugee crisis; NATO on its way. Kathimerini, 11 February 2016. URL: www.ekathimerini.com/205908/article/ekathimerini/news/greece-says-will-have-to-spend-over-1-bln-this-year-to-deal-with-refugee-crisis-nato-on-its-way.

сценарий повторения ситуации лета 2015 г., когда затянувшиеся переговоры с кредиторами едва не привели к государственному дефолту и переходу Греции к драхме, то к 2017 г. следует ожидать завершения рецессии. Однако вопрос о том, сможет ли страна вернуться к полноценному экономическому росту и в обозримом будущем выйти на докризисный уровень ВВП, или же за рецессией последует продолжительный период стагнации, остается открытым.

По прогнозу МВФ, опубликованному в апреле 2016 г.⁹⁷, экономическое развитие Греции будет происходить по умеренно неблагоприятному сценарию: с 2017 по 2021 г. среднегодовые темпы роста достигнут максимум 2,5% и к концу прогнозного периода ее ВВП (в постоянных ценах) составит лишь 83% от докризисного уровня. Греция закрепится в роли одной из самых отсталых стран Евросоюза, которая по показателю ВВП на душу населения уже в течение нескольких лет рискует войти в пятерку аутсайдеров (наряду с Болгарией, Румынией, Хорватией и Латвией).

В среднесрочной перспективе динамика греческой экономики будет зависеть прежде всего от того, удастся ли и, если да, то каким образом решить вопрос с рефинансированием государственного долга. Основные усилия греческих властей, вне зависимости от того, какая партия стоит у руля, направлены на смягчение долгового бремени — либо прямое списание части задолженности (как предлагает МВФ), либо дальнейшее сокращение ставок по облигациям и пролонгацию сроков их погашения. На сегодняшний день для большинства стран Евросоюза и прежде всего Германии, главного донора Греции, первый из названных вариантов политически неприемлем, поэтому наиболее вероятным представляется продолжение сотрудничества с кредиторами на прежних принципах. Учитывая крайне высокий уровень госдолга (по некоторым оценкам, к концу 2016 г. он вплотную приблизится к 200% ВВП), правительство Греции еще несколько лет не сможет выйти из программы помощи со стороны институтов ЕС и МВФ, как это сделали другие южноевропейские государства — Испания, Португалия и Республика Кипр. Рестриктивная бюджетно-налоговая политика, обусловленная требованиями международных кредиторов, продолжится. От греческого руководства потребуется немалое дипломатическое искусство, чтобы избежать откровенно рецессионных мер вроде понижения минимального размера пенсий или повышения ставок НДС.

В долгосрочной перспективе долговая ситуация продолжит оказывать серьезное воздействие на экономику Греции. Однако, как показал опыт других стран, быстрое экономическое развитие возможно даже при высокой государственной задолженности. При всей важности долговых проблем следует признать, что главный стоящий перед Грецией экономический вызов заключается в том, сможет ли она найти новое место в европейском и международном разделении труда и не занятые другими странами экономические ниши в отраслях с высокой добавленной стоимостью, способных генерировать значительные доходы. Большинство специалистов сходятся во мнении, что само по себе урегулирование долгового кризиса, даже в случае его реализации по наиболее предпочтительному для Греции сценарию, не способно создать устойчивые основы для экономического развития. Более того, списание долга может возыметь обратный эффект. Нельзя исключать, что, получив доступ на внешние рынки заимствований, греческие власти пойдут проторенным путем и направят полученные средства на финансирование потребительского сектора (через поддержку малоэффективных госпредприятий и бюджетной сферы), что негативно отразится на конкурентоспособности экономики и создаст предпосылки для повторения кризиса. По сути, жесткие условия финансовой

⁹⁷ IMF World Economic Outlook, April 2015.

поддержки, навязанные Греции партнерами по ЕС и МВФ, сейчас являются единственной надежной гарантией того, что страна продолжит структурные преобразования и не вернется к прежней модели развития, доказавшей свою несостоятельность.

Характерной особенностью греческой политической элиты, как старой, так и новой, утвердившейся у власти в 2015 г., является отсутствие целеполагания при осуществлении реформ, комплексного видения того, какой должна стать национальная экономика в будущем. Действия правительства в большинстве случаев являются тактическими ответами на возникающие трудности, проблемы решаются по мере их поступления. В условиях, когда любые перемены у подавляющего большинства населения ассоциируются с падением доходов и безработицей, экономические программы, предлагаемые греческими партиями, как правило, основываются на принципе «все будет так, как было до кризиса». Ярким примером того, как греческие партии апеллируют не к будущему, а к прошлому, стала избирательная кампания ПАСОК, которая в сентябре 2015 г. в качестве основного предвыборного ролика выбрала обращение к народу основателя партии А. Папандреу, записанное им несколько десятков лет назад. Даже среди профессиональных греческих исследователей, представляющих греческие вузы и научно-исследовательские центры (некоторые из них вошли в экономический блок партии СИРИЗА), многие придерживаются той точки зрения, что основная ответственность за кризис лежит не на Греции, а на международных кредиторах, поэтому, прежде чем менять модель развития экономики, необходимо пересмотреть условия меморандумов⁹⁸.

Примечательно, что первые серьезные попытки очертить контуры новой модели экономического роста, выходящие за рамки решения долговой проблемы, были предприняты не политическими партиями и даже не учеными-экономистами, а международными консалтинговыми компаниями, выступившими с конкретными идеями по стимулированию тех отраслей экономики Греции, которые имеют значительный нереализованный потенциал. Так, в опубликованном в 2011 г. докладе McKinsey «Греция 10 лет спустя»⁹⁹ был предложен комплекс мер, направленных на оживление пяти традиционных секторов народного хозяйства — туризма, энергетики, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и оптовой и розничной торговли, а также были выявлены «восходящие звезды», при помощи которых можно добиться существенной диверсификации экономики. Среди последних были названы:

1. производство лекарств-заменителей (дженериков);
2. разведение и выращивание водных организмов в естественных и искусственных условиях (прежде всего рыбы);
3. медицинский туризм;
4. создание учреждений по уходу за пожилыми людьми (в Греции их сейчас очень мало);

⁹⁸ Отметим, что данный подход разделяется рядом ведущих экономистов мира. Так, в июле 2015 г. Т. Пикетти, Д. Сакс и др. опубликовали открытое письмо к А. Меркель с предложением «снизить и реструктурировать долг Греции, дать ее экономике глоток свежего воздуха, чтобы восстановиться, и позволить Греции закрывать уменьшенный долг в течение более продолжительного срока» (Центр политического анализа, 08.07.2015. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/news/read/id/pjatero-veduschih-mirovyh-ekonomistov-podpisali-otkrytoe-pismo-kantsleru-frg-angele-merkel>).

⁹⁹ Greece 10 Years Ahead. Defining Greece's new growth model and strategy. September 2011. URL: www.mckinsey.com/locations/athens/GreeceExecutiveSummary_new/pdfs/Executive_summary_English.pdf.

5. совершенствование инфраструктуры транзитных грузоперевозок (этот пункт приобретает особую актуальность в свете подключения Греции к китайскому проекту «Новый шелковый путь»¹⁰⁰);
6. управление отходами (в Греции чрезвычайно слабо развита индустрия по их переработке, вместо этого практикуется захоронение отходов на свалках);
7. производство дорогостоящих и экологически чистых продуктов питания;
8. разработка целевых программ классического образования.

Практически все вышеперечисленные отрасли, за исключением переработки отходов и ухода за пожилыми людьми, ориентированы на экспорт. Безусловно, потенциал каждой из них неодинаков (наибольшие сомнения вызывает возможность создания привлекательных для иностранцев программ образования), однако сам факт того, что у Греции есть немало возможностей по расширению экспорта (как товаров, так и услуг) не вызывает сомнений. Так, в сделанном по заказу Еврокомиссии исследовании¹⁰¹, основанном на гравитационной модели внешней торговли, показано, что Греция недополучает около 1/3 возможных доходов от экспорта главным образом из-за низкого качества институтов, таких как соблюдение законодательных норм, регулирование рынка труда, защита прав собственности и т.д.

В самой Греции экспертная дискуссия относительно долгосрочных перспектив экономики заметно активизировалась в середине 2010-х гг., хотя отдельные публикации¹⁰² на эту тему стали появляться еще на начальном этапе развития кризиса. Это объясняется, с одной стороны, обозначившейся тенденцией к выходу из кризиса, с другой стороны, неудачей правительства А. Ципраса на переговорах с кредиторами, показавшей необходимость перехода к более реалистичной экономической политике, основанной на максимальном использовании внутренних источников роста. За последние два года было проведено несколько серьезных научно-практических мероприятий, в том числе конференция «Новая модель роста для греческой экономики» (июль 2015 г.) и первый Дельфийский экономический форум (февраль 2016 г.). На них обсуждались как общие проблемы, требующие концептуального осмысления (роль государства в развитии экономики, диверсификация отраслевой структуры, демографическая ситуация и пр.), так и более частные вопросы вроде потенциала отдельных отраслей и возможностей взаимодействия с ключевыми внешнеэкономическими партнерами. Появление подобных мероприятий, организованных при поддержке государственных органов власти, свидетельствует о постепенном снижении градуса популизма (по крайней мере в экспертной среде) и вселяет некоторую надежду на то, что в экономической политике правительство будет руководствоваться не только тактическими соображениями, но и стратегическими целями.

¹⁰⁰ Lihua Z., Trigkas V. Can China's New Silk Road End Greece's Economic Tragedy? Carnegie Moscow Center, May 11, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/05/12/can-china-s-new-silk-road-end-greece-s-economic-tragedy/i8e5>.

¹⁰¹ Böwer U., Michou V., Ungerer C. The Puzzle of the Missing Greek Exports. European Economy. Economic Papers 518. June 2014. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2014/pdf/ecp518_en.pdf.

¹⁰² Среди таких работ можно отметить исследование П. Петракиса «Греческая экономика и кризис: вызовы и ответы», в котором обосновывается, что помимо реформирования институтов необходимым условием для преодоления последствий рецессии является увеличение инвестиций в человеческий капитал. С точки зрения исследователя, образование и внедрение инноваций относятся к тем сферам, развитие которых невозможно без активной поддержки со стороны государства. См.: Petrakis P. The Greek Economy and the Crisis. Challenges and Responses. Springer, 2012. P. 424.

Несмотря на то, что перспективы развития греческой экономики остаются неопределенными, в последние несколько лет в Греции обозначилось несколько позитивных тенденций, которые могут стать основой для будущего посткризисного восстановления. Первая из них — это постепенное улучшение качества экономических институтов, нашедшее отражение в различных международных рейтингах. С 2009 по 2015 г. в исследовании Всемирного банка «Ведение бизнеса» Греция благодаря упрощению регистрации прав собственности и реформированию рынка труда поднялась с 96 на 61-ю позицию, а в списке стран по Индексу восприятия коррупции (публикуется организацией Transparency International) за тот же период переместилась с 71 на 58-е место. Безусловно, достигнутый прогресс явно недостаточен для того, чтобы говорить о серьезном повышении конкурентоспособности греческой экономики: по большинству соответствующих показателей Греция по-прежнему уступает практически всем странам ЕС. Однако в случае успешного осуществления запланированных на 2016 г. реформ системы экономического регулирования (либерализация энергетического рынка, упрощение процедуры выдачи лицензий для реализации инвестиционных проектов и пр.) ситуация может существенным образом измениться.

Вторая область, где были достигнуты заметные результаты — это внешняя торговля. С 2007 по 2015 г. объем греческого товарного экспорта вырос с 19,4 млрд до 25,9 млрд евро, при этом большая часть прироста экспортных поставок была достигнута за счет выхода на новые рынки, находящиеся за пределами ЕС. Если до кризиса на долю других стран Евросоюза приходилось лишь 36,6% стоимостного объема экспорта, то в 2015 г. этот показатель составил 46,2%¹⁰³. Внешняя торговля Греции становится более диверсифицированной, греческие товаропроизводители во все меньшей степени зависят от конъюнктуры на рынках Евросоюза. Важными покупателями греческих товаров стали такие страны, как Турция, США, Македония, Ливан, Израиль и до 2014 г. (до введения Российской Федерацией в ответ на санкции ЕС продуктового эмбарго) — Россия. Правда, позитивные сдвиги в товарной торговле были достигнуты в основном благодаря наращиванию поставок продукции с низкой добавленной стоимостью, в первую очередь топлива, производимого на местных НПЗ из импортируемой нефти¹⁰⁴.

Третья позитивная тенденция связана с развитием ряда крупных частных компаний, которые сумели расширить свою деятельность и улучшить финансовые показатели. В известной степени кризис оздоровил бизнес, убрав с рынка наименее эффективные предприятия, в том числе те, которые долгое время оставались на плаву исключительно благодаря государственной поддержке. Также положительную роль сыграли начавшиеся в стране институциональные реформы, усилившие конкурентное начало в экономике. Одним из самых ярких примеров динамичного роста в условиях кризиса стала работа авиакомпании Aegean Airlines, которая заметно расширила свое участие на международном рынке авиаперевозок и вошла в 15 крупнейших европейских авиакомпаний по пассажирообороту. В 2012 г. она объявила о покупке проблемной компании Olympic Air, а после банкротства кипрского авиаперевозчика Cyprus Airways открыла третий по счету (после Афин и Салоник) региональный хаб в Ларнаке. Еще одна «история успеха» — деятельность греческой торговой сети Jumbo, специализирующейся на продаже игрушек, которая с 2008 по 2014 г. увеличила выручку на 63%¹⁰⁵ и укрепила свое положение как

¹⁰³ Рассчитано по данным Евростата (EU Trade Since 1988 by BEC).

¹⁰⁴ Кузнецов А.В. Трансформация структуры внешней торговли Греции в результате экономического кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике. Под ред. Ю.Д. Квашнина. М.: ИМЭМО РАН, 2013.

¹⁰⁵ Рассчитано по данным официального сайта компании (URL: <http://corporate.e-jumbo.gr/en>).

ведущей компании, работающей в данной области, не только в Греции, но и в соседних странах (в Румынии, Болгарии и на Кипре). Интересно, что, несмотря на экономический спад, многие греческие предприятия удерживают высокие места в списках компаний с лучшими условиями труда¹⁰⁶.

Восстановлению народного хозяйства также будет способствовать чрезвычайно благоприятная ситуация, сложившаяся на традиционно важном для Греции рынке туристических услуг. В 2015 г. Грецию посетили 23,6 млн иностранных туристов против 14,9 млн в 2009 г., и, по прогнозам экспертов,¹⁰⁷ в ближайшие годы рост туристического потока продолжится. Интерес к Греции как к туристическому направлению объясняется двумя обстоятельствами — увеличением спроса, связанным с экономическим ростом в странах ЕС (у граждан европейских стран появляется все больше возможностей для выезда за рубеж), и дестабилизацией внутривнутриполитической ситуации в тех странах, которые конкурируют с Грецией за привлечение туристов (Турция, Египет, Тунис). По мере роста популярности отдыха в Греции будут возрастать и инвестиции в туризм и смежные отрасли (производство строительных материалов, морские и воздушные пассажироперевозки и пр.). Неслучайно одной из наиболее значимых приватизационных сделок последних лет стала передача немецкой компании Fraport 14 местных аэропортов (в том числе на Косе, Родосе, Миконосе, Санторини и Корфу), которые будут приведены в соответствие с международными стандартами.

Наконец, греческие власти возлагают большие надежды на превращение страны в крупный энергетический узел. Несмотря на начавшееся в 2014 г. падение цен на энергоносители и сворачивание ряда газотранспортных проектов с участием Греции (например, продвигавшегося Россией «Южного потока»), некоторые из заявленных трубопроводов все же могут быть реализованы. Выше всего оцениваются шансы Трансадриатического газопровода по доставке азербайджанского газа в Италию через территорию Греции и Албании, а затем — по дну Адриатического моря. Если этот проект будет осуществлен в срок (в качестве ориентировочной даты называется 2019 г.), Греция уже через три года сможет не только диверсифицировать импорт голубого топлива (сейчас львиная доля газовых поставок приходится на Россию), но и получить дополнительные доходы за счет его транзита.

¹⁰⁶ Так, из ста лучших европейских компаний, включенных в список института Great Place to Work, семь расположены в Греции. Подробнее см.: 7 Companies in Greece Among the Best in Europe. Greek Reporter, June 6, 2015. URL: <http://eu.greekreporter.com/2015/06/06/7-companies-in-greece-among-the-best-in-europe>.

¹⁰⁷ UNWTO expects Greek tourism industry to prosper during 2016. Tornos News, 19.03.2016. URL: www.tornosnews.gr/en/tourism-businesses/markets/15080-unwto-expects-greek-tourism-industry-to-prosper-in-2016.html.

Глава 6. СТРАНЫ БАЛТИИ

Значение иностранного капитала в странах Балтии

Страны Балтии вошли в состав Евросоюза 1 мая 2004 г. За прошедшее время только четыре года (2004-2007 гг.) выглядели ободряющими и давали основание экспертам говорить о начале экономического рывка в Прибалтике. В эти годы темпы прироста ВВП Латвии, Литвы, Эстонии достигали 7%. Основой роста служило энергичное освоение североевропейским капиталом их финансового рынка.

Иностранный капитал, представленный в финансовой сфере стран Балтии главным образом североевропейскими финансовыми группами (шведские SEB, Swedbank и финляндская Pohjola), накануне кризиса занимал доминирующие позиции в их банковском секторе. В середине 2000-х годов они заявляли, что считают страны Балтии частью своего внутреннего рынка. Эти амбиции не оспаривали ни североевропейские, ни прибалтийские власти. В результате указанный статус получил признание и в странах Балтии и на Севере Европы, хотя документально его не закрепляли, то есть отсутствуют юридически обязывающие документы на этот счет в виде соответствующих договоренностей между прибалтийскими и североевропейскими правительствами. Следовательно, нельзя говорить о тенденции формирования на межправительственном уровне процессов взаимной интеграции.

Это означает, что реальными рычагами управления прибалтийскими экономиками обладают североевропейские финансовые группы. Во-первых, они обеспечивают движение капиталов, задают ему цели и определяют ритм движения. Во-вторых, прибалтийские экономики оказываются привязанными к экономикам североевропейских стран, и при ухудшении экономической ситуации страны Северной Европы обоснованно отдают предпочтение свои государствам, а затем уже уделяют внимание и прибалтийским республикам. Наблюдение за ситуацией в странах Северной Европы давало информацию о том, как экономическое развитие так или иначе, рано или поздно отразится и в странах Балтии. Следует отметить, что указанная зависимость устраивала Еврокомиссию, так как подразумевалось, что Швеция и Финляндия берут на себя ответственность за страны Балтии. К изъянам этой схемы следует отнести то, что североевропейские группы начинают себя чувствовать полными монополистами вплоть до того, что препятствуют приходу на прибалтийский рынок таких инвесторов, которые обладают потенциалом стать им конкурентами. В результате прибалтийский рынок становится более закрытым и имеющим предпосылки к стагнации.

Ситуация сказывается на общем состоянии прибалтийских экономик, которые становятся недоступными для прочих инвестиций и теряют свою привлекательность особенно для тех стран, которые граничат с ними. В наибольшей степени североевропейский капитал проник в Эстонию, за ней следует Латвия. Что же касается Литвы, то здесь североевропейскому капиталу приходится считаться с польскими и белорусскими инвесторами, к которым литовцы испытывают историческую тягу, обладающую большей силой, чем влияние Северной Европы. Приведенные связи в прибалтийских экономиках не очень бросались в глаза, когда мировая и региональные экономики развивались благоприятно. Тогда на первый план естественно выходили показатели роста, и эксперты не слишком часто задавались вопросом, что является источником их роста и как распределяется прирост ВВП.

При экономическом росте в выигрыше оказывается иностранный капитал в Прибалтике, так как возрастают его доходы от увеличения ВВП. От его чистой прибыли прибалтийским странам остается 21%, что обусловлено размером базисного налога, уплачиваемого иностранным капиталом со своих доходов в Прибалтике. Большая же часть – 79% – поступает в прямое распоряжение иностранного капитала. Тем не менее, прибалтийские республики получают возможность позиционировать себя успешными экономиками и таким образом рассчитывать на привлечение инвестиций от якобы благоприятного инвестиционного климата и на увеличение дотаций со стороны Евросоюза. Во всяком случае, для доминирующего в Прибалтике иностранного капитала – североевропейского – появляется стимул наращивать и расширять свои инвестиции в этом регионе. Таков общий механизм влияния иностранного капитала на инвестиционный режим в странах Балтии при благоприятном состоянии мировой экономики.

Таким образом, североевропейский капитал масштабно обустроился в Прибалтике и, несомненно, имеет статус одного из главных факторов динамики экономического развития. В то же время в иерархии интересов североевропейского капитала прибалтийские страны занимают периферийное значение, и внимание им уделяется по остаточному принципу. Североевропейский капитал проводит политику огораживания Прибалтики от иностранных инвесторов, которые могут в принципе или по своему потенциалу составить конкуренцию североевропейскому капиталу. Таким образом, иностранный капитал стал передаточным механизмом для распространения внешних кризисных явлений на экономику этих стран.

Говоря о предкризисном периоде, т.е. 2005 и 2006 гг., следует иметь в виду, что это были первые годы пребывания стран Балтии в Евросоюзе, которые характеризовались чрезвычайно высокими темпами роста ВВП, которые достигали 10% в год. Данный факт вызывал эйфорию среди населения и давал право прибалтийским политикам распространять тезис о том, что пребывание стран Балтии в составе СССР сдерживало их потенциал развития, который теперь в рамках ЕС получил естественную динамику. Одновременно прибалтийские политики призывали другие постсоветские республики последовать их примеру и, прежде всего, дистанцироваться от СНГ. Правда, вне поля зрения оставалось то, что рост ВВП в странах Балтии происходил главным образом за счет масштабов и объема финансовых операций североевропейских банков, которые в те годы агрессивно кредитовали местное население и национальный бизнес, стимулируя такими инъекциями спрос в Прибалтике.

В этом контексте тема надвигающегося глобального кризиса вряд ли могла найти понимание в странах Балтии, она казалась как населению, так и политикам надуманной, и некоторые договаривались до того, что она возможно иницируется Россией, чтобы напугать страны Балтии и помешать их движению к процветанию. Свою негативную роль сыграли и присущие странам Балтии иждивенческие настроения, которые вытекали из того обстоятельства, что прибалтийские экономики всегда были дотируемыми, и соответственно те, кто понимал остроту экономической ситуации в мире, в глубине души надеялись, что и в случае кризиса страны Балтии получат финансовую и иную поддержку, которую они обычно получали ранее. Другими словами, общий фон в странах Балтии накануне кризиса не способствовал тому, чтобы к кризису заблаговременно готовились. Более того, как отмечалось выше, существовали опасения, что развертывание и широкое обсуждение темы кризиса может привести к сбою в деловой активности. Одним словом, ситуация работала против стран Балтии.

Своеобразие условий принятия антикризисных решений в странах Балтии

Признаки формирования кризисных явлений, если говорить о кризисе 2008-2009 гг., фиксировались отдельными экспертами в 2005-2007 гг. Это, в частности, отражалось в поведении наиболее предусмотрительных ТНК, которые предпринимали меры по профилактике возможного ущерба. В предкризисных и кризисных условиях иностранный капитал начинает заблаговременно сокращать свою деятельность и обычно эвакуирует капитал под свою юрисдикцию, чтобы избежать неожиданностей со стороны местных властей.

К примеру, в странах Балтии финансовые группы SEB и Swedbank в преддверии и в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. вывели из банковского сектора значительный объем средств, в частности путем изменения статуса своих банков в Прибалтике и трансформации их из категории самостоятельных, но аффилированных с ними банков в свои филиалы. Совершенный маневр освободил SEB и Swedbank от необходимости юридически обязательного резервирования средств в прибалтийских центральных банках. Освободившиеся средства были выведены из стран Балтии в страну происхождения. Североевропейские компании в Прибалтике изменяли статус своих филиалов таким образом, что по прибалтийскому законодательству они понижали представительство и освобождались от ряда гарантированных платежей. С другой стороны, они сводили до минимума свою собственность, которая могла бы подвергнуться государственному вмешательству в случае непредвиденного развития событий в странах Балтии. К примеру, банки Swedbank и SEB продали принадлежавшие им здания в Латвии, Литве, Эстонии специально созданным и отдаленно аффилированным структурам, а затем взяли у них эти здания в аренду, то есть в случае возможных претензий к банкам они отвечали бы только канцелярским имуществом – единственной своей собственностью в Прибалтике. Более того, Swedbank прорабатывал возможность применительно к Эстонии переноса управленческих банковских структур полностью в Швецию и управление своей банковской деятельностью на эстонской территории, включая использование банкоматов, через Интернет. Такой подход вызвал публичное неудовольствие обычно покладистого правительства Эстонии, и Swedbank был вынужден пересмотреть свои планы по выводу банковского управления из Эстонии. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что основные иностранные инвесторы в странах Балтии основательно готовились к кризису 2008-2009 гг., видимо считая его неизбежным и затяжным.

Понятно, что указанные действия привели к снижению объема ликвидности в странах Балтии и соответственно замедлению экономического роста в прибалтийских экономиках.

Тем не менее, прибалтийские экономисты и политическая элита стран Балтии не делали выводов из профилактических шагов международных ТНК в лице североевропейских финансовых групп. На тот период в Прибалтике не отмечалось ни тревожных прогнозов, ни конкретных мер по тому, чтобы обезопасить национальные экономики от надвигающегося кризиса. Более того, временами прибалтийские общественные и политические деятели допускали скепсис в отношении поведения ТНК, представляя их антикризисные меры как один из обычных вариантов изменения деловой стратегии и тактики. В частности, звучало мнение, что сужение деятельности североевропейских ТНК открывает возможности для активности национального капитала. Сейчас затруднительно точно дать ответ, тиражировалось ли подобное отношение в силу неопытности и наивности

прибалтийских руководителей или к нему приложили руку и иностранные спонсоры? Дело в том, что описанная ситуация прямо и косвенно стимулировала получение в Прибалтике кредитов, которые предоставляли главным образом североευропейские банки, а заемщиками выступали прибалтийский бизнес и местное население. Результатом стало то, что страны Балтии вошли в кризис закредитованными и соответственно их маневр во время кризиса был скован, что привело к значительному падению ВВП и понижению предпринимательской активности, а преодоление посткризисных явлений носило болезненный характер и растянулось во времени.

В то же время вряд ли обоснованно предъявлять повышенные требования к антикризисному мышлению прибалтийских руководителей. Здесь следует учесть несколько аспектов: опыт и стандарты, действовавшие в то время в Прибалтике в части прогноза кризисов и управления странами в кризисных ситуациях; статус прибалтийских республик в Евросоюзе; общее состояние настроений в Прибалтике и восприятие окружающего мира.

В годы, предшествующие вступлению в Евросоюз, в прибалтийских республиках наблюдалась неудержимая эйфория и уверенность в том, что, войдя в ЕС, они в сжатые сроки достигнут уровня благосостояния таких ведущих стран ЕС, как Германия, Франция, Италия. Политики, экономисты и простые граждане искренне считали экономическую мощь Евросоюза незыблемой, а его потенциал безграничным. Политическое руководство глубоко не задумывалось о национальных перспективах, полагая, что все возможные варианты развития для стран Балтии тщательно просчитаны Еврокомиссией, а, значит, можно не бояться за будущую стабильность. Следует добавить, что эти страны не имели достаточного опыта самостоятельной государственности, у их руководителей со времен пребывания в составе СССР сформировалась привычка надеяться на постоянное доброжелательное патронирование и безотказное дотирование национальных экономик. В прибалтийских странах искренне верили, что по своему содержанию и по форме членство в ЕС будет очень похоже на пребывание в составе СССР. Принципиальное различие виделось только в том, что будет происходить приобщение не к идеалам социализма, а к западным ценностям.

Даже когда признаки надвигающегося кризиса стали приобретать зримые очертания, в странах Балтии сохранялся оптимизм, базирующийся на вере в то, что о них побеспокоится Брюссель. Они ни морально, ни организационно не были готовы к преодолению кризиса, а тем более к длительному функционированию национальных экономик в условиях кризиса. В силу же предкризисной пассивности Еврокомиссии своевременной методической и финансовой помощи со стороны ЕС они не получили.

В середине 2000-х гг. в руководстве стран Балтии были лица либо пришедшие из советского государственного аппарата, либо прибывшие из других стран, главным образом из США. Ни те, ни другие не обладали опытом и масштабом мышления для управления независимым государством во всех сложностях его развития. Преобладал исполнительский стиль поведения, что наиболее наглядно просматривалось на переговорах с Евросоюзом и НАТО о вступлении в эти организации, когда прибалтийские руководители безоговорочно принимали любые пожелания, не задумываясь о перспективах их практического применения и возникающих последствиях. Такой стиль поведения не предполагал самостоятельного осмысления складывающейся в регионе и в мире ситуации, а тем более взятие на себя ответственности за принятие решений по обеспечению действительно национальных интересов. Во главу угла выносились только те

вопросы, на которых фокусировалось внимание ведущих западных стран и сквозило неприкрытое желание попасть с ним в унисон.

Антикризисная деятельность в странах Балтии осуществлялась *ad hoc*, т.е. по складывающейся ситуации. На нее оказали влияние три основных фактора: действия самих национальных правительств, меры иностранного капитала по обеспечению безопасности своих активов на территории стран Балтии (см. выше), антикризисные решения Евросоюза.

При наступлении кризиса правительства государств Балтии намеревались прибегнуть к испытанному приему – девальвации валют, что должно было повысить конкурентоспособность национального капитала и способствовать улучшению финансового положения. Однако этому воспротивился североевропейский капитал, чьи активы большей частью были представлены кредитами прибалтийским домохозяйствам и бизнесу в местной валюте. Фондирование же происходило в долларах, переводимых из стран Северной Европы в Прибалтику. Возможная девальвация обесценила бы выданные кредиты.

Еще одним инструментом обеспечения безопасности активов стало успешное лоббирование североевропейскими странами присоединения прибалтийских республик к зоне евро. Невзирая на очевидное усложнение обстановки вокруг евро как внутри ЕС, так и на международных рынках, страны Балтии продолжали настойчиво претендовать на присоединение к зоне евро, т.е. на замену национальной валюты евро. Главным же условием, разрешающим подачу заявки на присоединение к зоне евро, служит правило установления фиксированного курса национальной валюты по отношению к евро, который должен действовать не менее двух лет, а сама валюта не подвергаться девальвации. Страны Балтии добросовестно следовали этому правилу, несмотря на кризисные явления в экономике. Согласно директивным документам ЕС, введение евро рассматривается как обязательный элемент членства в ЕС и служит своего рода признанием высокой степени развития национальной экономики и ее интегрированности в общую экономику ЕС. Эстония вошла в зону евро с 1 января 2011 г., Латвия – с 1 января 2014 г., Литва – с 1 января 2015 г. Введение евро исключало возможность девальвации местных валют, т.е. обесценения кредитов, выданных североевропейцами в Прибалтике.

В конечном счете власти Прибалтики отказались от проведения девальвации и прибегли к традиционной антикризисной мере – секвестированию бюджетов за счет уменьшения расходов по социальным статьям и по содержанию государственного аппарата. В частности, были понижены пенсии и значительно снижены, иногда до 40%, зарплаты в госсекторе. Однако перенос центра тяжести кризиса на население не привел к оживлению деятельности бизнеса. Одновременно последовали обращения в Еврокомиссию за дополнительными дотациями.

Эти меры отрицательно подействовали на общий спрос. По совокупности подобных мер, принятых иностранным капиталом и местными властями, экономика Латвии, к примеру, испытала сильнейший спад – ВВП страны по сравнению с докризисным уровнем снизился на 27%. Вопрос о возможности повышения налогов, в том числе на иностранный капитал с целью пополнения доходной базы бюджета, прибалтийскими властями не ставился и широко в обществе не дискутировался.

Действия иностранного капитала и местных властей по перекладыванию основных тягот на местное население вызвали позитивную реакцию у МВФ, руководитель которой специально посещала Латвию, публично выразила латвийскому руководству признательность и призвала другие страны следовать примеру прибалтийских республик по разработке стратегии и тактике выхода из кризиса.

Серьезно сдерживающим фактором, препятствовавшим поддержанию экономического стабильности и росту ВВП в странах Балтии, выступает то обстоятельство, что страны Балтии пошли по пути самоограничения региональных экономических связей, изолировав себя от естественного и мощного экономического партнера, каким для них всегда была Россия. Помимо недополученной экономической выгоды, прибалтийские экономики страдают от монополии североευропейского капитала в своих экономиках, что раньше балансировалось присутствием российского капитала. Ситуация неизбежно приходит к консервации прибалтийского рынка и его стагнации. Как уже отмечалось, североευропейский капитал декларирует прибалтийский рынок сегментом североευропейского, прежде всего, шведского и финляндского рынков. Прибалтийские нынешние правители не подвергают сомнению эти декларации. Другой вопрос связан с тем, что североευропейский капитал доминирует в странах Балтии, далеко превышая уровень половины действующих в Прибалтике активов.

Страны Балтии среди членов ЕС наиболее пострадали от кризиса. В дальнейшем мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. получил свое продолжение в виде кризиса в зоне евро, перешедшего в открытую фазу весной 2010 г. И пока он не завершён. В настоящее время Евросоюз в целом и отдельные входящие в него страны по-прежнему заняты восстановлением своих экономик до кризисного уровня и переходом к эффективному росту. Однако признаки радикального улучшения ситуации пока не просматриваются. Это означает, что экономики стран Балтии, по существу, уже более семи лет пребывают в кризисе, который принимает то вялотекущий, то активный характер. Так, Латвия смогла это сделать только по результатам 2015 г. Латвия и Литва оказались по классификации ЕС за чертой бедности.

Кризисное регулирование в Евросоюзе

Прибалтийские претензии к ЕС можно считать справедливыми в том смысле, что срочное кризисное регулирование в Евросоюзе в 2008-2009 гг. было направлено, прежде всего, на спасение общей финансовой системы организации. Справедливости ради надо отметить, что в ЕС отслеживали состояние дел в странах Балтии. К примеру, учитывая бедственное, если не сказать катастрофическое положение латвийской экономики в то время, Еврокомиссия предложила выделить Латвии в исключительном порядке антикризисный пакет в размере 3.1 млрд евро. Но в значительной степени антикризисная функция была делегирована странам-участницам.

Обращает на себя внимание то, что в период, предшествовавший мировому кризису 2008-2009 гг. и долговому кризису в зоне евро, прибалтийские республики позиционировались международными организациями как преуспевающие и перспективные экономики. Возможно, эти оценки дезориентировали прибалтийских руководителей.

Отношение к кризисным процессам в рамках Евросоюза свидетельствует в целом о том, что Еврокомиссия заблаговременно не разрабатывала план действий в условиях кризиса. Это можно рассматривать как серьёзный изъян системы управления в Евросоюзе. Необходимость финансирования антикризисных мер и механизмов проявилась при обсуждении и принятии общего долгосрочного бюджета ЕС, Предыдущий долгосрочный бюджет охватывал период 2007-2013 гг. и в него не были заложены возможности антикризисных мер. В общем долгосрочном бюджете, рассчитанном на 2014-2020 гг., основной крен был сделан на формирование фондов, предназначенных для оказания помощи странам, экономический кризис в

которых может оказать негативное влияние на состояние всей экономики Евросоюза. Обязательства по формированию фондов носили императивный характер для той части ЕС, которая образует зону евро. Из стран Балтии это касалось только Эстонии, которая получила право ввести евро в качестве национальной валюты с 1 января 2011 г. и на момент принятия общего бюджета уже являлась полноценным членом зоны евро. Кстати, по оценке североευропейских банковских экспертов, Эстонии придется внести в качестве ежегодных взносов в антикризисные фонды сумму, которая фактически равняется сумме дотаций, полученных эстонскими властями за истекший период ее членства в ЕС с 2004 г.

Помимо общих для всех членов ЕС антикризисных мер Евросоюз разработал специальные меры для стран Балтии, направленные на более широкое и полное переключение их экономик на сотрудничество и интеграцию со странами Северной Европы как основными инвесторами. В свою очередь, государствам Северной Европы в косвенной форме предлагалось «позаботиться» о странах Балтии и оказать им всемерную помощь в преодолении последствий кризисов. Контуры концепции такого сотрудничества, а по существу, создания временных зон влияния, были обрисованы в разработанной и принятой в 2009 г. Стратегии ЕС для Балтийского региона, имеющей статус пилотного проекта. Изучение этой концепции и ее воплощения на практике дает основание для гипотезы о формировании в Евросоюзе временных на период кризиса или постоянных зон влияния. Так, немецкие инвесторы, которые в 90-х годах XX столетия успешно осваивали прибалтийский рынок, прежде всего его банковский сектор и сектор недвижимости, в середине 2000-х годов без видимых причин фактически свернули свою деятельность в этом регионе, уступив свои позиции североευропейскому капиталу.

Таким образом, несмотря на всеобъемлющее название, документ касался только части стран-участниц ЕС в Балтийском регионе. Речь пошла о взаимоотношениях между странами Балтии и странами Северной Европы. В Стратегии проводится идея того, что страны-инвесторы должны нести ответственность за страны-реципиенты их инвестиций в кризисных условиях развития мировой и региональной экономик. Смысл идеи заключается в том, что странам Балтии не стоит особо надеяться на помощь от ЕС (т.е. происходило снижение объема централизованных дотаций и частичное снятие ответственности Еврокомиссии за общее развитие экономик стран Балтии), а больше рассчитывать на финансово-экономические отношения со странами Северной Европы. В свою очередь, североευропейским странам рекомендовалось при организации инвестирования в страны Балтии учитывать и то, что им придется в случае необходимости выступать своего рода спонсорами.

Возражений со стороны стран Северной Европы такой постановке вопроса не прозвучало, более того, основная дискуссия и принятие Стратегии пришлись на тот период, когда в Евросоюзе председательствовали Швеции и Финляндия. Косвенным принятием этой идеи может быть то, что страны Северной Европы, в частности, Швеции и Финляндия, продекларировали то, что воспринимают прибалтийский рынок как часть своего внутреннего рынка. Такая постановка вопроса не вызвала отторжений ни со стороны Еврокомиссии, ни со стороны национальных органов управления стран Балтии. Таким образом, североευропейские страны воспринимают прибалтийский рынок как сегмент рынка североευропейского. В практическом плане возникает двойной механизм. С одной стороны – Еврокомиссия, с другой – инициативы и подходы североευропейских стран, которые не всегда и не во всем совпадают с позицией Еврокомиссии.

В антикризисных мерах Еврокомиссии основной акцент в Балтийском регионе сделан также в пользу инвестиций в инфраструктурные проекты. К примеру, был

реанимирован проект *Rail Baltica*, предусматривающий железнодорожное соединение Северной Европы через прибалтийские страны со странами Центральной Европы (Польша, Германия) с возможным последующим продолжением до Южной Европы (Италия). Маршрут этого проекта проходит вблизи побережья Балтийского моря по территориям перечисленных стран. По признанию официальных лиц государств Балтии, эксплуатация этого маршрута вряд ли будет прибыльной, так как отсутствует реальное наполнение грузами, но на данном этапе его реализация может оживить хозяйственную деятельность в регионе и стимулировать развитие смежных отраслей. Формирование новых железнодорожных сетей, в частности, должно повысить спрос на электроэнергию и дать толчок развитию электроэнергетических структур в регионе. Роль координатора проекта возложена на Финляндию, в этой же стране (в Хельсинки) будет располагаться и его штаб-квартира.

Здесь можно обратить внимание на то, что Стратегия Балтийского региона разрабатывалась и принималась в разгар мирового финансово-экономического кризиса. Первые ее публичные упоминания относятся к 2007 г. Данное обстоятельство можно толковать как своего рода проницательность и стремление заблаговременно уберечь страны Балтии от кризиса. Эта версия не находит подтверждения, так как прибалтийские республики оказались наиболее пострадавшими от кризиса. К примеру, спад экономики в Латвии составил 27%. Возможен вариант, что страны Балтии применительно к Стратегии рассматривались как пробная схема закрепления стран-иждивенцев в рамках ЕС за странами-донорами. Если это так, то схема не получила широкого применения в ЕС. Возможно и то, что независимо от кризиса в Еврокомиссии искали возможности несколько обособить страны Балтии, которые в те годы претендовали на активную позицию в ЕС, не обладая ни опытом, ни потенциалом для подобных амбиций. В действительности, видимо сработала комбинация всех перечисленных факторов.

Описанные выше подходы к формированию кризисного регулирования в Евросоюзе не могли не быть восприняты и в странах-участниках, особенно в тех, которые относительно недавно обрели статус независимого государства и не обладают достаточным собственным опытом управления экономиками. В первую очередь это относится к странам Балтии. Тем более, нынешнее прибалтийское руководство в целом склонно к подражанию и заимствованию стереотипов и приемов, предлагаемых ведущими западными странами.

На экономике ЕС могут негативно сказаться и антироссийские санкции Брюсселя, увязанные с политико-экономическим кризисом на Украине. Принятые в ответ Россией защитные меры могут если не усугубить кризис, то заметно затормозить развитие некоторых европейских стран. Так, сокращение торговли с Россией сильнее всего ударит по странам Балтии: Литва может потерять 0,4% своего ВВП, Эстония – 0,35%, Латвия – 0,2% ВВП.

Таким образом, ни иностранный капитал, ни европейская бюрократия пока не стремятся разделить со странами Балтии тяготы выхода из кризиса. Издержки перекладываются главным образом на население и бизнес самих этих стран. Ситуация усугубляется еще и тем, что национальные власти не располагают необходимыми источниками инвестирования, такие источники представлены главным образом капиталом Северной Европы и Евросоюза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой финансовый и экономический кризис 2008-2009 гг. стал первым кризисом глобализированной экономики. Он характеризовался рядом особенностей по сравнению с предшествующими экономическими кризисами. Во-первых, он имел каскадный характер, во-вторых, был продолжительным и глубоким, в-третьих, в ряде стран он стал импортированным, в-четвертых, в нем была необычайно велика финансовая составляющая. Некоторые малые страны, которые вошли в процессы глобализации быстрее и глубже, во время предыдущих кризисов сумели частично адаптировать свою экономику и социальную сферу к новым условиям мирового хозяйствования. В результате, этот кризис оказался неоднородным среди стран по своей силе, глубине и различным параметрам. Те страны, которые заранее адаптировали свою экономику к новым условиям, смогли пройти его легче, поскольку в них уже были созданы отдельные элементы противостояния транслируемым через глобальные экономические связи внешним шокам.

Характерной особенностью этого кризиса стал кризис в финансовой сфере. Он пришел из США и в один момент поразил финансовые системы европейских стран. Некоторые страны уже имели этот опыт ранее, когда банкротились или национализировались банки или в стране лопались различные пузыри в сфере недвижимости. Кроме того, некоторые страны имели сравнительно ограниченные финансовые контакты с американским финансовым рынком. Поэтому сила этого удара была различной. Кстати, впоследствии в 2014 г. западные страны ввели санкции по отношению к России прежде всего именно в финансовых контактах с российскими банками, рассчитывая на аналогичный эффект своих действий. Паралич финансовых сетей привел к сокращению в реальном секторе экономики, снижению спроса и, как результат, сокращению экспорта почти всех стран. Это также способствовало углублению кризиса. В 2009 г. в большинстве стран ВВП упал примерно на 5%.

Еще одним фактором глубины кризиса стало расширение ЕС в 2004 и 2007 гг. за счет стран Центральной и Восточной Европы. Эти страны ранее принадлежали к социалистическому лагерю и по существу не знали кризисов. Правда, переход от административно-командной системы к рыночной экономике привел в большинстве случаев к сокращению производства, но это была совершенно иная причина. Для этих стран кризис 2008-2009 гг. стал первым тяжелым кризисом на новом этапе капиталистического развития.

До кризиса в ЕС не было определенной стратегии развития экономики и были неразвиты инструменты регулирования экономики. Только по мере углубления кризиса страны – члены ЕС начали предпринимать совместные меры по выходу из него. Впервые были применены антикризисные технологии на наднациональном уровне.

Первым делом большинство стран предпочли защищать свои банки путем выделения государственных гарантий банкам. На саммите Европейского союза в Париже в октябре 2008 г. лидеры стран ЕС высказались в пользу гарантирования межбанковских депозитов и вложения средств путем приобретения их акций. Правительства ведущих стран ЕС обязались предложить программы выхода этих стран из кризиса.

В ноябре 2008 г. Европейская комиссия предложила обширную программу стимулирования экономики. При этом считалось, что каждая страна предпочтет свои собственные меры выхода из кризиса.

В декабре 2008 г. Еврокомиссия утвердила совместный План европейского экономического восстановления, который был нацелен на оживление экономики, проведение структурных реформ и последующее развитие как ЕС в целом, так и отдельных стран.

По мере развития антикризисной политики ЕС стали отчетливо выделяться англосаксонская и континентальная модели. Англосаксонская включала в себя воздействие государства на финансовый сектор вплоть до национализации проблемных банков. В континентальной преобладали два подхода – французский, предусматривавший осуществление серьезного вмешательства государства в промышленность, и германский, предполагавший более сдержанную политику вмешательства со стороны государства.

Когда появились признаки оживления после мирового экономического и финансового кризиса, выяснилось, что Греция находится на грани дефолта, и ей потребовался крупный кредит. Затем жертвой кризиса стала Ирландия, а потом в предкризисном состоянии оказались Португалия и Испания, которым пришлось в срочном порядке вводить режим жесткой бюджетной экономии. Летом развернулся спекулятивный ажиотаж вокруг долговых обязательств Италии и Испании. Это создавало реальную угрозу дальнейшему существованию всей зоны евро. Таким образом, с 2010 г. возник кризис суверенных долгов, и экономический кризис вновь начал набирать обороты, а его центр пришелся на еврозону.

В мае 2010 г. министры финансов стран-членов ЕС приняли решение о создании Европейского инструмента финансовой стабилизации для помощи государствам зоны евро, которые испытывали проблемы в связи с ростом государственного долга – прежде всего Греции, Италии, Испании и Португалии. Основная цель этого фонда заключалась в выкупе государственных облигаций и прочих долговых инструментов стран, оказавшихся в тяжелой экономической ситуации. В его финансировании принял участие МВФ.

Таким образом, Европейский Союз добился наибольших успехов в проведении экстренных антикризисных мер и в институциональной надстройке системы стабилизации финансовых рынков. Перестройка и укрепление механизмов бюджетной консолидации шли медленнее.

В странах ЕС мировой экономический и финансовый кризис наиболее активно проявился в 2008-2009 гг., тогда как в отдельных странах наиболее сильные кризисы наблюдались несколько ранее. Отголоски кризиса во многих государствах ЕС ощущаются и сегодня. При этом меры его преодоления были во многом схожи. Прежде всего это масштабные вливания государственных средств в национальные экономики, повлекшие за собой быстрое увеличение дефицита бюджетов и стремительный рост государственного долга. В числе стандартных антикризисных мер можно назвать усиление стимулирования потребления, организацию общественных работ, обеспечение устойчивости функционирования денежно-кредитной сферы. Однако использовались и другие меры, принимавшиеся под диктатом Еврокомиссии, ЕЦБ, МВФ и иностранного капитала.

Существуют разные точки зрения по поводу того, является ли новая рецессия вследствие долгового кризиса новым самостоятельным кризисом или он является продолжением экономического кризиса 2008-2009 гг. По ряду признаков он является продолжением предыдущего кризиса, поскольку экономический и финансовый кризис в глобальной экономике начинает приобретать новые черты и, в частности, становится каскадным. Кроме того, дефициты государственных бюджетов и рост иностранного долга стали следствием предшествующего кризиса. Вместе с тем остается вопрос, закончился ли период неустойчивого роста экономики многих стран

– членов ЕС. Ведь только за последние пару лет показатели некоторых европейских стран перевалили за предкризисный уровень.

Вместе с тем многие страны ЕС приступили к разработке национальных антикризисных программ на будущее в связи с тем, что неизвестно, повторится ли такая же ситуация.

Научное издание

Новые антикризисные технологии в ЕС

*Под редакцией
Волкова Алексея Михайловича*

Коллективная монография

ISBN 978-5-9535-0486-7

Подписано в печать 19.12.2016.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 14,5 п.л., 9,4 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 48/2016

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23